

ISSN 0130-3600

საქართველოს
ლიტერატურის

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

8

1987

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАН МИМИНОШВИЛИ. Программа революционных преобразований. 3

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ — 150

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ. Элегия. Перевод Яна Гольцмана, Владимира Еременко, Семена Заславского, Натальи Соколовской, Ларисы Фоменко 6

АКАКИЙ ХИНТИБИДЗЕ. Поэтические параллели 10

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Драма Птичий базар. Перевод Анаиды Беставашвили 16

ЛАДО АСАТИАНИ. Стихи. Перевод Сергея Гандлевского, Георгия Келишвили 72

РАМАЗ КОБИДЗЕ. Листья папоротника. Роман. Продолжение. Перевод Д. Владимирова 77

ДЖАНО ДЖАНЕЛИДЗЕ. Стихи. Перевод Владимира Еременко 120

8

1987

ДМИТРИЙ МАМУЛАИШВИЛИ. Багровые
пятна на нежно-голубом шелке. Рассказ. 125
МИХАИЛ ЕЛИГУЛАШВИЛИ. Стихи . 159

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГУРАМ БЕНАШВИЛИ. О современной поэзии 157
ЗАЗА ГОГИЯ. Сквозь призму национального 168
ЭЛЕОНОРА ПЕРЕЛЬМАН. «Сверстник мча-
щихся времен» 177
МАЙЯ РУСИТАШВИЛИ. Искать человека . 186

О ТЕХ, КТО КОВАЛ ПОБЕДУ

ВАХТАНГ ЕСВАНДЖИЯ. «Волшебники» Га-
бисония в далеких Альпах 195

КОНТАКТЫ

ХИРОКО КАКО. Японские друзья Грузии.
Перевод с японского К. Рехо 208

ИСКУССТВО

ЮЛИЯ БЕЗЪЯЗЫЧНАЯ, ИРИНА СИМА-
КОВСКАЯ. Энергия добра 212
ЕВГЕНИЯ ГОРЧАКОВА, ВАДИМ ГОРЧА-
КОВ. В контакте советского и мирового
искусства 218

ХРОНИКА 15, 71, 167, 185, 194, 224

ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

ЭТОГО Пленума с нетерпением, с большой надеждой ждала вся страна, и не только наша страна, а все прогрессивное человечество, ибо наше внутреннее дело, дело укрепления экономической и государственной мощи нашей Родины давно уже перестало быть только нашей заботой, особенно после того, как Союз Советских Социалистических Республик проявил себя надежным щитом против фашизма в борьбе за мировую цивилизацию, стал оплотом мира во всем мире. За 70 лет героической борьбы советского народа за созидание новой жизни наша страна достигла огромных успехов в своем экономическом, социальном и культурном развитии. На этом большом пути многие поколения, начиная с творцов Великого Октября и кончая нашими современниками, прилагали огромные усилия и нередко ценой собственной жизни прокладывали дорогу к светлому будущему. Были на этом труднейшем пути не только радость побед, но и огорчения, были не только успехи, но и промахи, и то, что мы сейчас говорим о необходимости перестройки, означает не только исправление допущенных ошибок (хотя и не без этого), но и необходимость приспособить наш хозяйственный механизм к новым условиям жизни. Практика показала, что многие детали этого механизма устарели, износились, не приносят желаемого эффекта, а некоторые даже вышли из строя, хуже того, стали «прокручиваться» в обратную сторону.

На июньском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС четко, со всей определенностью, в результате глубокого научного марксистского анализа были показаны недостатки существующего в нашей стране хозяйственного механизма. Это в первую очередь выражается в недостаточности внутренних стимулов саморазвития пред-

приятый. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. М. С. Горбачева прямо было сказано: «Практически любые затраты покрываются. Сбыт продукции по существу гарантирован. И самое главное — доходы работников слабо связаны с конечными результатами работы коллектива», в итоге «стирается грань между хорошо работающими и систематически отстающими предприятиями», и далее: «Невыгодно повышать качество продукции, невыгодно внедрять достижения научно-технического прогресса».

М. С. Горбачев приводит в пример Омское объединение, которое никакой выгоды не извлекает из того, что оно является передовым в стране.

Наглядным примером того, как трудно прокладывают себе путь достижения научно-технического прогресса, нам представляется двенадцатилетняя «одиссея» пневмотранспорта, связанного с именем грузинского изобретателя К. Гвелесиани; об этом мы расскажем нашим читателям в одном из ближайших номеров журнала. А сейчас, в связи с равнодушным отношением к работе, к сожалению, столь характерным для многих наших предприятий, несмотря ни на что гарантированных наравне с передовыми равноценной заработной платой, хочется напомнить нашим читателям один злой, но, увы, правдоподобный анекдот: в советском учреждении временно, по договору, работал японец. К концу рабочего дня он произносил одну и ту же речь на своем языке, вежливо, как это умеют японцы, кланялся сослуживцам и уходил домой. С помощью переводчика сослуживцам наконец удалось узнать, о чем он говорил: «Господа, я догадываюсь, что у вас забастовка, ибо целыми днями вы ничего не делаете. Я с вами солидарен, но извините, не могу к вам присоединиться, я не член вашего профсоюза!».

Равнодушное отношение к делу было вызвано некоторым расхолаживанием трудящихся, причиной которого явилось несовершенство нашего хозяйственного механизма, почти полное отсутствие материального стимулирования работников, ответственности за качество продукции. Июньский Пленум, исходя из стратегии, разработанной XXVII съездом партии и последующими Пленумами ЦК КПСС, наметил пути преодоления этих трудностей, решительно взяв курс на обнов-

ление представлений об экономических формах социализма с прицелом на коренную перестройку всего хозяйственного механизма нашей страны.

Пленум тщательно обсудил проект «Основных положений коренной перестройки управления экономикой». Для достижения целей, поставленных в этом документе, партия считает необходимым осуществить переход к широкой и повсеместной демократизации управления. Этот переход означает резкое расширение самостоятельности объединений и предприятий, установление прямой зависимости уровня доходов каждого из них от конечных результатов; при таком положении дел центральным органам управления вменяется в обязанность определение главных процессов, стратегии развития отрасли, а не вмешательство в оперативную, практическую деятельность подведомственных хозяйственных, ставших в этом отношении самостоятельными, звеньев. Такая форма управления требует проведения кардинальной реформы планирования, ценообразования, финансирования. Дух перестройки заключается в переходе от командной системы управления к демократической. Это очень важный фактор, отражающий дух и сущность социализма как самой демократической формации в истории человечества.

На седьмой сессии Верховного Совета СССР был принят Закон о государственном предприятии (объединении), который является мощнейшим рычагом на пути перестройки управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны.

Советский народ с большим энтузиазмом приступил к перестройке, которая коснулась всех сторон жизни, перестройка охватывает хозяйственную, социальную, духовную сферы жизни. Нашему народу приходится творить, работать, жить в условиях все возрастающей и расширяющейся демократизации общества, в условиях гласности. Неуклонно повышается в этом деле роль средств массовой информации, литературы и искусства. Голос народа, как никогда раньше, полнее отражает сокровенные думы и чаяния трудящихся. Наша цель, цель литературно-художественных и общественно-политических органов печати заключается в том, чтобы полнее использовать все возможности печатного слова в целях пропаганды демократизации, гласности, перестройки.

ПОЛИФОНΙΑ ПЕРЕВОДА

ელეგია

ილია ჭავჭავაძე

მკრთალი ნათელი სავსე მთვარისა
მშობელს ქვეყანას ზედ მოჰფენოდა
და თეთრი ზოლი შორის მთებისა
ლაჟვარდ სივრცეში დაინთქმებოდა.

არსაიდან ხმა, არსით ძახილი!..
მშობელი შობილს არრას მეტყოდა,
ზოგჯერ-კი ტანჯვით ამოძახილი
ქართვლის ძილშია კვნესა ისმოდა!

ვიდექ მარტოკა... და მთების ჩრდილი
კვლავ ჩემ ქვეყნის ძილს ეალერსება...
ოხ, ღმერთო ჩემო, სულ ძილი, ძილი,
როსლა გვეღირსოს ჩვენ გაღვიძება?!

4 ივნისი, 1859 წ.

პეტერბურგი.

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ

ЭЛЕГИЯ

(подстрочный перевод)

Бледный свет полной луны
Лился над родной страной.
И белая полоса далеких гор
Исчезала в лазурном просторе.

Ни звука нисткуда, ни зова!..
Родители детям не открывались,

94935940
2022070933

лишь иногда, рожденный мучением (страданием),
во сне грузина раздавался (слышался) стон!

Я стоял в одиночестве... И тени гор
опять (все так же) ласкают сон моей страны...
О, боже! Все сон да сон,
Когда же мы дождемся пробуждения?!

4 июля 1859 г.
Петербург

ТРАНСКРИПЦИЯ:

Мкртали натэли савсэ мтвариса
Мшобелс квеканас зэд мохпенода
Да тэтри золи шорис мтэбиса
Лажвард сиврцеши даинткмебода.

Арсайдан хма, арсит дзахили!..
Мшобели шобилс аррас меткода,
Зогджер-ки танджвит амодзахили
Картвлис дзилишна квнэса исмода!

Видэк мартока... да мтэбис чрдили
Квлав чем квекнис дзилс эалерсэба...
Ох, гмерто чемо, сул дзили, дзили,
Росха гвехирсос чвен гахвидзэба?!

Зураб ГАБУНИЯ

При бледном свете лунной шали
Спал отчий край, объятый мглой;
Вершины гор вдали терялись,
Сливаясь с неба синевой.

Царил покой в пространстве темном,
Молчал мой край в глубоком сне,
Порой надрывный вздох со стоном
Терзал мне душу в тишине.

Глядел я вдаль... И кряжей тени
Спускались темной полосой...
О боже, сон без пробужденья;
Когда ж проснешься, край родной?!

Полнолуние. Тусклый свет луны
Затопил родные просторы.
Горы снежные так отдалены,
Что в лазури сгнули горы.

Безголосие с четырех сторон.
Где отцово слово для сына?
Только сонный вскрик, только смутный стон
Выдают порою грузина.

Одиночество. Тень дремотных гор...
Вновь отчизной сны завладели.
Боже! Спим и спим. Дремлем до сих пор...
Да проснемся ли, в самом деле?!

Владимир ЕРЕМЕНКО

Луна стекала на равнины.
На снежных пиках тлели зори.
И полог лунной паутины
Терялся в сумраке предгорий.

Кругом ни шепота, ни звука,
Ни чад склонившихся, внимая,
Ни назидания отцова —
Лишь стон во сне. Да тьма ночная.

Страна спала передо мною.
А я стоял и думал — что же
Страшнее этого покоя?!
Когда же мы проснемся, боже?

Семен ЗАСЛАВСКИЙ

Был в свете лунном растворен
Страны моей родной простор,
Казалось, брезжила сквозь сон
Лишь полоса лазурных гор.

Ни слова, ни души вокруг.
Застыли синие хребты.

Лишь вскрика отдаленный звук
Летит в ущельях темноты.

Один я был... О, боже мой,
Отчизна горная моя!
Навек окутанные тьмой,
Очнемся ль мы от забытья?

Наталия СОКОЛОВСКАЯ

Блеклым светом полная луна
освещает родины просторы.
Дальних гор полоска не видна:
синева в себя впитала горы.

Спят леса. Безмолвствует вода.
Все молчит. Отец не слышит сына.
Сын — отца. И только иногда
раздается скорбный стон грузина.

Надо мной — безмолвный небосклон.
Предо мною — редины забвенье.
Господи! Все сон, и сон, и сон.
Будет ли однажды пробужденье!

Лариса ФОМЕНКО

Ночь полнолуния. Тусклый свет луны,
Как в колыбель, укладывает горы,
Чьи очертанья больше не видны,
В лазурные небесные просторы.

Все спят. Лишь стонут изредка во сне,
Но звуки замирают в лунном свете.
О тайне, скрытой в этой тишине,
Молчат отцы, не спрашивают дети.

Гляжу, как спит и спит в объятьях тьмы
Моя страна угрюмо и тревожно.
Когда же, наконец, проснемся мы?
Неужто пробуждение возможно?

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

СРЕДИ факторов, определяющих характер грузинской литературы начала XX столетия, важная роль отводится историко - политической атмосфере, создавшейся в стране после поражения революции 1905 года. В грузинской действительности, наряду с другими моментами, период реакции был отмечен и таким трагическим событием, как предательское убийство Ильи Чавчавадзе.

Когда заходит речь об исторической атмосфере, определившей общее минорное звучание грузинской поэзии того периода, нельзя проходить мимо этого факта. Известный критик Кита Абашидзе отмечал в серии статей «Жизнь и искусство»: «...Это трагическое событие оставило неизгладимый след в творчестве наших молодых поэтов, настроило струны их лиры на минорную ноту... Это событие (наряду с другими — Ак. Х.) не могло не сказаться на нашей новой поэзии»¹.

Иллюстрацией этой мысли может служить, в частности, поэзия Галактиона Табидзе.

Когда убили Илью Чавчавадзе, Г. Табидзе было пятнадцать лет и он готовился к своему дебютному выступлению. Разумеется, творчество И. Чавчавадзе не могло не оказать на него влияния. Подтверждением тому может служить стихотворение «Нет у нас больше Ильи» (несмотря на спорность его художественных достоинств и то, что неизвестна дата написания). Но одна из особенностей художественного по-

¹ «Сахалхо газети», 1913, № 901.

черка Г. Табидзе заключается не в прямом, непосредственном отображении явлений, а в таинстве воспроизведения познанного и глубоко прочувствованного им. Картины жизни сначала воспринимались поэтом обобщенно и лишь потом, отвечая его собственным мыслям и переживаниям, передавались читателю как выражение духовного мира поэта.

Ранние стихи Г. Табидзе свидетельствуют о том, что народная скорбь по Илье Чавчавадзе легла в основу его лирики. Путем весьма сложных перевоплощений откликается он на всеобщую боль. Продолжая традицию отображения действительности в аспекте видения Ильи, Г. Табидзе дает понять, что во многом обязан именно патриотической лирике великого грузинского поэта. Иллюстрацией могут служить с одной стороны «Элегия» Ильи Чавчавадзе и «Примитив» Галактиона Табидзе, с другой — «Весна» («Оделся лес листвою») Ильи и «Отчизна» Галактиона.

«Элегия» — краеугольный камень национальной программы Ильи. Основные пункты этого стихотворения:

1. Ни звука ниоткуда, ни зова.
2. Лишь иногда, рожденный мучением, во сне грузина слышался стон.
3. О, боже! Все сон да сон!
4. Когда же суждено нам пробужденье?

В природе царит мир и покой:

Бледный свет полной луны
Лился над родной страной,
И белая полоса далеких гор
Исчезала в лазурном просторе.

Под стать покою в природе — и сон страны:

Тень гор вновь ласкает сон моей страны.

Стихотворение Г. Табидзе тоже начинается картиной освещенной луной светлой ночи:

Каждой белой (светлой) ночью, лунной ночью...

Вокруг царит молчание:

Горы спят, спят, спит река, спят и люди.

В стихотворении Г. Табидзе скорбь страны передана через звуки стонущей саламури — свирели. Не упоминается ни «родная страна», ни «Грузия», их заменило одно-единственное слово — «саламури».

**Каждой белой (светлой) ночью, лунной ночью
Кто-то с чувством заставляет плакать саламури,
В это время звезды украшают окрестности,
Необычные ночи, голубые берега...**

«Стенание и стон» саламури в тихую и лунную ночь — то же самое, что «стон грузина» (И. Чавчавадзе), это и стон Амирани:

**Громоздятся мшистые горы,
Там давно кто-то стонет.
«Амирани»? Обращаюсь я к лесам,
И лес гудит: «Амирани».**

В стихотворении И. Чавчавадзе за картиной сна следуют строки, выражающие активное отношение поэта к описываемому — «О боже мой, все сон да сон!». В стихотворении Г. Табидзе четко прослеживается сходная позиция.

**И верю: кто-то до рассвета
Слушает и вздыхает, и горько стонет...
Кричит... Ищет родных тени,
И все спят, спят... Ох! Спят!**

Последняя строка перекликается со строкой И. Чавчавадзе «О боже мой, все сон да сон!». Только строки Галактиона отличаются лаконичностью и эмоциональной остротой активной формы глагола. Илья спокойнее, невозмутимее. Он беседует с нами как человек, который уже знает, как ему добиться пробуждения страны. Вместе с тем Илья не ограничивается лишь показом своего отношения к описываемому и в последней строке еще четче определяет свою позицию — «Когда же суждено нам пробуждение?». Г. Табидзе не идет дальше переживаний, он ставит точку там, где должно начинаться «дело». Но эмоциональным подчеркиванием логического центра (слово «спит» повторяется в стихотворении пять раз) обращает идею в материальную силу.

В приведенной выше строфе Г. Табидзе — явный отголосок тоски И. Чавчавадзе:

Что на твоей земле среди стольких людей нет
человека,
С которым я мог бы поделиться своим чувством.
(«С тех пор, как»).

Лирический герой стихотворения Галактиона, каждой светлой ночью прислушивающийся к стону страны, отчаянно зовет родственную душу, чтоб поведать ей свои думы, но «ни звука ниоткуда», все спят, он один со своей тоской (сравните со строкой И. Чавчавадзе — «Стоял я один»).

Вместе с тем такое состояние героя не случайно и не эпизодично. Илья поведал нам пережитое однажды, восстановил увиденную в прошлом картину (глаголы: строился, терялся, не говорил, слышался), хотя и с учетом будущего («Когда нам будет суждено...»). Для лирического же героя Г. Табидзе — это не переживание в прошлом, это его настоящее, его жизнь, повторяемая **каждой светлой ночью** (кстати, так называлось это стихотворение, когда оно было опубликовано впервые). Как и И. Чавчавадзе, Г. Табидзе передает ощущение времени отглагольными рифмами, а перенос действия в настоящее время («заставляет плакать», «учащает», «намеревается») приближает пережитое, делает его рельефнее.

Нельзя не обратить внимание и на общее ритмическое звучание обоих стихотворений: десятисложник (5/5) с перекрестной рифмой. Конечно, общность идейного, смыслового содержания стихотворений не зависит от рифмы и метрики, но нельзя отрицать и того, что одинаковый ритмический строй только укрепляет их сходство.

«Весна» И. Чавчавадзе и «Отчизна» Г. Табидзе созвучны в ином аспекте.

Пришла весна, лес оделся листвой, сиротливая лоза льет радостные слезы, зацвели долина и горы, но страна все еще не очнулась от зимнего сна. Так же, как и в «Элегии», в этом стихотворении главное — мечта о будущем: «Отчизна любимая, когда же ты расцветешь!» («Весна»).

В «Отчизне» картина весны (хождение босиком по

росистой траве, ощущение сладостного чувства отечества и воспоминание о старом отце, идущем по винограднику) навеивает на поэта грусть. В винограднике каждая лоза напоминает ему об отце. Вот уже расцвела лоза, поэт бредет по отцовскому винограднику, скорбит по отцу и жалеет оставшийся без хозяина сиротливый виноградник (какой сложный путь ассоциаций прошел поэт от «сиротливой лозы» Ильи!):

**Здесь каждая лоза и каждый стебель
Напоминают о нем,
Вновь зазеленели долина и луг!
Я брожу... Грущу, и мне жаль его!**

Переживания поэта за судьбу отечества логически связаны с образом отца, и, в свой черед, образ отца возведен до понимания отечества. И в последних строках стихотворения мы слышим не только сожаление по поводу того, что «из предков все ушли», но и скорбь, что цветение природы не вызывает обновления надежд человеческих, весна не приносит людям радость и счастье.

Однако лирические герои названных стихотворений, одинаково обеспокоенные судьбой отечества, все-таки разнятся: стихотворение И. Чавчавадзе проникнуто надеждой, у Г. Табидзе же превалирует грусть.

В 1913 году на Мтацминда на могиле Ильи была установлена скульптура Я. Николадзе «Скорбящая Грузия». В этот день грузинский народ вторично пережил цицамурскую трагедию. В личной беседе Г. Табидзе признался, что это событие произвело на него неизгладимое впечатление и повлияло на его творчество. Он тогда думал, что с цицамурской трагедией погасла вера народа в национальное освобождение. Понятно, что в ту пору (стихотворения Г. Табидзе «Примитив» и «Отчизна» напечатаны в 1915 году) Г. Табидзе сверял свою поэзию с поэзией И. Чавчавадзе, которая с наибольшей полнотой выразила национальный дух народа. Он понимал, какое огромное значение имело творчество И. Чавчавадзе для грузинской национальной культуры. Целую эпоху — от 60-х годов прошлого столетия до начала нынешнего, величайшую и зна-

чительнейшую пору в духовной жизни грузинского народа, — он считал эпохой Ильи Чавчавадзе.

Поэтическое видение Галактионом Табидзе прошлого столетия связано в первую очередь с воспоминанием об Илье Чавчавадзе, которого он считает великим предшественником, открывшим потомкам широкое поприще для воплощения в жизнь новых эстетических идеалов. Но Г. Табидзе не был непосредственным наследником И. Чавчавадзе, продолжателем его пути. Собственно говоря, продолжать дело, начатое И. Чавчавадзе, и завершить его никто и не мог, ибо с творчеством Ильи началась и была завершена целая эпоха в грузинской литературе. Впереди маячила новая эпоха, предстояло заложить основу ее художественному мышлению. Эту великую миссию история возложила на Галактиона Табидзе.

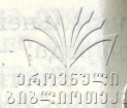
ХРОНИКА

ФИЛЬМ ОБ ИЛЬЕ

На Грузинской студии научно-популярных и документальных фильмов завершается работа над фильмом об Илье Чавчавадзе. Сценаристы — Б. Канделаки и Ш. Шония, режиссеры — Ш. Шония, З. Шанидзе, оператор — Э. Вацадзе. В фильме предприня-

та попытка воссоздать образ классика грузинской литературы — как писателя, и как общественного деятеля.

Основные съемки проходили в Доме-музее И. Чавчавадзе в Тбилиси, в Сагурамо, в республиканской библиотеке имени К. Маркса. В картине заняты актеры Леван Учанишвили и Ираклий Кухианидзе.

ПТИЧИЙ БАЗАР

ДРАМА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. НИКО	5. СОПО
2. ЦУЦА	6. КОКА
3. ЛАДО	7. НИНО
4. ТАТУ	8. ТЕЗИКО

Во дворе, под деревом инжира — самодельные стол и скамья. Виден колодец, в глубине сцены — двухэтажный дом, в котором, кроме кухни и кладовки, четыре комнаты — две наверху и две внизу. На втором этаже живут отдыхающие. В одной комнате — Нино и Кока, во второй — Сопо. Обе комнаты выходят на балкон. С балкона вниз ведет каменная лестница с железными перилами.

Чувствуется близость аэродрома.

Непрерывно доносится гул самолетов.

Действие первое

1.

Цуца сидит на низенькой скамейке и перебирает зеленое лобно. Входит Тату с сумкой. Останавливается неподалеку. Цуца словно не замечает ее.

ТАТУ: (несмело). Здравствуйте.

ЦУЦА: А-а-а...

ТАТУ: (смелее). Здравствуйте!

ЦУЦА: Вернулась?

ТАТУ: Да.

ЦУЦА: Чего ж тогда убежала?

ТАТУ: Где Нико?

ЦУЦА: Ты его еще помнишь?

ТАТУ: Он дома?

Цуца не отвечает.

Пауза.

По лестнице сбегает молодой человек с полотенцем, перекинутым через плечо. Видно, что он торопится на пляж. Это Кока.

КОКА: Наконец-то солнышко выглянуло!

Замечает Тату.

Здравствуйте!

Тату кивает.

КОКА: Тетя Цуца, скажите Нино, что я на море. Не дождался ее.

ЦУЦА: Очередь, наверно, большая.

КОКА: А что бы им второй аппарат не поставить. Ведь не додумаются.

ЦУЦА: Тут хоть два ставь, хоть три — ничего не поможет. Сразу к телефону кидаются, с утра до вечера в очереди стоят, словно затем и приехали. Если у них в Тбилиси столько дел, сидели бы там, кто их сюда гонит?! Ладно бы еще по делу говорили, а то ведь одна болтовня.

КОКА: Нет, Нино действительно нужно.

ЦУЦА: Да я не о ней... Я — вообще.

КОКА: У нее мать в больнице, она места себе не находит. Впрочем, пожалуй, я ее все же дождусь, а то обидится.

Показывает на Тату.

Она что, комнату ищет?

Цуца не отвечает.

КОКА: (обращаясь к Тату). Вы хотите снять комнату?

Тату в ответ неопределенно пожимает плечами.

Кока не отстает.

КОКА: Вы из Тбилиси?

Тату не отвечает.

Здесь сейчас комнату не найдешь. Народу в этом году — как никогда. Тетя Цуца, может, Сопо ее к себе возьмет, ведь у нее есть место?

Цуца делает вид, что не слышит.

О, тетя Цуца не в настроении!

Оборачивается к Тату.

Что новенького в Тбилиси? Кто женился? Кто отравился? Что в Доме кино показывают? Очень жарко? Меня зовут Кока, я тоже из Тбилиси. Вы, кажется, что-то сказали? Что сказали, как Вас зовут?

ЦУЦА (Тату): Внеси сумку в дом.

КОКА: Вот все и устроилось.

ЦУЦА: Хотя, пусть будет здесь, я потом сама занесу. Полы натерты...

ТАТУ: Я осторожно.

ЦУЦА: Суконки у дверей.

Тату входит в дом.

КОКА: Красивая девочка, правда, тетя Цуца?

ЦУЦА: Это моя невестка!

КОКА: Да что вы говорите? Неужели это жена Нико? Ну, я побежал. Пусть Нино идет на пляж, я там ее жду.

Убегает.

Возвращается Тату.

ТАТУ: Я все бросила. Ничего мне больше не надо. Приехала к вам насовсем.

ЦУЦА: Это не дело — все бросать. Зря ты так поступила.

ТАТУ: Вы были правы, нам нельзя жить врозь.

ЦУЦА: Я всегда права...

ТАТУ: Я должна быть рядом с Нико...

ЦУЦА: ...потому, что не имею права ошибаться.

ТАТУ: ...он ведь еще ребенок.

ЦУЦА: ...Ошибка для нас роскошь. Что ты сказала? Ребенок? А ты кто — взрослая? Хотя какое сравнение, это же небо и земля. Женщина в 20 лет и в 60 — все одно. А с чего ты взяла, что Нико в чем-то нуждается, он что ли сказал?

ТАТУ: Как он мог сказать, я же...

ЦУЦА: Вот видишь! Нико ничего не говорил, потому что и говорить-то нечего. Пока я жива, все необходимое у него будет. А лишнее только вредит.

ТАТУ: Во-первых, Нико должен много заниматься.

ЦУЦА: Это еще зачем?

ТАТУ: Чтобы поступить в университет.

ЦУЦА: Нет уж, увольте. Раз обжегся — и хватит!

ТАТУ: Да что вы, ведь жалко его!

ЦУЦА: Что же он тогда никто не пожалел, когда ему одного очка не хватило?

ТАТУ: Меня никто не спрашивал, к сожалению.

ЦУЦА: Вы же вместе сдавали. Ты поступила, а он нет, вот бы и пожалела его тогда.

ТАТУ: Во-первых, я его тогда не знала. Нет, знала, конечно, но не близко. Он еще все смотрел на меня. Вы тоже сдаете, спрашиваю, да, говорит, сдаю. И на сочинении все на меня смотрел. Я второй год тогда сдавала...

ЦУЦА: Смотрел, смотрел и всего одно очко не добрал, видишь, как подготовлен был! Это что, твоя мать считает, что он должен в университет поступить? Нет уж, хватит. Благодарствую. Не всем же университеты заканчивать. Рабочие тоже нужны.

ТАТУ: Мама этого не говорила...

ЦУЦА: Если он был такой жалкий, зачем же ты за него замуж пошла? Куда смотрела, если он еще ребенок? Почему не подумала, что ему еще не время жениться? Ведь права я, рано было ему семьей обзаводиться?

ТАТУ: Правы...

ЦУЦА: Конечно, права! Разве каждая женщина не стремится получше выйти замуж и так устроиться, чтобы поменьше забот было?

ТАТУ: А вот у вас...

ЦУЦА: Говори, говори, не бойся!

ТАТУ: Разве у вас мало забот?

ЦУЦА: Извини, конечно, но для меня это не заботы, а удовольствие! Нормальная женщина, если у нее нет дома дел, с ума сойдет. Если эти семейные заботы не доставляют ей радости, она пропащий человек! Запомни это! Жалко, говоришь? Да если бы я так о своем муже думала, разве вышла бы за него? Что теперь вы будете делать? О чем думаете? Все бросила! Легко сказать. Чем ты тут собираешься заниматься? У нас кроме этого участка и пенсии Ладо ничего нет. Может быть, ты умеешь копать, полоть, опрыскивать деревья, поливать, окучивать? Стоять на базаре, продавать зелень и помидоры? Я могу, потому, что я не гордая. Что для твоего мужа хорошо, то и тебе должно быть по душе. Умри, но сделай, чего бы тебе это ни стоило...

ТАТУ: Сделаю!

ЦУЦА: Врешь!

ТАТУ: Как вы так можете...

ЦУЦА: Да-да, врешь, я знаю, что говорю. Это делает лишь тот, кто действительно любит свою семью, у кого эта семья есть, вы же...

ТАТУ: У нас тоже будет семья!

ЦУЦА: Где?

ТАТУ: Где? Да хотя бы... хотя бы здесь...

ЦУЦА: Здесь пока еще моя семья, и я пока умирать не собираюсь. Здесь живут мои муж и сын, и я им обоим нужна.

ТАТУ: А я? Кто же я? Разве я не...

ЦУЦА: Это ты сама должна выяснить, кто ты. У меня единственный сын. Между прочим, ты вообще не имеешь права рта раскрывать. Если помнишь, я тебя как родную дочь приняла. Ты даже яичницы пожарить не могла и постель застелить, потому что твоя драгоценная мамаша бездельницу из тебя вырастила. А сюда пожаловала... Господи, да разве я это забуду! Словно в хлев вошла, двумя пальчиками нос зажала. Чем уж мы ей так не угодили, не знаю! Допустим, сегодня она жена министра, слава богу, это не вечная должность... Вот так. Мы же будем всегда, потому что нас нельзя ни повесить, ни понизить. Мы как раз по такой мерке скроены, чтобы пролезть через тоннель жизни. Мы то — что мы есть. И наш дом будет стоять всегда. А она: как же тут будет жить моя дочь? Где она будет заниматься? Как будто ее дочь только затем и вышла замуж, чтобы заниматься! А не сказала ведь, что раз уж вышла за этого несчастного мальчишку, постарайся быть ему женой. Ты и недели тут не выдержала, сбежала. А теперь опять именно здесь собираешься создавать семью?

ТАТУ: Да, и я отсюда никуда не уйду!

ЦУЦА: Как хочешь... Вот придет Нико и...

ТАТУ: Почему вы меня так ненавидите? За что? Я ведь всегда к вам относилась с уважением...

ЦУЦА: Я и не ненавижу тебя, и не люблю. А что касается уважения, оставь его при себе, я в нем не нуждаюсь. У меня все есть. Жизнь мне всего выдала сполна. Теперь я хочу пожить спокойно вместе с моим мужем и с моим сыном, в этом доме, в этом дворе, на солнышке, под гул этих проклятых самолетов...

2.

Появляется Ладо, несет в переднике какие-то черепки.

ЛАДО: Вот какой огромный кубок мне принесли! Да, это кубок. Точнее, был кубок и будет кубок. В данный же момент — осколки. Вчера в клубе во время танцев разбили. А это, оказывается, олимпийский приз... Сам председатель принес, умоляет, Ладо, говорит, у тебя руки золотые, сделай что-нибудь. Как только ни расхваливал меня. А я ему говорю: что бы вы делали, если б я из школы не ушел. Хи-хи-хи! Вот

это настоящая работа! Это я понимаю! В душе я обрадовался и удивился, что мое желание так быстро исполнилось. Да веча, когда я этот кубок в клубе еще целым видел, подумал про себя — вот разбился бы он, а я бы его склеил. Нет, не по злобе я так подумал, но... Странное существо — человек...

Замечает Тату:

— О-о, кого я вижу!

ТАТУ: Здравствуйте!

ЛАДО: Погляди, Тату, какой я тут стол сообразил. Это мое рабочее место, моя мастерская, мое ателье. Сижу себе под инжировым деревом, никому не мешаю, и мне пусть никто не мешает. Хи-хи-хи! Над этим кубком стоит поколдовать. Ого-го! Какие осколки!

Осторожно выкладывает осколки на стол.

Я-то, вообще говоря, подумал, почему у них кубок на сцене стоит. Голову надо тому разбить, кто такую вещь разбил! Когда ты приехала? И где Нико?

ЦУЦА (мужу): Ты что, не знаешь, где Нико?

ЛАДО: Красиво они его раскололи!

ТАТУ: Я только что приехала...

ЛАДО: Ну и огромный же он, как будто развалины целого города. Кто бы подумал, что его можно склеить? А я склею! Вот увидите, если не склею. Только повремените немного, и будет как новенький, как новый город. Если меня спросить, я вообще считаю, что склеенное лучше целого. Почему? Объяснить не могу, но это так. Что может быть лучше для пенсионера — сиди и склеивай! Все, что дураки разбивают, ты осторожнонько, бережно, терпеливо и любовно склеивай, сделай снова целым. Вещи тоже нуждаются в помощи, вещь ведь тоже — часть мира. Сколько чего ломает человек! А я сижу и склеиваю. Цуца, в комнату можно войти?

ЦУЦА: Нет, полы натерты.

ЛАДО: А где наши жильцы? Сопо? Кока? Нино?

ЦУЦА: Кока на пляже, Нино висит на телефоне, Сопо в колонии. А зачем они тебе, чего это ты вдруг спрашиваешь?

ЛАДО: А у кого мне сигаретку взять?

ЦУЦА: Ты опять за свое! Сколько раз тебе говорить, не клянчи ты у них сигареты!

ЛАДО: Да во время работы хочется разок-другой затануться.

ЦУЦА: Нико придет и купит.

ТАТУ: У меня есть сигареты. Вот, возьмите.

Протягивает пачку. Ладо берет несколько штук.

ТАТУ: Возьмите еще!

ЛАДО: Спасибо, достаточно.

ЦУЦА (Тату): Ты что, куришь?

ТАТУ: Так, иногда.

ЦУЦА: Зачем?

ТАТУ: Не знаю. Все курят.

ЦУЦА: Все, может, и курят, но женщина в двадцать лет...

ТАТУ: Женщина в двадцать лет и в шестьдесят—все одно.

ЦУЦА: Молодец, как хорошо запомнила!

ТАТУ: Давайте я вам помогу лобно перебирать.

ЦУЦА: А ты что — умеешь?

ТАТУ: А что тут уметь?

ЦУЦА: Значит, не умеешь. Не надо. Я уже привыкла.

Мне никогда никто не помогал, да я и не просила, все сама...

ТАТУ: Где Нико?

ЦУЦА: ...Все сама... Нико на аэродроме.

ТАТУ: А что он там делает?

ЦУЦА: Что он может там делать? Работает!

ТАТУ: Ха-ха-ха!

ЦУЦА: Почему ты смеешься?

ТАТУ: Извините.

ЦУЦА: Когда самолет прилетает, он подъезжает на машине и выгружает багаж.

ТАТУ: Это Нико?

ЦУЦА: Да, Нико.

ТАТУ: Я думала, вы шутите.

ЦУЦА: Здесь только грузчиком можно устроиться или в санатории уборщицей. Ты умеешь убирать? Подметать, натирать полы, унитазы мыть, белье менять! Умеешь? Места врачей, учителей и библиотекарей заняты если не навсегда, то во всяком случае на сто лет вперед. А потом, наверное, уже ни врачи не будут нужны, ни учителя, ни библиотекари. Ну, так я и спрашиваю, сможешь ты или нет?

Тату молча поворачивается и уходит. Цуца уносит миску с лобно в дом.

3.

Через короткое время вбегает Тезико.

ТЕЗИКО: Тетя Цуца, тетя Цуца, сегодня утром из Тбилиси ваша невестка приехала!

ЦУЦА (выходит из дома): Позор тебе, Тезико, позор!

ТЕЗИКО: Что я такого сделал, тетя Цуца?

ЦУЦА: Такими темпами тебе телеграф не обогнать. Не-
вестка моя давно приехала и пошла уже на аэродром повидать
мужа.

ТЕЗИКО: Я спешил, но меня по дороге председатель ос-
тановил, Джаба Кварацхелия, как, говорит, поживаешь, Те-
зико, он ведь очень меня любит, дня не проходит, чтобы не
спросил, как я. В тот день, когда все на плантацию собира-
лись, он по радио объявил, чтобы никто не смел со мной не-
почтительно разговаривать, иначе, говорит, лично с руковод-
ством будут дело иметь.

ЦУЦА: Ну, конечно, что еще он мог сказать!

ТЕЗИКО: Хороший человек дядя Джаба, очень!

ЦУЦА: Да уж лучше не бывает! Сдавайте, говорит, сено,
а где, интересно, я это сено возьму!

ТЕЗИКО: Да, добрый человек дядя Джаба, ничего не
скажешь!

ЦУЦА: Эх, Тезико, послал бы тебе господь ума, а мне —
сена!

ТЕЗИКО: Но ум-то лучше, чем сено, тетя Цуца!

ЦУЦА: Поэтому я и прошу для тебя ума, я ведь тоже
добрая, Тезико, не одному же Джабе добрым быть! Но вооб-
ще-то знай, что ум — дело хлопотное, лучше все-таки сено
иметь, а ум — это же так, баловство!

ТЕЗИКО: Да вот и доктор что-то вроде этого мне говорит.

ЦУЦА: Вот видишь, и твой доктор, оказывается, тоже
добрый человек, Тезико.

ТЕЗИКО: А я ведь тоже добрый, тетя Цуца?

ЦУЦА: Ты лучше нас всех в этом вопросе! Но раз уж
ты побеспокоился и пришел, проверь-ка заодно, тикает там
эта проклятая или, может, умолкла на наше счастье?

ТЕЗИКО (ложится и прижимается ухом к земле): Да, ти-
кает по-прежнему! Да... да... мамочки, да так стучит!

Встает.

Один раз взорвется — и крышка!

ЦУЦА: Ну будет, будет!..

ТЕЗИКО: Что же мне, обманывать вас?

ЦУЦА: Нет, что ты!

ТЕЗИКО: Значит, про невестку свою вы знаете, тогда я
пошел.

ЦУЦА: Ты сегодня ел что-нибудь?

ТЕЗИКО: Да, доктор напоил меня чаем.

ЦУЦА: Тогда ступай. Да и не забывай нас, заходи про-
водить и заодно проверишь, тикает она или нет.

ТЕЗИКО: Да разве ж я об этом забуду!

Уходит.

4.

ЦУЦА: Вот что кино с детьми делает! Ведь этого несча-
стного кино с ума свело. Всюду ему мины мерещатся. Вся
земля, говорит, заминирована.

ЛАДО (со смехом): Допустим, он прав, что тогда будешь
делать?

ЦУЦА: Куда другие, туда и я!

ЛАДО: Так-то он парень ненлохой.

ЦУЦА: Для сумасшедшего так вообще золото! Ты бы
видел, какие он корзины плетет, туристы на базаре из рук
рвут. У нас есть сплетенная им корзина.

ЛАДО: Корзина-то есть, да вот «изабеллы» нет.

ЦУЦА Ну и что хорошего?

ЛАДО: А я разве говорю, что хорошо?

ЦУЦА (со смехом): Помнишь, как к нам во двор слу-
чайно немецкие туристы забрели, мы еще их чурчхелами уго-
щали?!

ЛАДО: Помню... А почему ты вдруг их вспомнила?

ЦУЦА: А потому, что один из них хотел зажечь чурч-
хелу, как свечу.

ЛАДО: И потому ты смеешься?

ЦУЦА: А почему еще прикажешь смеяться?

Пауза

По-моему, многим умникам далеко до этого дурачка.

Пауза

Что будем делать с этой девчонкой?

ЛАДО: С которой?

ЦУЦА: У нас что — их несколько?

ЛАДО: При чем тут мы, пусть муж о ней думает...

ЦУЦА: В том-то и беда, что он сам ребенок.

Пауза

Ты слышал, Абесалом скончался...

ЛАДО: Какой Абесалом?

ЦУЦА: Пхакадзе.

ЛАДО: Агроном?

ЦУЦА: Да, агроном.

ЛАДО: Что ты говоришь?!

ЦУЦА: Да, приказал долго жить, бедняга.

ЛАДО: Ты бы тоже могла по-человечески с ней погово-

рить, я понимаю, что ты сына любишь, но...

ЦУЦА: А как я с ней разговариваю?

ЛАДО: Когда похороны?

ЦУЦА: В воскресенье.

ЛАДО: Воскресенье... да... воскресенье.

ЦУЦА: Другая на моем месте в дом бы ее не впустила.

ЛАДО: Да, жалко...

ЦУЦА: Жалко меня.

ЛАДО: От чего же он умер?

ЦУЦА: Говорят, на печень жаловался.

ЛАДО: С печенью шутки плохи, печень заботу любит...

А разве девушка, если только она не беспризорная, вышла бы за моего сына?

ЦУЦА: А почему бы и нет?

ЛАДО: Да потому, что он сопляк!

ЦУЦА: Не сопляк, а мужчина! На днях зарплату мне принес, купи, говорит, себе платье (улыбается), потом по рублю все обратно выманил.

ЛАДО: Мужчина... да... мужчина. Значит, пожаловала.

ЦУЦА: Да, пожаловала.

ЛАДО: Чего, говорит, надо?

ЦУЦА: Не знаю.

ЛАДО: Нет, ничему не следует удивляться...

ЦУЦА: Я и не удивляюсь.

ЛАДО: Всем можно помочь, кроме мертвых.

ЦУЦА: Живым грех жаловаться!

ЛАДО: Человек для себя самого умирает, слышала, небось, как говорят...

Пауза

Если бы твой сын на английской королеве женился, ты бы все равно была недовольна.

ЦУЦА: С чего это ты взял? Я что, хорошего от плохого, по-твоему, отличить не могу?

ЛАДО: Да знаю я тебя, у тебя тоже характер дай боже!

ЦУЦА: Я тоже как-никак в городе выросла и ничем не хуже других, а сношенька моя разговаривает со мной, как с глухой деревенской старухой. И что это за характер у меня такой?

ЛАДО: Ладно, хватит.

ЦУЦА: Ну вот, я в своем доме уже и слова сказать не могу! Я здесь прислуга — вот кто я для вас! Что я здесь потеряла, куда ехала, зачем Тбилиси бросила, что мне — плохо жилось у отца? Думаю, жалко, учитель, тяжело будет ему одному. Осталась бы, дура, в городе, никто не стал бы передо мной нос задиравать. Сейчас все в город бегут, а мы — из города. После этого скажи, что мозгов у нас больше, чем у дурачка Тезико. Как бы не так! Теперь мы — провинциалы, как Нико говорит, «деревня»! Так нас, оказывается, называют. Ты знал об этом? Так нам и надо...

ЛАДО: Сейчас везде город, какая разница? Сядешь в автобус и через двадцать минут в городе. Или для вас, кроме Тбилиси, городов не существует? Оставьте только меня в покое, я в женские дела не вмешиваюсь.

ЦУЦА: А то в мужских делах ты большой мастак! Неужели ты никогда не задумывался, что мы еще ни одной минуты, в общем-то, не жили!

ЛАДО: Какая муха тебя укусила? От невестки, что ли, заразилась?

ЦУЦА: Нету у меня невестки! Поймите, нету!.. Мало ли какую глупость мальчишка отколет!.. Не помнишь, как ее мамаша явилась, ну прямо как инспектор. Все по сторонам озиралась, не присела даже, очки черные не сняла, а у ворот машина ждала, заведенная, как будто мы убить ее собирались. Где дети спят, спрашивает. А я говорю: дети — в пионерлагере спят. Да, да, дети — в пионерлагере, а муж с женой — в постели. Я не слыхала, чтобы мужа с женой детьми называли! И колодец наш ей не понравился. Удивилась: вы отсюда воду пьете? Да, говорю, отсюда пьем. Для этого и существует колодец, чтобы из него воду пили. А она свое — вы все-таки будьте осторожны, воду проверяйте, мало ли что! Вы, говорю, абсолютно правы, но уже поздно, двадцать лет мы из этого колодца воду пьем. А она в колодец заглядывает и очки рукой придерживает, чтобы в колодец не свалились. Ей моя сношенька позвонила, попросила приехать, вот она и пожаловала. А до этого, наверно, она дулась на дочку — как это она посмела за Нико выйти! А дочка ей по телефону — спаси меня! Не оставляй тут! Элико мне сказала, наша медсестра, она так вопила в телефонной кабине, что не только Элико, вся очередь слышала. Спаси меня, мамочка! Мамочка и пожаловала. Нету у меня невестки, нету!

ЛАДО: Нету и ладно, ничего не поделаешь.

ЦУЦА: Да, нету!

ЛАДО: Твоя воля.

ЦУЦА: Вот именно, что моя.

ЛАДО: Вот и хорошо.

ЦУЦА: Что хорошего-то? Только бы тебя не беспокоили, так что ли? Только бы дали тебе сидеть и склеивать свои черепки! Господи, и что все эти беспомощные на мою голову сваливаются!

ЛАДО: Твоя правда.

ЦУЦА: Ох, дожить бы мне до того дня, чтоб вообще твоего голоса не слышать!

ЛАДО: И это будет скоро.

ЦУЦА: Мы с тобой здесь никому не нужны!

ЛАДО: Ты что, со мной собралась?

ЦУЦА: Не отпускать же одного в такую даль.

ЛАДО: Тебе еще рано, не забывай, что ты на 20 лет моложе.

ЦУЦА: На восемнадцать.

ЛАДО: Ну вот, уже лучше! А теперь улыбнись, в конце концов не у нас одних ведь невестка! Значит, умер бедняга Абесалом?

ЦУЦА: У меня лично невестки нет!

ЛАДО: Где же Нико?

ЦУЦА: На панихиду надо бы пойти.

ЛАДО: Когда панихида?

ЦУЦА: Завтра и послезавтра.

ЛАДО: Пойдем непременно. Он, кажется, на улице Горького жил?

ЦУЦА: В 128-м номере. Длинная улица какая!

ЛАДО: Сядем в автобус и поедем. Бедный Абесалом теперь уже в автобус не сядет, а мы...

ЦУЦА: Значит, пойдем послезавтра...

5.

Входит Нино. Нервная, худая, дочерна загорелая женщина. Входя во двор, она снимает платье и остается в бикини. Закуривает.

НИНО: Не понимаю, как можно терять столько времени в очереди у автомата!

ЦУЦА: Нино, Кока сказал, что ждет вас на пляже.

НИНО (поднимаясь по лестнице): Кока, Кока...

Входит в комнату.

ЦУЦА: Люди совсем с ума посходили. Чтобы женщина нагишом ходила...

ЛАДО: Дома можно.

ЦУЦА: Это что, ее дом?

ЛАДО: Загорает.

ЦУЦА: Нет, просто нас за людей не считает! Ладно бы еще шло ей, а то ведь нынче то и в моде, что не идет...

ЛАДО: Помнишь, что твоя невестка в прошлом году сказала?

ЦУЦА: Нет у меня невестки!

ЛАДО: Сейчас, говорит, в моде не одежда, а шмотки. Хи-хи-хи!

Нино выходит на балкон и, зажмурив глаза, подставляет лицо солнцу. Потом спускается по лестнице. Выходя со двора, останавливается и обращается к Цуце.

НИНО: Вы случайно не знаете, в котором часу последний рейс на Тбилиси?

ЦУЦА: Как не знать, я эти рейсы по звуку распознаю. Вот этот, например, в Кутаиси летит. А на Тбилиси последний в 11 вечера, по местному времени.

НИНО (словно не слушая ее): Здесь прямо рай!

ЦУЦА: А вообще, летят каждые два часа.

НИНО: Рай.

Уходит

ЦУЦА: Хм, рай!.. Вообще-то она и ее любовник и впрямь райские птички. Супругами представились, наврали, как будто меня так легко провести. У мужа с женой не только в паспорте, но и на лбу печать. И чем они только питаются, непонятно. То баночку сметаны принесут или скумбрию в томате, вот их обед и ужин. Да-а, бедному парню не позавидуешь... Целый день — сигарета в зубах, без этого не может. Без кофе тоже не может, а ночью — на балконе сидит и вздыхает. Конечно, разве заснешь, если столько кофе пить. Где это слыхано! Вот таким тощим чудачкам везет. Эх, где только мозги у этих мужиков, чего с них взять-то!

6.

Входит Кока, обеими руками обхватив арбуз, явно довольный своей покупкой.

КОКА: Тетя Цуца, Нино вернулась?

ЦУЦА: Только что... И ушла на пляж. Я ей все, как ты велел, слово в слово передала.

КОКА: Значит, мы по дороге разминулись. Я чуточку в сторону свернул, чтобы арбуз купить.

ЦУЦА: А где они продавались? По-моему, для арбузов немного рано.

КОКА: В нашем магазине, вернее, перед магазином, прямо с машины продавали. Я вроде хороший выбрал. Такой зрелый — вот-вот треснет. Остается лишь его съесть. Может, разрежем?

ЦУЦА: Подождем Нино.

КОКА: Для Нино оставим. Она до вечера не вернется, не может с морем расстаться, хотя врачи строго-настрого ей запретили.

ЦУЦА: С какой стати врачи запрещают это молодой женщине!

КОКА: Дядя Ладо, дайте, пожалуйста, нож!

Кладет арбуз на стол.

Я вам не помешаю и черепки ваши не трону. Должен вам сказать, вы настоящий волшебник. Я столько времени ем с тарелки, которую вы склеили, и не верю, что она когда-то была сломана.

ЛАДО: Угадай, что это такое?

Показывает на груди осколки.

Это олимпийский кубок!

КОКА: Какой олимпиады?

ЛАДО: Нашей, районной, главный приз. Во время танцев в клубе разбили.

КОКА (разрезает арбуз): Ну-ка, разрежем. Вот так... Первый кусок тете Цуце.

ЦУЦА (смеется): Да, совсем как ты!

КОКА: Что вы! Берите-берите! Посмотрите, что за кусочек! Ну и арбуз я купил!

ЦУЦА: Ладно, ладно, раз ты настаиваешь. Ничего не делаешь. Только не будем есть все, оставим для Нино. Отрежь себе, остальное я отнесу в холодильник.

КОКА: О, холодильник — это прекрасно! Но я еще не угостил дядю Ладо.

ЦУЦА: Этого хватит на двоих.

КОКА: Нет, вот это для дяди Ладо. Прошу!

ЛАДО: Что делать, не могу отказаться, очень люблю арбуз.

ЦУЦА: А вот это вам руки вытирать.

Рвет газету.

ЛАДО: Но вообще-то Цуца права — не рановато ли для арбузов? Зачем ты беспокоился, мы бы и сами купили, тем более здесь, рядом, в нашем магазине. Я бы послал Нико, он бы принес.

КОКА: Ну что вы! Какое же это беспокойство! Напротив, не знаю, как мне вас отблагодарить. Если бы не вы, мы бы тут с голоду померли. Особенно я. Я эти консервы уже видеть не могу. Нино хоть бы что, если ей не скажешь, она вообще о еде не вспомнит.

ЦУЦА: Зато кофе пьет много.

КОКА: Это верно.

ЛАДО (спустя некоторое время): Большое спасибо. Очень вкусный арбуз.

КОКА: Я вам еще отрежу.

ЛАДО: Достаточно. Я больше не съем.

ЦУЦА: Давайте мне корки, я выброшу.

Уносит корки и бросает в ведро возле калитки. Возвращается.

КОКА: И все-таки он недостаточно сладкий.

ЦУЦА: Потому что рано для арбузов. Всему свое время.

КОКА: Говорят, их теперь как-то искусственно доводят. Такие удобрения сыпят, что они созревают раньше срока. А красный какой, как кровь! Химия — что чудо! Правда, а почему у вас теплицы нет? Здесь куда ни глянешь, у всех теплицы.

ЦУЦА: Для теплиц деньги нужны. Бесплатно их никто вам не поставит.

КОКА: Дядя Ладю, а где вы этому ремеслу научились? Ей-богу, я первый раз такого мастера встречаю. Нет, в Тбилиси есть один, в салоне работает, но такого я вижу впервые.

ЛАДО: Где научился? Да как тебе сказать... Нигде... Как вернулся с войны, так этим делом и увлекся. Для меня самого это было неожиданно. Может потому, что на войне я насмотрелся, как все рушится и ломается. Я и сам как-то не задумывался. В один прекрасный день проснулся и уже точно знал, что и как делать. Но я в школе работал и времени для этого не хватало. Да и денег я никогда не брал.

КОКА: А может, чему суждено, пусть то и ломается, а? Не обижайтесь, дядя Ладю, я шучу, конечно.

ЛАДО: А чего мне обижаться. Не ты первый мне это говоришь. Я и сам много думал, но... Вот недавно мы одного старичка приютили, он из Ахметы пешком в Керчь шел, на могилу сына. Попросился к нам ночевать. Я, говорит, такой зарок дал — если не умру по пути и могилу сына увижу, войны не будет. Три дня он у нас пробыл. Сидел под инжировым деревом, вот точно там, где ты сейчас сидишь, и все рассказывал... Вот он как раз мне и сказал: обо всем, что в мире ломается и рушится, хоть один человек должен пожалеть. Да если бы он этого и не сказал, я не могу иначе. Вот и Цуца сердится. А я сижу и склеиваю то, что другие разбивают. Мир, оказывается, полон черепков. Одному мне, конечно, не справиться, но все же...

ТЕЗИКО (с той стороны забора): Тетя Цуца, ваша невестка на аэродроме шампанское прямо из бутылки пьет, вот так! Блеск!

Убегает.

ЦУЦА: Вы слышали, что он сказал? Или мне показалось?!

ЛАДО: Ты что, дурачку веришь!

ЦУЦА: Твоя невестка, ты это понимаешь?!

ЛАДО: Наверное, ему показалось.

ЦУЦА: На аэродроме!

ЛАДО: Да врет он все!

ЦУЦА: Шампанское пьет! Да как они смеют!

ЛАДО: Кто? Тезико?

ЦУЦА: Да, Тезико, Тезико, Тезико! Куда бежать, что делать, где спрятаться!

КОКА: Ну что вы, тетя Цуца! Разве отсюда можно уезжать? Да будь моя воля, я бы навсегда тут остался.

ЦУЦА: Это почему же, дорогой, можно узнать?

КОКА: Нравится мне здесь — вот и все.

ЦУЦА: Провел бы ты у нас одну зиму, узнал бы тогда...

КОКА (с удивленной улыбкой): Что узнал бы?

ЦУЦА: Ты видел цитрусовый сад нашего совхоза?

КОКА: Да, видел.

ЦУЦА: Ну? Разве в раю цитрусы сохнут? Ведь растение тоже живое существо, только ходить и говорить не умеет.

ЛАДО (смеется): Совсем как я!

ЦУЦА (смеется): Да, совсем как ты!

Зато звонить можно без очереди. Если есть кому — звони и кричи: спасите! Звони, знай, без всякой очереди!

КОКА: Я никогда не бывал на море зимой, но думаю, что в любом случае в такой деревне отдыхать лучше, чем, например, на Пицунде.

ЦУЦА: Звони себе, кто тебя услышит!

ЛАДО (смеется): Только не ходит и не говорит...

КОКА: Представьте себе, мне даже нравится, что рядом аэродром.

ЦУЦА: Из-за этого аэродрома от нас в прошлом году отдыхающие сбежали.

КОКА: А нам один знакомый посоветовал... Хорошо, мы ему поверили и приехали. Нино затвердила, хочу в какую-нибудь глухомань. Она не любит, когда много народу. Избегает людей. С тех пор, как у нее ребенок умер, она вот такая. Очень переживает. Но кто мог знать, что так получится. Отцу она его не отдала, самой некогда было, оставили ребенка бабушке, а девочка затосковала и умерла...

7.

Входят Тату и Сопо.

СОПО: Вот мы и пришли! Я же сказала тебе, что это близко. Еще чуть-чуть... не бойся.

ТАТУ: А кто боится? Я-ааа? Извини-подвинься, чтобы ты знала, я ничего не боюсь! О, как жарко! Пошли на море, Сопо, ты же обещала, пошли, очень тебя прошу!

СОПО: Нет, сейчас на море нельзя. Ты должна немного поспать. Послушайся меня.

ТАТУ: Тогда дай мне сигарету.

СОПО: Вот поднимемся ко мне и там покурим.

ТАТУ: Нет, я хочу здесь, именно на этом месте. Дай сейчас же!

СОПО: А я тебе говорю, у меня сигареты дома, давай поднимемся по лестнице, да не туда, вот так, молодец. Моя комната на втором этаже. Видишь?

ТАТУ: Да это же дом Нико! Ты что, тоже здесь живешь?

ЦУЦА: Что это с ней? Уж не пьяна ли она в самом деле? Господи, отчего я не умру на месте! Что видят мои глаза! Вы только поглядите!

ТАТУ: А-а-а! Здравствуйте, здравствуйте! Извините. Я сейчас поднимусь к Сопо. Она, оказывается, тут живет. Я-то думала, здесь только Нико живет, ну и вы, а оказывается

еще и Сопо. Я сейчас к ней поднимусь ненадолго. И сразу
вернусь. А там и Нико придет, а может, уже пришел? Нико!
Нико!

ЦУЦА: Господи, срам-то какой!

ТАТУ: Идем, Сопо... Мне жарко! Вот так: сначала одна
нога, потом другая. Это уже другая, верно. А обеими вместе
нельзя. Хотя почему — прыг-прыг! Ой, голова кружится!

Сопо и Тату поднимаются по лестнице.

ЦУЦА: Теперь еще пить начала.

ТАТУ (с балкона): Отсюда море видно, Сопо, море! А ты
мне сигарету обещала!

СОПО: Идем в комнату.

ТАТУ: Ой, голова кружится, и все вообще кружится. Со-
по, где ты, Сопо?

СОПО: Да ну тебя, опьянела от одного глотка шампан-
ского? Не стыдно?

Берет Тату за руку и уводит в комнату.

ЦУЦА: Что видели мои глаза!

ЛАДО: Что такого они видели?

ЦУЦА: Или мне померещилось?

ЛАДО: Ладно, успокойся.

ЦУЦА: Я спрашиваю, что это было?!

ЛАДО: Будет тебе.

ЦУЦА: Да как она смеет! Нико еще никогда пьяным не
приходил!.. Нет, конечно, я промолчу, но... объясните мне, это
что — так полагается? Моя невестка непременно должна бы-
ла явиться пьяной? Это закон такой? А где был Нико, ин-
тересно? Мой безмозглый, мой несчастный сын?!

КОКА: Успокойтесь, тетя Цуца, ничего страшного.

ЦУЦА: Я же сказала, нет у меня невестки! Нету!

КОКА: Ну, выпили по глотку, ведь Сопо сказала.

ЦУЦА: Я не знала, что она знакома с Сопо.

КОКА: Теперь все друг с другом знакомы.

ЦУЦА: О, Сопо, Сопо! Посмотришь — тихоня, в ресторан
посудомойкой устроилась, только бы поближе к мужу быть.
Зря не посадили бы ее мужа в колонию!

КОКА: Пойду отнесу девочкам арбуз.

ЦУЦА: Не арбуз, а уголья раскаленные я им сейчас от-
несу! Уголья!

НИНО: Какое море было, Кока, выходить не хотелось! А ты где пропал?

КОКА: Что-то ты рано вернулась, как это случилось? Мы по дороге разминулись, я свернул, чтобы арбуз купить. Отрезать тебе?

НИНО (присаживается к столу): Дай мне нож. Интересно, арбуз полезен?

ЦУЦА: Уголья раскаленные!

НИНО: Не поняла?

ЦУЦА: Говорят, для почек полезен.

НИНО: Оказывается, моя мама умерла сегодня ночью.

КОКА: Да ты что!

НИНО: Я вечером улетаю.

КОКА: Как жалко!..

НИНО: Тебе ехать необязательно.

КОКА: Как же ты одна поедешь?

НИНО: Мои братья все сделают.

КОКА: Бедняжка...

НИНО: Ничего. Через 40 минут я буду на месте. Арбуз отличный.

КОКА: Не очень сладкий.

НИНО: Ну и что.

ЛАДО (смеется): Сейчас все не очень сладкое.

ЦУЦА: Как она все же посмела!

НИНО: Вы что-то сказали?

ЦУЦА: Это я не вам.

НИНО: И как назло, погода улучшилась. Шел бы дождь, было бы не так обидно! Я целый час в воде сидела. Кажется, даже спала. (Смеется). Да, точно, спала.

КОКА: Может, все же было бы лучше...

НИНО: Нет, нет! Мне там будет не до тебя. У кого будет время разнимать тебя и моих братьев! А так все пройдет тихо и мирно. К тому же непременно придет мой бывший муж. Мама его очень любила, больше, чем своих детей, это все знают, вся наша родня. И он любил ее как родную мать (повторяет со смехом), как родную мать. Так что тебе там делать нечего.

КОКА: Ну, раз мне нельзя там появляться...

НИНО: Да, нельзя! Так будет лучше. Похороны через два дня, я вылечу обратно в тот же день...

Изменившимся, ледяным голосом:

Человек не должен иметь близких! И никого не должен любить! Так лучше для него и для окружающих.

Смеется.

Если когда-нибудь мне повезет, и пусть даже в глубокой старости я смогу кое-как слепить на берегу моря крохотную лачугу, влезу в нее и свернусь там, как собака. И больше ничего... Да, отличный арбуз.

Встает, идет к лестнице, на мгновение останавливается. Если, конечно, когда-нибудь выпадет мне счастье...

Входит в комнату. Через некоторое время выходит снова, вешает на веревку мокрое полотенце и купальник, возвращается в комнату. Остальные сидят под инжировым деревом, словно загниотизированные словами Нино.

Пауза.

КОКА (словно очнувшись от забытья): Все меня ненавидят... Во всем меня винят, даже в смерти ребенка... Теперь и тут я окажусь виноватым... Видите ли, мне нельзя там появляться. Ведь мать Нино из-за меня разбил паралич. Вот такой я ужасный, тетя Цуца, а вы... Эх, это так, и ничего не поделаешь. Нино официально еще не разведена...

В это время на балкон выскакивает Тату и, перегнувшись через перила, кричит:

ТАТУ: Ну почему, почему вы не хотите понять, что я люблю Нико! Нико мой муж, а я его жена! Никто не верит, все против. Почему, объясните мне, почему?!

Следом за ней выходит Сопо, удерживает ее.

СОПО: Идем, идем! Зачем ты вскочила с кровати. Пошли, а когда проснешься, будешь кричать, сколько захочешь, идем, кому я говорю! Вы только посмотрите, какая она сильная! Идем, дорогая.

ТАТУ: Отпусти, а то я сейчас применю каратэ! Ййа-а!

СОПО: Я тебе дам каратэ! Пошли сейчас же!

ТАТУ: Убери руки, руки убери! А то я прыгну отсюда, так и знай!

СОПО: Убрала, вот! Теперь прыгай! А ну-ка попробуй не прыгнуть! Чего ждешь!

Тату некоторое время удивленно смотрит на Сопу, потом снова принимается плакать и кидается ей на грудь.

ТАТУ: Что мне делать, Сопо! Я боюсь... все кружится...
СОПО: Ничего. Идем со мной. Сейчас пройдет.

Уводит ее в комнату.

Пауза.

КОКА: Мы больше нигде, ни на одном курорте не можем появиться, словно мы прокаженные... Здесь нас пока не знают. Мы все время ищем пристанище, с тех пор, как... А ведь благодаря этому ребенку мы познакомились. Как вспомню, так в горле першит. Мы в Сочи тогда фильм снимали... На пляже подбегает ко мне девчушка и спрашивает: ты тот самый разбойник?! Узнала меня по какому-то фильму. Потом маму свою привела... Судьба, как это еще назовешь! Выходит, она сама сократила свою жизнь. Не знаю, зачем я вам это рассказываю. А вдруг и вы нас прогоните?..

ЦУЦА: Меня это не касается.

КОКА: Я и впрямь разбойником оказался... Почему все так сложилось... Как во сне...

ЦУЦА: Сегодня ночью, говорит, моя мама скончалась! — так просто сказала...

КОКА: Бывший муж Нино — известный человек, академик. Нино тоже читает лекции в университете...

ЦУЦА (гладит Коку по голове): А ты что же поседел так рано?

Поспешно добавляет.

Но тебе идет! Сколько тебе лет?

КОКА: Тридцать чегыре.

ЦУЦА: Значит, ребенок жил у бабушки?

КОКА: Нино ее часто навещала.

ЦУЦА: Понятно, девочку тоска заела...

КОКА: Так люди говорят... Сплетни чем ужаснее, тем интереснее.

ЦУЦА: Почему же сплетни? Ведь она в самом деле оставила ребенка.

КОКА: Я же сказал, что...

ЦУЦА: Часто навещать — это совсем не то. Навещают даже заключенных в тюрьме. Вот и наша Сопо каждый день в колонии. И вообще в тюрьме специальный день есть для свиданий. Ребенок чувствует, бросили его или нет. Дети все понимают.

КОКА: Значит, и вы думаете так же, как другие...

ЦУЦА: Матери было не до нее, если хочешь знать пра-

вДУ, вот она! Но нужна ли вам правда? Правда никому не нужна! Я говорю своей невестке — как вы можете создать семью! А она мне нагло так отвечает: можем и создадим. А ты вот сейчас, своими глазами видел — может она создать семью? Вот ваша правда!

Хлопает его ладонью по колену.

Не обижайся. Я всегда так говорю, прямо.

КОКА: Нет, тетя Цуца, чего мне обижаться... Может быть, действительно, теперь никому ни до кого дела нет...

ЦУЦА: Даже не до себя, иначе, если о себе вспомнишь, так и другого не забудешь. Мы себя потеряли, себя! Когда я говорю это сыну, он обижается. А эта выпивоха, моя невестка, вылезла на балкон и кричит: Я жена Нико! А что значит это слово — сами не знают... Наверное, не знают. Иначе бы так часто не повторяли. От Соно, правда, я этого не ожидала. Она так себя вела все время, ну тише воды, ниже травы... Я еще жалела ее.

КОКА: Соно, по-моему, была трезвая...

ЦУЦА: Все они одинаковые, все!

КОКА (встает): Пойду, поднимусь к Нино...

ЦУЦА: Да, иди, иди. Арбуз я в холодильник уберу.

КОКА (смеется): Четыре человека один арбуз не смогли съесть.

Поднимается по лестнице.

ЦУЦА (про себя): Лачуга ей нужна... именно на пляже! А почему бы и нет! И мне бы это не помешало, убей меня бог! Двадцать лет здесь живу и ни разу на море не была... Ни разу... Хм, лачуга... Я бы тоже вползла в нее и спряталась бы от всех, но кто позволит?! Кто оставит в покое?! Разве я помню о том, что море вообще существует?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

9.

Комната Соно.

Вечер.

ТАТУ: Голова трещит!

СОНО: Так тебе и надо!

ТАТУ: Дальше?

СОНО: Что дальше?

ТАТУ: Продолжай, почему ты замолчала?

СОПО: А что я рассказывала?

ТАТУ: Откуда я знаю.

СОПО: А я тем более не помню.

ТАТУ: Во всем ты виновата.

СОПО: Я?

ТАТУ: Если бы я на вас не наткнулась, ничего бы не было. Я Нико искала. Увидела вас издалека. Тебя вообще не узнала, вернее, сначала не заметила. Думала, иностранцы. Потом смотрю, нет, так по-иностранному только наши одеваются. Хотела спрятаться, но не успела. Вы меня окликнули.

СОПО: Они так обычно приезжают Зурико навещать — целым табуном. А он их видеть не хочет. Я встречаю и провожаю, что мне еще делать...

ТАТУ: А ты чего суешься, если он их видеть не хочет?

СОПО: Неудобно, друзья все-таки...

ТАТУ: Так вот иди и объясни моей свекрови, что вы меня силой шампанским напоили. Я его терпеть не могу — напиток дураков!

СОПО: Ого?

ТАТУ: А что — нет?

СОПО: Кто это тебе сказал?

ТАТУ: Нико сказал как-то однажды...

СОПО: Не выносишь, не нужно было пить.

ТАТУ: Я испугалась, я вообще таких ребят боюсь.

СОПО: Каких — таких?

ТАТУ: Ты только не обижайся...

СОПО: «Не обижайся»? Да я бы их всех собственноручно расстреляла!

ТАТУ: Сопо?!

СОПО: Всех!

ТАТУ: А что они тебе сделали?

СОПО: Мне-е? Мне как раз они и сделали... Впрочем, ты права, ничего они мне не сделали. Просто каждое воскресенье прилетают повидать друга. А он их видеть не хочет...

ТАТУ: В Тбилиси о тебе легенды ходят.

СОПО: И что же говорят?

ТАТУ: Говорят, в ресторане посудомойкой работаешь.

СОПО: Это правда.

ТАТУ: Ты всегда была чокнутой. Ну что ты этим хочешь доказать?

СОПО: А что я должна доказывать?

ТАТУ: Хочешь доказать, что так сильно любишь Зурико?

СОПО: Я никого не люблю...

961985940
30321110330

ТАТУ: Строишь из себя самоотверженную жену?

СОПО: ...всех ненавижу...

ТАТУ: Среди нас ты одна — образцовая жена!

СОПО: ...и прежде всего — себя...

ТАТУ: Ну что я теперь скажу своей свекрови?

СОПО: Ты знаешь, я до сих пор не верю, что ты — жена

Нико.

ТАТУ: Между прочим, я и сама не верю.

СОПО: Два таких разных человека...

ТАТУ: Значит, ты знаешь Нико? Ты думаешь, только одинаковые расписываются? Если так, то почему ты не сидишь в колонии вместе с Зурико?

СОПО: Кто тебе сказал, что не сижу? Ты думаешь, я сюда загорать приехала! Шестой месяц идет...

ТАТУ: И ты до конца тут будешь сидеть?

СОПО: До конца...

ТАТУ: Прямо фантастика! В чужой деревне, в чужом доме, в чужой комнате встречаю Сопу, с которой десять лет сидела за одной партией! И все оттого, что со мной приключилась еще более фантастическая история — я стала женой Нико! Ты сколько времени с мужем прожила?

СОПО: Три месяца.

ТАТУ: Ну, вы можете уже серебряную свадьбу справлять!

СОПО: Мы собирались, да вот...

ТАТУ: А мы прожили всего 11 дней! 11 дней в этой чужой деревне, в чужом доме, в чужой комнате, с чужими людьми. Это все равно, что пройти восемьдесят тысяч километров под водой...

СОПО: Напомни мне, что значит «серебряная свадьба»?

ТАТУ: Когда муж с женой вместе становятся стариками, они справляют серебряную свадьбу.

СОПО: А, вот оно как...

ТАТУ: Моя свекровь спрашивает, помню ли я Нико. Что я должна ответить? Не скажу же, что так, не особенно! Я и в самом деле неважно его помню, как в тумане, правда. Им бы следовало удивляться, что я вообще его помню. Ты думаешь, Нико меня помнит?.. Или Зурико тебя любит?..

СОПО: Не знаю.

ТАТУ: Никто ничего не знает, кроме моей свекрови. Свекровь моя знает все. Вот и я приехала, чтобы узнать, помнит ли меня Нико, знает ли вообще, что у него есть законная жена. Пока же у своей свекрови я узнала лишь то, что чем бы-

стрее я отсюда сметаюсь, тем будет лучше... Так что, дорогая Сопо, бросай эту игру, езжай в Тбилиси и жди там своего Зурико, если, конечно, стоит ждать человека, готового отправить тебя на тот свет...

СОПО: Он и сам не понимал, что делает...

ТАТУ: И это, по-твоему, оправдание?

СОПО: А разве нет?

ТАТУ: По-моему, это еще хуже. Короче, в Тбилиси твои подружки от души над тобой потешаются. Не скрою, милая моя Сопо, что среди них я — первая. Разве не смешно? Недавно встречаю в филармонии твоего отца. Боже, какой мужчина! Вот за кого бы я пошла, если бы он хоть пальцем меня поманил. Батоно Каха, что слышно от Сопо, спрашиваю я. Он засмеялся. Понимаешь? Ничего не сказал, только засмеялся. Кого ты хочешь обмануть? Кто тебе поверит? Ради кого или чего ты здесь, в ресторане при аэродроме, моешь посуду?

СОПО: Я говорю тебе, он был не в себе!

ТАТУ: Ладно, ничего не рассказывай, не надо!

СОПО: Я сама не знаю, что случилось. Никак не могу объяснить. И себя погубил, и меня! И все же я не могу отсюда уехать, не могу не видеть его ежедневно. Он стоит по ту сторону ограды и смотрит на меня. Я помашу ему, а он не отвечает. Неподвижно стоит и смотрит.

ТАТУ: А более тесно вы не общаетесь?

СОПО: Когда я приношу ему еду и сигареты...

ТАТУ: Родные его навещают?

СОПО: У него нет никого.

ТАТУ: А он что говорит?

СОПО: Ничего.

ТАТУ: Говорят, сторожа ранили, деньги украли...

СОПО: Говорю же, не знаю, что там у них произошло! Конечно, я обязана была знать, непременно должна была знать, и вот — жду.

ТАТУ: Чего ждешь?

СОПО: Что этот кошмар рассеется... Не смейся!

ТАТУ: А кто тебе сказал, что я смеюсь?

СОПО: Вот и не смейся. У меня нет другого выхода.

ТАТУ: Могла ли я подумать, что мы с тобой встретимся здесь, в этом доме. Нет, это действительно фантастика!

СОПО: Иногда во сне я слышу лай собак, потом как будто кто-то стучит в дверь. Я вскакиваю, как сумасшедшая: ой, сбежал, ой, убьют... открываю дверь — никого, и я такая сча-

стливая ложусь спать. Знаешь, иногда я думаю, что это мы
во всем виноваты...

ТАТУ: Мы?

СОПО: Да, и ты! Ты же сказала, что не помнишь Нико?

ТАТУ: При чем здесь Нико?

СОПО: При том, что мы эгоисты!

ТАТУ: Ах, ради бога, не надо так грубо!

СОПО: Все чего-то ищут...

ТАТУ: Ты, я смотрю, философом заделалась.

СОПО: Скажи, права я или нет?

ТАТУ: Давай сначала покурим.

Закуривает сигарету.

СОПО: Вот ты ищешь Нико, а был ли он у тебя когда-
нибудь? Что касается меня... Знаешь, как мне жалко Зурико!

ТАТУ: Жалко за то, что он душил тебя, да?

СОПО: Да, и за это тоже...

ТАТУ: Ты лучше скажи, что это ты вяжешь в эту жару.

СОПО: Башмачки. На, погляди!

ТАТУ (восторженно): Сопо!

СОПО: Вяжу и распускаю, вяжу и распускаю. Это мой
комплекс, так врач сказал.

ТАТУ: А говоришь, что не встречаешься с Зурико...

СОПО: Не встречаюсь.

ТАТУ: Так я тебе и поверила! Башмачки вяжут, когда...
Наверное, он действительно по ночам убегает... А что такого?
Перепрыгнет через забор — и сюда...

СОПО (со смехом): Да, убежишь тут, как же! Ты бы ви-
дела собак, которых они в поле тренируют... На вышках —
пулеметы стоят... Да и без всего этого он все равно не убе-
жит. Как бы тебе объяснить? Во-первых, как он может мне в
глаза смотреть, когда еще не вернулся оттуда, где я его по-
теряла... В последний раз я видела его в Тбилиси у ворот боль-
ницы, где он меня ждал, худой, небритый, желтый. Знаешь,
говорю, у меня больше никогда не будет детей...

ТАТУ: Сопо, знаешь, ты классная девчонка.

СОПО: Не классная, а...

ТАТУ: А башмаки малюсенькие, так их жалко, маленьких!

СОПО: Чего ты плачешь, дурочка?

И сама плачет.

Да, действительно, крошечные... и жалкие... Ладно, хва-
тит.

ТАТУ: В самом деле, чего мы плачем, смешно ведь, правда?

СОПО (смеется): Встретились две гусыни!

ТАТУ: Скажи, Сопо, чего ты хочешь больше всего на свете? Только правду скажи!

СОПО: Чего хочу? Больше всего на свете?.. А почему ты спрашиваешь?

ТАТУ: Вот я, например, чего хочу: чтобы был девятнадцатый век, чтобы горела керосиновая лампа и я бы играла на фортепьяно.

СОПО: Нет, я этого не хочу... Знаешь, я как-то об этом не думала... Впрочем, нет, думала, конечно... Больше всего на свете я хочу быть живой.

ТАТУ: Да брось ты! Я тебя не об этом спрашиваю, ты и так живая.

СОПО: Я хочу быть очень живой! Такой живой, чтобы наполнить собой все, что в этом мире создано для человека.

ТАТУ: Например?

СОПО: Санаторную палату!

ТАТУ: Теннисный корт!

СОПО: Теннисный корт. Кресло в самолете, танцплощадку, душевую кабину, больничную койку, операционный стол, все брачные ложа.

ТАТУ: Все?

СОПО: Все! Трибуны всех стадионов, все плавательные бассейны... Короче, я хочу вскипать и переливаться через край, как молоко. Понимаешь?

ТАТУ: И давно это с тобой?

СОПО: Что?

ТАТУ: А то, что ты хочешь выкипеть, как молоко?

СОПО: Не знаю, вот проснулась в один прекрасный день и...

ТАТУ: А врачу ты показывалась?

СОПО: Ты смеешься надо мной?

ТАТУ: Нет, клянусь тебе!

СОПО: А не пора ли тебе спуститься вниз?

ТАТУ: Ты хочешь сказать, собираюсь ли вообще тут оставаться, так?

СОПО: Или ты приехала только за тем, чтобы распивать шампанское на аэродроме?..

ТАТУ: Ты не знаешь, Нико пришел?

СОПО: Не знаю. Пока ты спала, я была здесь и слыхом ничего не слыхала.

ТАТУ: Я должна спросить у тебя одну вещь, только ты не сердись на меня.

СОПО: Пожалуйста, спрашивай!

ТАТУ: Почему ты мне так подробно обо всем рассказываешь?

СОПО: Не хочешь — не буду рассказывать.

ТАТУ: Я же просила тебя не обижаться.

СОПО: Потому что хочу, чтобы и ты мне рассказала.

ТАТУ: А мне нечего рассказывать.

СОПО: Все равно, хоть что-нибудь расскажи.

ТАТУ: Знаешь, я не умею лгать.

СОПО: Ты думаешь, я лгу?

ТАТУ: Конечно.

СОПО: Почему ты так думаешь?

ТАТУ: Сказать прямо?

СОПО: Скажи.

ТАТУ: Нет, не стоит.

СОПО: Скажи!

ТАТУ: Короче так, это лишнее: стоять под забором, издалека махать ручкой, Зурико — обыкновенный наркоман, к тому же рецидивист. Вот и все. И лирика тут ни к чему.

СОПО: Какая ты умная, оказывается.

ТАТУ: Хватит, сколько я дурой была.

10.

В соседней комнате.

Нино и Кока.

Нино укладывает чемодан.

НИНО: По утрам хотя бы кофе пей, не ходи голодный...

КОКА: Ты не вернешься... Я знаю, знаю, сердцем чувствую, насовсем уезжаешь.

НИНО (со смехом): А ты хочешь, чтобы я вернулась? (не дожидаясь ответа). Обедай в ресторане. Там готовят лучше, чем в нашей столовой. Дорого, но все равно, там лучше. Что ты говоришь?

КОКА: Ничего... В общем, можно сказать, ты принесла большую жертву.

НИНО: Ты... ты в самом деле так думаешь?

КОКА: Да, я уверен, что ты насовсем уезжаешь...

НИНО: Между прочим, мы опаздываем.

КОКА: И купальный костюм уложила — чего уж тут догадываться... Нет, мы не опаздываем. Даже если пешком пойдём, все равно успеем. А автобусом вообще пять минут...

НИНО: Да-да... Я и не подумала, так бросила в чемодан... Всегда боялась этого слова (со смехом) — жертва!

КОКА (со смехом): Стоило ли ради меня?

НИНО (молча смотрит на него, после паузы): Ради тебя?

КОКА: Да, ради меня!

НИНО (словно думает вслух): Перед смертью сказала, чтобы я помирилась с мужем. Это было ее последнее желание. Она умирала, а я на море уехала. Не могла на нее смотреть, не могла больше! Не могла выносить столько упреков, унижений, оскорблений, грязи!

КОКА: Прости меня...

НИНО: Вот еще одно ужасное слово: прости. Простить — ведь значит смириться со всем. Значит и ты... И ты уже отрёкся от меня? Так легко? Уверен, что я не вернусь, и даже не пытаешься удержать меня, не уговариваешь хотя бы для приличия, остаться. Напротив, ты готов нести мой чемодан до самого трапа. Простить тебя? А за что? За что нам друг друга прощать? Я больше никогда не поеду на море. Это была моя последняя поездка... Прощальная... Последнее солнце... Последний арбуз... Последний Кока... (смеясь) Жертва! Кока, Кока, какой ты еще ребенок. Артист, а совсем дитя! Удивительно прямо! А у меня судьба какая-то странная — бросать детей! Бросаю детей и убегаю! Значит, ты знаешь, что я уезжаю насовсем? И сам меня отпускаешь? От тебя я этого не ждала. Ладно, молчи, не надо, поговорим о чем-нибудь другом. Как все банально! Неужели люди не могут придумать ничего нового?

КОКА: Нино, хочешь я скажу тебе правду?

НИНО: Правду? Интересно!

КОКА: Ты больше не любишь меня, поэтому все кажется тебе банальным! Да ты и не любила меня никогда.

НИНО: Bravo! Bravo!

Хлопает в ладоши.

(раздраженно) Я не любила тебя? Дурак! И это ты говоришь мне после всего — после всех ужасов и кошмаров?!

КОКА: Да, говорю... Не хочу, чтобы ты лгала.

НИНО: Ты прав...

Закуривает.

Ты прав... я не люблю тебя... И не только сейчас, в эту минуту. Никогда не любила. Как мне трудно это говорить! И тогда, когда ночью явилась к тебе, хотя знала, что ты не один — родители, младшая сестра... Ничего не постеснялась, не побоялась... И тогда не любила... Наверно... Наверно... Да, мне

некуда было идти! А мне непременно надо было куда-то пойти, чтобы еще глубже увязнуть в трясине... еще глубже... Странно, но это было именно так.

КОКА: Да, но ты ведь до этого уже была со мной. Или это ничего не значит?

НИНО: О, какая у тебя, оказывается, память!

Внимательно разглядывает его.

Это ничего не значит...

КОКА: И ты... После всего... Хотя бы после этих слов... Можешь вернуться к мужу?

НИНО: Могу.

КОКА: Как ни в чем не бывало?

НИНО: Как ни в чем не бывало!

КОКА: И он...

НИНО. Да, и он — как ни в чем не бывало. Позовет меня: «Нинико!» — и я тут же превращусь в комнатную собачонку, в канарейку. Или назовет «кисанькой», и я буду тереться о его ноги, руки ему лизать. Знаешь, как хорошо быть кошкой, канарейкой, болонкой! Мой муж, кроме того, что известный ученый, еще и иллюзионист, фокусник, он может одним словом, одним мановением руки превратить планету в глобус, поезд — в карету, слона — в мышь. Знаешь, как это успокаивает? Мне же все кажется огромным, спичечный коробок кажется домом. А я хочу быть «кисанькой» — и все! Хватит!

КОКА: Какая ты жестокая! Потому...

НИНО: Что? Что потому?

КОКА: Ничего.

НИНО: Нет, скажи, мне интересно.

КОКА: Тебе ничего не интересно, а я думал...

НИНО: Что ты думал?

КОКА: Ничего, ничего...

НИНО: Свою мысль надо всегда заканчивать. Запомни это!

КОКА: Так принято в приличном обществе, да?

НИНО: Вот именно!

КОКА: Хорошо, я и это запомню.

11.

Комната Сопо.

Сопо и Тату.

СОПО: А ты помнишь, как напилась... умница?

ТАТУ: Прошу тебя, Сопо, не напоминай мне об этом!

СОПО: С балкона кидалась.

ТАТУ: С чего вдруг?

СОПО: А я почему знаю.

Показывает куклу.

Смотри, что у меня есть.

ТАТУ (с восхищением): Всего ждала, кроме этого, дай я тебя поцелую.

Целует ее, прижимает куклу к груди, качает.

— Чья ты, малышка, как тебя зовут?

СОПО (детским голоском): Меня зовут Инесса.

ТАТУ: Инесса?

СОПО: Что поделаешь, так уж меня называли. При чем тут я?

ТАТУ: А почему ты босая, тебе не холодно? Давай надем эти башмачки.

СОПО: Mamочка возьмет меня в зоопарк.

ТАТУ: Хочешь, и я с вами пойду?

СОПО: О, как хорошо! Ой, как я рада!

ТАТУ: Давай наденем шапочку... Кашне не надо, жарко. Вот так. Теперь маленькая Инесса даст мне ручку. Мы осторожно перейдем улицу, посмотрим сначала налево, потом направо, или наоборот, я не помню. Короче, будем соблюдать правила уличного движения, не будем играть со спичками, прыгать на ходу с трамвая, сердить маму, будем уступать место старшим. А вот и зоопарк. Покупаем билеты, заходим. Хочешь, взвесимся? А вот слон, вот обезьяны! Инесса, Инесса, ты не хочешь быть обезьянкой?

СОПО: Нет, не хочу.

ТАТУ: Почему, чем тебе обезьяны не угодили?

СОПО: Неохота.

ТАТУ: Типично обезьяний ответ. Это тебя мамочка научила?

СОПО (вытаскивает игрушечную кровать): А вот и кровать Инессы.

ТАТУ: Ой, какая славенькая кровать у Инессы! Какое вышитое одеяльце! И ночная рубашка в горошек!.. Давай снимем платье, хватит нам обезьяничать, наденем ночнушку, укроемся одеяльцем. Закроем глазки и скорее уснем, а то придет бабайка и унесет нас в лес, а там не добрые обезьянки живут, как в зоопарке, а волосатые дядьки, которые на лоне природы пьют шампанское. Увидят Инессу — и ам! — проглотят! Что мы тогда будем делать, ведь у нас нет никого, кроме тебя.

Баю-баюшки-баю,

Баю деточку мою...

СОПО: Как ты хорошо, оказывается, умеешь рассказы-
вать!

ТАТУ (поет): Баю-баюшки-баю,

Баю деточку мою...

СОПО: Расскажи мне что-нибудь...

ТАТУ: Что рассказывать? Я же сказала тебе...

СОПО: Все равно, расскажи, что хочешь!

ТАТУ: Но я ничего не знаю...

СОПО: Не может быть, чтобы не знала!

ТАТУ: Ни одной сказки...

СОПО: Не может быть, говорю!

ТАТУ: А кто будет петь Инессе?..

СОПО: Я буду петь Инессе. И вообще, почему ты ее баю-
каешь? Это моя дочка, я буду ее баюкать.

ТАТУ: А ей нравится, как я пою.

СОПО: Нет, тебя она боится.

ТАТУ: Почему она должна меня бояться?

СОПО: Потому что ты умная.

Баюкает куклу:

Баю-баюшки-баю,

Баю деточку мою...

ТАТУ: Жила-была на свете одна обыкновенная девочка.
Нет, не умею я рассказывать, что делать!

СОПО (поет): Баю-баюшки-баю,

Баю деточку мою...

ТАТУ: И у этой обыкновенной девочки были обыкновен-
ные родители...

СОПО (вскакивает): Тс-с!

Подбегает на цыпочках к дверям, знаками подзывает к себе Тату. Та подходит. Обе, затаив дыхание, прислушиваются к беседе Нино и Коки.

12.

Нино и Кока спускаются по лестнице. Кока несет чемо-
дан.

НИНО: Скажи все же, что ты думал. Ведь знаешь, какая
я любопытная!

КОКА: Я же сказал — ничего!

НИНО: Ну я прошу тебя!

Гладит его по волосам.

КОКА: Я думал... что мы будем вместе жить...

НИНО: Что-о? Ха-ха-ха! Давно я так не смеялась!

КОКА: Не смейся!

НИНО: Ладно, ладно, пошли, мы опаздываем. Надо же такое придумать: будем жить вместе! Ха-ха-ха! Вот это да!

Очень сурово.

Люди обязательно должны выяснить, что их связывает — любовь или жалость. И если жалость — немедленно и беспощадно — топором, ножом или зубами должны разорвать все, что их связывает!

Уходят.

13.

Комната Сопо.

Сопо и Тату возвращаются к столу.

СОПО: Беспощадно!

ТАТУ: Зачем мы подслушивали? Стыдно...

СОПО: Лично я знаю, почему подслушивала.

ТАТУ: Ну и почему же?

СОПО: Потому что люблю слушать чужие разговоры, особенно когда люди друг другу врут. Никакой театр с этим не сравнится. А вот почему ты подслушивала — не знаю.

ТАТУ: Потому что ты позвала меня.

СОПО: А ты прибежала.

ТАТУ: Да, прибежала.

СОПО: Но я же не говорила тебе — подслушивай!

ТАТУ: Как она была похожа на мою маму!

СОПО: Что ты сказала?

ТАТУ: Пой, что же ты не поешь?

СОПО: По-моему, мы обе свихнулись!

ТАТУ: А разве это плохо?

СОПО (поет): Баю-баюшки-баю,

Баю деточку мою...

ТАТУ: Знаешь, в один прекрасный день моя мать вместе со своим любовником на «Жигулях», полученных к 40-летию в подарок от моего отца, врезалась в чью-то «Волгу». Из «Волги» выскочили какие-то ребята и на глазах у любовника до потери сознания зверски избили мою мать. Любовник тут же смылся. Милиция застала в машине только ее. Нет, не в машине, она сидела вся окровавленная рядом с машиной на земле. Хулиганов, разумеется, поймали, но мать на сле-

дующий же день добилась, чтобы их отпустили. Она сказала, что во всем виновата сама и обещала возместить тем хулиганам ущерб. И знаешь почему? Потому что мой отец попросил ее об этом. Да. Мой отец, который прекрасно знал о том, как избил его жену, между прочим, у любовника на глазах. Но для дела так было нужно. Я своими ушами слышала, как отец сказал: выборы на носу. Я случайно подслушала их разговор. Сгрызла себе все ногти, чтобы не закричать. Стояла в коридоре, как идиотка, и грызла ногти. Даже уйти не сообразила. За дверью всхлипывала мать, отец, разъяренный, ходил из угла в угол. Нет, я больше ничего не слышала. После того, как он сказал, что выборы на носу, я больше ничего не слышала. Только думала, что я тут делаю, почему стою тут, в этом чужом доме? Когда я пришла в себя, я была уже на улице, даже не знала, куда иду, а шла уже довольно долго, без всякой цели и смысла. Ноги у меня подкашивались, я села в трамвай, наверное, чтобы не упасть. Сидела и думала — как я тут оказалась, ведь после школы я ни разу не ездила в трамвае. Я сошла, но чувствовала себя так плохо, ощущала такую резь в желудке, что не могла выпрямиться. Вошла в первый попавшийся подъезд и улеглась у стены рядом с лифтом.

СОПО (поет, но при этом очень заинтересованно слушает): Баю-баюшки-баю,
Баю деточку мою...

ТАТУ: Потом появилась какая-то старушка... Она что-то говорила, шамкая беззубым ртом, держала мою руку в своей, словно собачью лапку. Я даже загавкала на нее, но сама испугалась, вскочила и убежала. После этого случая можно смело сказать, что с матерью своей я не разговаривала. Между прочим, она тоже из-за меня не убивалась. Ей никто не был нужен — ни я, ни муж, ни любовник. И нас к телефону не подпускала, и сама трубку не брала. А телефон звонил и звонил, не переставая, днем и ночью, как сумасшедший. Вот тогда и подвернулся на счастье деревенский мальчик, который попросил моей руки. Да-да, как было принято раньше — я, говорит, хочу на тебе жениться и очень прошу мне не отказывать. Я сразу подумала — господи, думаю, хоть отсюда уберусь. Я не могла больше жить в своем доме, со своими родителями. Однако... Как только мы прибыли на место, то есть сюда, я тотчас поняла, что решение мое было безумным. Поэтому я позвонила той, назло кому вышла замуж, от которой, как я считала, убежала. Мамочка, говорю, спаси меня!

Она тут же прилетела и забрала меня. Должно быть, еще и обрадовалась такому «счастливому замужеству». Ведь она считала, что чем несчастнее я буду, тем лучше ее пойму. Но пусть они не обманывают себя и ни на что не надеются, я никому ничего не простила. Вот и вся моя история. Ты своего добила, заставила меня рассказать сказку. Нравится?

СОПО: Странно...

ТАТУ: Что тут странного?

СОПО: Знаешь, когда я тебя слушала, почему-то вспомнила свой сон — «птичий базар»!

ТАТУ: Это еще что?

СОПО: Ты, вероятно, знаешь, что наш аэродром называют «птичьим базаром»?.. Так вот, во сне я вижу, будто собралась птицы со всей планеты. Пух, перья, помет, яйца — все перемешалось. Я с трудом нахожу место, куда можно ступить, а птицы клюют мои руки, плечи, стараются и глаза выклевать. Кружат надо мной с криком, крыльями бьют в лицо... Грудь и плечи у меня исцарапаны их когтями... Они, кажется, собирались улететь на другую планету, а я почему-то мешала им...

ТАТУ: Ну ты хороша!

СОПО: Представляешь, такое увидеть во сне?..

ТАТУ: Да но какая связь между моим рассказом и твоим воючим «птичьим базаром»?

СОПО: Не знаю, сама удивляюсь, что вдруг его вспомнила... Да, еще один малюсенький желтенький птенец трепыхался в грязной луже и пищал так жалобно, так пронзительно, что в этом адском шуме я все равно слышала его писк...

ТАТУ: Не понравилась тебе моя сказка?

СОПО: Почему же, было очень смешно!

ТАТУ: Ты права, я тоже много смеялась.

СОПО: Я люблю смешные сказки.

ТАТУ: Ты скажи лучше, как зовут того красавчика, твоего соседа, который только что понес чемодан той особы? Хотя постой, я сама скажу тебе, как его зовут!

Встает, передразнивает Коку.

Здравствуйте, тетя Цуца. О, какая прекрасная погода! Если Нино спросит, скажите, что я на пляже. Эта красивая девушка из Тбилиси? Девушка, скажите пожалуйста, который час? Ах, это ваша невестка? Ох, извините, извините!

СОПО (смеется): Ты знаешь Коку?

ТАТУ: Конечно, это фантастика, как еще назвать то, что рядом с «птичьим базаром», в доме моего мужа, я встречаю

свою одноклассницу Сопо, которая якобы последовала за своим арестантом-мужем, а на самом деле с ума сходит по седу-артисту.

СОПО (смеясь): Кто тебе это сказал?

ТАТУ (смеясь): Ведь это правда?

СОПО (смеясь): Что — правда?

ТАТУ (смеясь): Что ты с ума сходишь?

СОПО (смеясь): Ну, знаешь что...

ТАТУ: Короче, ты изменница!

СОПО: А ты всегда была фантазеркой.

ТАТУ: А вообще-то ты — птичий санитар.

СОПО: Кто? Я-а-а?

ТАТУ: Нет-нет, извини, птичий педиатр!

СОПО: Перестань меня смешить!

В дверь стучат, девочки быстро прячут куклу и игрушки.

СОПО: Входите!

Входит Нико.

ТАТУ: Ой, Нико!

СОПО: Входи, Нико, входи. Твоя жена тебя ждет.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

14.

Во дворе Цуца и Ладо.

ЦУЦА: Ладо!

ЛАДО: Что, Цуца?

ЦУЦА: Проснись же, наконец!

ЛАДО: Чего мне просыпаться, если я не сплю!

ЦУЦА: В этом доме даже поговорить не с кем!

ЛАДО: Когда это было, чтобы ты со мной заговорила, а я не ответил?

ЦУЦА: Со всеми считаюсь, с тобой, с Нико... Сижу одна...

ЛАДО: Да будет тебе, одна!

ЦУЦА: Сама с собой начала разговаривать.

ЛАДО: Ну вот, значит, и нашла себе собеседника!

ЦУЦА: Да, нашла... Собеседника... Послушай, я что-то хочу тебе сказать.

ЛАДО: Ты сейчас сама с собой разговариваешь или со мной?

ЦУЦА: С тобой, с тобой.

ЛАДО: Я слушаю, чего ты кричишь?

ЦУЦА: Нико вернулся!

ЛАДО: Когда?

ЦУЦА: Вот ты и не заметил... Он сразу наверх поднялся, к твоей невестке, в комнату Сопо.

ЛАДО: Что ты говоришь?! Узнал, значит.

ЦУЦА: Что узнал?

ЛАДО: Что она под мухой явилась. Хи-хи-хи!

ЦУЦА: Еще бы не узнать! Разве кто промолчит! Он, как сумасшедший, по лестнице взбежал.

По лестнице спускается Сопо.

ЦУЦА: Сопо, как дела, что они делают?

СОПО: Ничего. Сидят, как голубки.

ЦУЦА: Сидят? Столько времени?

СОПО: Да, сидят и молчат.

ЛАДО: Что-что?

ЦУЦА: Молчат, говорит.

ЛАДО: Почему молчат?

ЦУЦА: Наверное, так надо. Мой мудрый сын сам, наверное, все знает!

15.

С аэродрома возвращается Кока.

У калитки сталкивается с Сопо.

КОКА: Хочешь, я тебя провожу?

СОПО: В этом нет необходимости.

КОКА: Тогда буду ждать твоего возвращения.

СОПО: Как хочешь.

КОКА: Когда вернешься, я зайду к тебе и все объясню.

СОПО: Что объяснишь?

КОКА: То, что ты делаешь — глупость.

СОПО: А ты почему знаешь?

КОКА: Губишь себя.

СОПО: С чего ты это взял?

КОКА: Помнишь, вчера на пляже...

СОПО: Разумеется, помню.

КОКА: Помнишь, что ты сказала?

СОПО: Я ничего не говорила.

КОКА: Одиночество — мука, сказала ты на пляже, когда мы остались вдвоем, Нино побоялась и не пошла с нами. Помнишь?

СОПО: Эх, Кока, Кока, она еще в воздухе...

КОКА: Кто?

СОПО: Пощади ее. Дай ступить на землю.

КОКА: Меня же никто не щадит...

СОПО: А зачем тебя щадить?

КОКА: Почему ты не спрашиваешь, что я делаю в этой идиотской деревне, на этом «птичьем базаре», когда театральный сезон еще не закрыт, когда на телестудии из-за меня простаивает целая съемочная группа. Небось ругают меня последними словами. И правильно делают. Зачем я здесь? Я тебя спрашиваю.

СОПО: Это не у меня, у другой надо спрашивать.

КОКА: Нино несчастная женщина, я не имею права оттолкнуть несчастную женщину.

СОПО: Ты, я вижу, ни минуты даром не теряешь. Правда, из театра ты ушел, но и здесь продолжаешь играть.

КОКА: В этом как раз моя беда! Знаешь, я действительно играю, словно стал невольным персонажем какого-то длинного всеобщего спектакля, заводной птичкой. Здесь полно таких птиц. Я в одиночку чирикаю, в одиночку каркаю, щелкаю, свищу, и они — в одиночку чирикают, каркают, щелкают, свилят, и ни один из нас не слышит другого — в общем гвалте. Все словно охвачены манией лицедейства. Одни изображают бандитов, другие — верность, третьи — играют в любовь. А любовь, дорогая, осталась лишь в старых фильмах. Приставит Жерар Филип к виску пистолет — бац, и готово! А сейчас если актер — даже такой как я — позволит себе это, над ним ведь смеяться будут!

СОПО: Ты просто, должно быть, плохой актер.

КОКА: Да, я, должно быть, плохой актер, но позвольте мне играть в театре, а не в жизни, ты слышишь? Я не хочу быть вашим партнером, в этой пьесе, созданной чьей-то или чьими-то подражательностью или испорченностью, партнером неврастеников, чокнутых, «моих кисанек», не имеющих собственной жизни. Вот и тебя я уже достаточно ненавижу, хотя и двух недель с тобой не знаком. Вы все заводные птички, вместе летаете, вместе отдыхаете, вместе совокупляетесь...

СОПО: Пропустите меня, я опаздываю!

КОКА: Иди, иди, доставь своему мужу все удовольствия до единого!

СОПО: Я не понимаю...

КОКА: Да, да, ступай!

СОПО: По какому праву вы так со мной разговариваете? Кто вам позволил?

КОКА: Обрати внимание — ни тот, кто сейчас сидит за

решеткой, ни ты, моющая ради него посуду в ресторане, не вызываете сочувствия. Потому что вы оба — жертвы глупости. Не неизбежность толкает одного — к преступлению, другую — к верности, а игра, фальшь, мода!..

СОПО: Замолчите!

КОКА: А в глубине души ты, должно быть, мечтаешь, чтобы он не вышел оттуда, не вырвался за эту ограду, потому, что никто не знает, оттуда человек вернется или чудовище в человеческом облике!

СОПО: Господи, какая мерзость!

КОКА: Лицедейство — мерзость!

СОПО: Не думала я, что вы хулиган! Чего вам надо от меня, чего?

КОКА: Я не хочу, чтобы ты страдала!

СОПО: Что я вам сделала?

КОКА: Ты ничего не сделала, просто я хотел сказать вслух, объяснить кому-нибудь, что за кошмар — пустые слова, пустая поза, пустой жест, пустая жизнь... Как заброшенная церковь, в которой могут завестись черти... Вот только это я и хотел сказать.

СОПО: Видимо, вас кто-то очень разозлил!

КОКА: Видимо...

СОПО: И теперь вы вымещаете свою злость на других...

КОКА: Возможно...

СОПО: А это же недостойно! Вы согласны со мной?

КОКА: Согласен.

СОПО: И вообще, цинизм, безобразие...

КОКА: Вы абсолютно правы...

СОПО: Если бы мы с вами встретились через час, вы сказали бы мне все это?

КОКА: Не знаю...

СОПО (жестко): Отвечайте!

КОКА: Знаете, я ведь вас правда ненавижу, потому что... помните, когда мы в первый раз пошли на пляж ночью...

СОПО: Не помню!

КОКА: И в темноте наткнулись на груду камней...

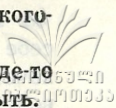
СОПО: Не помню!

КОКА: Вокруг мелькала масса светлячков...

СОПО: Не помню!

КОКА: Вы еще сказали: вот могила звезд...

СОПО: Вам, наверное, померещилось. Разве может быть, чтобы мы с вами куда-то отправились вместе? Да такое даже предположить невозможно!

КОКА: И тогда я понял, что если я когда-нибудь кого-нибудь полюблю...

СОПО: Как вы могли подумать, что мы когда-то где-то были вместе?! Все равно где! Этого просто не может быть.

КОКА: Погодите!

СОПО: Не говорите больше ничего, не унижайте себя!

КОКА: Я сказал — стойте!

СОПО: Знаете, мне вас жалко.

КОКА: Можно подумать, что вы в самом деле меня жалеете!

СОПО: А если жалею, что тогда?

КОКА: Я жду вас с нетерпением, помните об этом!

СОПО: Зачем?

КОКА: Не знаю... Да... Не знаю...

СОПО: Так просто?

КОКА: Да.

СОПО: С нетерпением?

КОКА: Да, с нетерпением, с нетерпением!

Сопо уходит.

Кока медленно поднимается по лестнице, останавливается, закуривает, садится на ступеньку. Некоторое время сидит так. Потом встает и заходит в свою комнату.

16.

Комната Сопо.

Нико и Тату.

Пауза.

ТАТУ: Ровно полчаса, как мы молчим.

Нико словно не слышит.

Пауза.

ТАТУ: Интересная особа эта Сопо, не поймешь, когда она лжет и когда говорит правду.

Пауза.

По-моему, она все время лжет. В школе всегда врала. Придумает, бывало, что-нибудь и сама в свою выдумку верит.

Пауза.

(смеется): Мне кажется, она никогда в жизни не говорила правды.

Пауза.

(смеется): А спросишь, так, по ее мнению, другие все время врут, придумывают сказки...

Нико встает, берет с подоконника графин и льет воду себе на голову. Тату, глядя на это, покатывается со смеху, хочет, указывая на Нико пальцем, словно он налил на себя воду, чтобы ее рассмешить.

Нико молча смотрит на нее нахмурясь. Видно, что ему не до смеха.

Пауза.

Тату смеется.

НИКО: Что тут смешного?

ТАТУ: Ой, мамочки, умираю! А ну, еще раз! Не могу...

Нико молчит.

Пауза.

ТАТУ: Нико!

НИКО: Чего тебе?

ТАТУ: Здравствуй!

НИКО: Ну, здравствуй!

ТАТУ: Вот я и приехала.

НИКО: А ты что — уезжала?

ТАТУ: Скоро год, как я твоя жена!

НИКО: Ты посмотри, какая у нее память!

ТАТУ: Твоя мама права.

НИКО: Моя мама всегда права.

ТАТУ: Так больше продолжаться не может.

НИКО: Да, не может.

ТАТУ: Действительно, не может.

НИКО: Ты права, не может.

ТАТУ: А ты знаешь, что — не может?

НИКО: Откуда мне знать?

ТАТУ: И не догадываешься?

НИКО: О чем не догадываюсь?

ТАТУ: Тогда ты все понимал.

НИКО: Когда «тогда»?

ТАТУ: Когда из-за меня с ума сходил!

НИКО: Это я-то сходил из-за тебя с ума?

ТАТУ: Если бы мне было не лень...

НИКО: Что бы ты сделала, если бы тебе было не лень?

ТАТУ: Встала, подошла поближе и дала бы тебе пощечину!

НИКО: Сидите, сидите, не беспокойтесь! Я сам к вам подойду.

Подходит. Приближает свое лицо к ней.

Вот, пожалуйста!

ТАТУ (ласково проводит рукой по его щеке): Тогда говори со мной по-человечески.

Нико возвращается на прежнее место.

НИКО: Хочешь жвачку?.. У меня всего одна...

Кладет жвачку в рот.

Интересно, когда ты научилась разговаривать по-человечески? Или для этого тоже ходила к репетиторам?

ТАТУ (подходит близко, садится перед ним на корточки, берет за руку): Нико!

Целует ему руку.

Пойми...

НИКО (стараясь вырвать руку): Я что — священник тебе, что ли! Пусти!

ТАТУ: Пойми, говорю! Вот, отпустила.

Поднимается. Стоит поодаль.

Знаешь, какая я несчастная!

НИКО (качает головой): Ой-ой-ой!

ТАТУ: Тебе неинтересно, почему я несчастная?

НИКО: Не люблю артистов!

ТАТУ: Несчастливая я потому, что кроме тебя на этом свете у меня никого нет.

НИКО (повторяет): Ой-ой-ой!

ТАТУ: И самое смешное, что это правда!

НИКО: Ты случайно не перешла в театральный?

ТАТУ: Знаешь, что меня удивляет — как быстро ты все забыл!

НИКО: Давай лучше расскажи, зачем ты сюда приехала, и закончим на этом.

ТАТУ: Ты прав, мне не надо было приезжать.

НИКО: Я лично тоже удивляюсь.

ТАТУ: Ты помнишь...

НИКО: Давай оставим это!

ТАТУ: Помнишь, какой дождь шел?

НИКО: Пропустим описание природы.

ТАТУ: Если мы не будем друг друга слушать, то как говорить?

НИКО: Как хочешь, так и говори!

ТАТУ: Нас никто не поймет...

НИКО: И правильно сделает.

ТАТУ: Достань жвачку изо рта!

НИКО: Как бы не так!

ТАТУ: Было холодно...

НИКО: Метеосводка тоже не нужна!

ТАТУ: Хотя стоял август...

НИКО: Достаточно, я все вспомнил!

ТАТУ: Что ты вспомнил?

НИКО: Давай воспоминаниям предадимся, когда постоим. Только не вместе, не дай бог! Я — сам по себе, ты — сама по себе. Так будет лучше и для нас, и для всеобщего покоя на земле!

ТАТУ: Я посадила тебя у стола. На коленях у тебя лежали вырванные с корнем цветы. Мне так жалко тебя стало, может, потому, что я была старше и умнее тебя...

НИКО: Старше — это точно...

ТАТУ: И умнее!

НИКО: Ха-ха-ха!

ТАТУ: Цветы я вырвала у тебя почти силой, как будто ты не мне их принес, а собирался еще к кому-то идти. Хотя в Тбилиси у тебя знакомых, кроме меня, не было. Ты с самого начала был гордецом, не гордецом, а глупцом! Я вынесла полотенце, чтобы высушить тебе волосы. И смело могу сказать, что любила тебя лишь в ту минуту, когда вытирала твою голову!

НИКО: А там — в кустах на набережной?

ТАТУ: О, как вы вульгарны, юноша!

НИКО: Прошу прощения, мадам!

ТАТУ: Цветы я унесла в ванную, обрезала корни, они торчали, как петушиные шпоры. Однажды в ванной наш шофер петуха зарезал, так я два дня ревела.

НИКО: Почему?

ТАТУ: Не знаю.

НИКО: А я вот знаю.

ТАТУ: Может, и мне скажешь?

НИКО: Потому, что ты ушами свистишь.

ТАТУ: Это еще что такое?

НИКО: Не знаешь?

ТАТУ: Нет.

НИКО: Это значит, что вот здесь (показывает на лоб) — пустота, ветер свободно гуляет — туда-сюда.

ТАТУ: Как здорово, что ты меня этому научил!

НИКО: Тебя, дорогая, учить нечего! Значит, когда мы были на набережной, ты меня не любила. Не любила, и просто так...

ТАТУ: Ну и что? Ты думаешь, только влюбленные гуляют по набережной? К тому же я женщина, у меня слабая воля.

НИКО: Раз уж у нас зашел об этом разговор...

ТАТУ. Достань изо рта жвачку, я сказала!

НИКО (не обращая внимания, продолжает): Тогда уж скажи, может, у тебя чересчур слабая воля и я не был у тебя первым? А?

ТАТУ: Как тебе это сказать...

НИКО: Как-нибудь уж скажи!

ТАТУ: Ты что-то спросил меня?

НИКО: Нет, ничего...

ТАТУ: Ну вот и прекрасно!

НИКО: Что — «вот и прекрасно»?

ТАТУ: Что ничего не спросил. О таких вещах не спрашивают!

НИКО: И все же расскажи какой-нибудь интересный эпизод из твоего прошлого.

ТАТУ: Достань жвачку!

НИКО: Если хочешь — несколько эпизодов.

ТАТУ: Слушай, я ведь правду расскажу!

НИКО: Начинай, я слушаю!

ТАТУ: За несколько дней до встречи с тобой...

НИКО: Давай, давай...

ТАТУ: Я лежала в подъезде, возле лифта...

НИКО: Ну, пошла врать!

ТАТУ:... подошла какая-то старушка. Приласкала меня, видно, ей очень стало меня жалко. А я залаяла на нее по-собачьи и убежала...

НИКО: Я что, об этом тебя спрашиваю?

ТАТУ: ...потому что не хотела, чтобы кто-нибудь меня жалел. Когда меня кто-то жалеет, мне становится не по себе, у меня аллергия на жалость. Ты спал когда-нибудь в квартире со снятыми дверьми? А я спала. Я решила переночевать у тети, а в ее квартире дверь оказалась снятой, а в коридоре — ведра с краской и рулоны обоев. Да, посреди комнаты была расстелена постель, прямо на полу — как будто специально для меня. Как раз то, что мне надо — собачья подстилка. Я легла и сразу уснула, как провалилась, даже не успела подумать, часом не в чужую ли квартиру я вошла? Правда, почти в ту же минуту меня что-то разбудило, вернее, не что-то, а кто-то, какой-то голый пузатый мужчина. Что ты тут делаешь, спрашивает. А я ему — ты кто такой? Я, говорит, маляр и здесь сплю. А где хозяйка — спрашиваю. Они, говорит, на даче в Цхнети. Короче, когда я снова проснулась, мужчины уже не было...

НИКО (кричит): Ты лжешь!

ТАТУ: Видимо, он испугался...

Нико подбегает к ней, поднимает со стула и бьет по лицу.
Тату падает.

НИКО: Лжешь! Выдумываешь!

ТАТУ (изменившимся голосом): Может быть... может быть... выдумываю...

НИКО: Да, выдумываешь!

Подходит, обнимает ее, поднимает, снова сажает на стул.
Я все помню... Как не помнить... И чай помню... и лифт... и то, как ты мне язык показывала...

ТАТУ: Когда?

НИКО: Прости, кажется, получилось слишком сильно... Но ты сама виновата.

ТАТУ: Иногда я как будто плаваю в темной колодезной воде, и так прохладно-прохладно, ничего не хочу, кроме этой прохлады. Глаза у меня открыты, и я вижу ветку вашего инжирового дерева, только одну ветку...

НИКО: Скажи мне...

ТАТУ: Выбрось жвачку!

НИКО: Вот, выбросил!

Выбрасывает жвачку в окно.

Возвращается.

В Тбилиси что, парней не осталось, чего ты ко мне прицепилась?

ТАТУ: Тебя это тоже удивляет?

НИКО: Отвечай, когда тебя спрашивают!

ТАТУ: Всех удивляет. Моя мать чуть с ума не сошла, когда я наврала ей, что люблю тебя.

НИКО: Наврала?

ТАТУ: Ты ведь тоже испугался, поэтому пришел ко мне?

НИКО: А что было бы, если бы не пришел?

ТАТУ: Ничего... Что могло быть?

НИКО: Значит, я сам сунул голову в петлю.

ТАТУ: Вспомнила! Самым первым был шестилетний мальчик, толстый, голубоглазый, щекастый. Мне тоже было шесть лет. Мы вместе в детский садик ходили. Он все время старался меня рассмешить, чего только не делал, чего не придумывал! Прыгал, скакал вокруг меня, как большая птица с подрезанными крыльями. Кричал — я пеликан, а каркал, как ворона: карр-карр-карр! И я смеялась, умирала со смеху...

НИКО: Это мне неинтересно!

ТАТУ: А теперь покажи, как ушами свистят?

НИКО: Больше ничего не хочешь?

ТАТУ (смеется): Трусихка!

16.

Во дворе.

Цуца и Ладю.

Вбегает Тезико.

ТЕЗИКО: Тетя Цуца, тетя Цуца!

ЦУЦА: Что случилось, что кричишь?

ТЕЗИКО: Тетя Цуца, новости, горяченькие новости!

ЦУЦА: Говори, пока язык не обжег!

ТЕЗИКО: Ваша сватья прилетела и сняла люкс в гостинице на аэродроме.

ЦУЦА: Когда?!

ТЕЗИКО: Только что... Люди говорят... Сказать?

ЦУЦА: Скажи, скажи, ведь для этого прибежал!

ТЕЗИКО: Говорят, что могла бы и у Дзагнидзе остановиться, они бы ее не съели. Съели бы вы вашу родственницу, тетя Цуца?

ЦУЦА: Конечно бы съели, о чем речь, тем более мы давно родственников не ели! Лучше скажи, откуда ты все это узнал?

ТЕЗИКО: Наш доктор сказал, он своими глазами видел.

ЦУЦА: Ты хороший парень, Тезико, и новости хорошие приносишь. Ведь бежал, как собака, высунув язык!

ТЕЗИКО: Да, бежал, а как же!

ЦУЦА: Молодец, молодец!

ТЕЗИКО: И не останавливался нигде!

ЦУЦА: Так нам и надо.

ТЕЗИКО: Что вам надо, тетя Цуца?

ЦУЦА: А теперь бегом отсюда, ну-ка! Чтоб духу твоего здесь не было!

ТЕЗИКО: Бегу, тетя Цуца, бегу!..

Убегает.

ЦУЦА (одна): Вот вам, пожалуйста, снова пожаловала! Я-то знала, что явится. Утром дочка прилетела, и она следом. Может, мы и вправду людоеды и не знаем об этом, может, к нам страшно дочку отпускать? Что же это делается, а? Вся деревня небось об одном толкует — сватья прибыла и в гостинице остановилась. Это она назло мне все делает! Унизить меня хочет в глазах людей, чего теперь только не будут болтать! В деревне — хочешь в гостинице живи, хочешь на верхушку платана вскарабкайся — все видно! Зачем она все-та-

ки приехала? Если бы ее дочку чай сюда собирать прислали, а она бы следом примчалась — ну, чтобы помочь или посмотреть, как бы на солнце не перегрелась, не переутомилась, — это еще понятно... Но чтобы замужнюю женщину одну к мужу не пускали — такое я слышу впервые! Не может примириться с мыслью, что ее дочь замуж вышла, а ведь благодарить нас должна, что мы ее дочку приняли, потому что у нас нормальная, порядочная семья. Может, мы и небогатые, но ничем не хуже других. Муж все силы и здоровье отдал сначала на войне, а потом в школе — воспитанию молодого поколения. Он таким педагогом был, ученики молились на него. Что поделаешь, не всем же министрами быть! Почему именно нам такие родственники достались, кто меня проклял, за что наказание такое! Да, Тезико, ты прав, тикает, проклятая, все громче и громче! Беги от людоедов, может, хоть ты спасешься!

17.

Комната Сопо.

Нико и Тату.

ТАТУ: Что она от меня хочет! Почему не оставит в покое! Повсюду меня преследует, думает, я ее прощу. Не могу больше. Она так на меня смотрит, что я задыхаюсь от злости. Пусть у самой себя прощения просит. Теперь сюда приехала и в гостинице остановилась, на аэродроме. Тебе этого не понять!

НИКО: Это меня не интересует.

ТАТУ: А почему, собственно, должно интересоваться?

НИКО: Вот поэтому и не интересует.

ТАТУ: Просто ты не любишь мою мать, вот и все.

НИКО: Ты что ли ее любишь?

ТАТУ: Как это не люблю... Как можно...

С горьким смехом:

Как можно не любить мать!.. Странно...

НИКО: Знаешь что, выясни лучше этот вопрос с ней. Скажи, зачем ты сюда явилась?

ТАТУ: Затем.

НИКО: А все-таки?

ТАТУ: Просто так.

НИКО: Ты с чемоданом приехала?

ТАТУ: Нет, с сумкой.

НИКО: Вот бери свою сумку и ступай поищи свою мамочку на аэродроме!

041935340
30320110330

ТАТУ: А ты не понесешь сумку?

НИКО: Делать мне больше нечего!

ТАТУ: Тем хуже для тебя.

НИКО: Что — хуже для меня?

ТАТУ: А то, что женщину надо уважать, она — слабое существо.

НИКО: Слабое существо или существо со слабой волей?

ТАТУ: Когда я сюда ехала, думала, расскажу ему все — он поймет. А вышло, что ничего не смогла рассказать, и ты ничего не понял. Что-то со мной не то...

НИКО: Что поделаешь! Здешний климат тебе вреден.

ТАТУ: Ты жалеешь меня?

НИКО: Я твоих близких жалею.

ТАТУ: И на том спасибо.

НИКО: Не за что.

ТАТУ: Ой, какую я чудную штуку придумала. Давай покончим с собой?

НИКО: Ты, я вижу, действительно, того!

ТАТУ (садится на кровать): Иди ко мне!

НИКО: Я и так здесь.

ТАТУ: Иди, не бойся!

НИКО: Ну вот, пришел, что дальше?

ТАТУ: Теперь обними меня.

НИКО: Вот, обнял. Дальше?

ТАТУ: Забыл, что надо дальше делать?

НИКО: Прекрати, иначе...

ТАТУ: Нико, знаешь, что я поняла вдруг?

НИКО: Поняла? Ты?

ТАТУ: Да, поняла, что я — твоя жена.

НИКО: Ого!

ТАТУ: И если все замужние это поймут, все будет хорошо.

НИКО: И на это тебе понадобился целый год?

ТАТУ: Теперь я пойду. И даже если будешь умолять меня, не останусь. Только знай, я в самом деле поняла, что я твоя жена и больше никем не хочу быть — ни актрисой, ни врачом... в общем никем, только твоей женой. Хотя, может, лучше было оставаться такой же дурочкой, какой я была раньше? Конечно, так лучше было для всех, хотя бы для моей матери, которая сейчас сидит в гостинице и сама не знает, чего ждет, на что надеется. Нет, все-таки так лучше. Только, действительно, со мной произошло что-то странное и серьез-

ное — хочу чтобы именно вы меня любили — и ты, и твоя мать, и твой отец, хоть немного... Именно вы и никто другой...

НИКО: Оставь моих родителей в покое!

ТАТУ: Да, именно вы... ты, твоя мать и твой отец. А если ты еще встанешь и понесешь мою сумку, я буду совсем счастливой женщиной...

18.

Во дворе.

Цуца и Ладо.

ЦУЦА: Ты слышал, она приехала!

ЛАДО: Кто она?

ЦУЦА: Барыня наша.

ЛАДО: Приехала — и пусть себе! Нам-то что?

ЦУЦА: А то, что ты должен к ней пойти!

ЛАДО: Куда пойти, ты что говоришь?!

ЦУЦА: Ты жил когда-нибудь в люксе?

ЛАДО: Ты что, в гостиницу хочешь меня переселить?!

ЦУЦА: Отвечай!

ЛАДО: Не только в люксе, но я вообще в гостинице не жил никогда, если не считать маленького отеля в Австрии, где мы во время войны укрепились. В день по два раза купались, и не я один — все.

ЦУЦА: Значит, ты жил в люксе!

ЛАДО: Ну, если так, то да.

ЦУЦА: Так или эдак, ты должен к ней пойти.

ЛАДО: Я-а-а?

Встает.

А зачем?

ЦУЦА: А затем, что нельзя, чтобы она жила в гостинице, даже в люксе!

ЛАДО: Как это нельзя, каждый имеет право жить в гостинице!

ЦУЦА: Ты что, забыл, что она нам родственницей приходится? Писка еще.

ЛАДО: Ну и что?

ЦУЦА: Не догадываешься?

ЛАДО: Нет, я туда не пойду.

ЦУЦА: Выставила нас всей деревне на посмешище. Словно мы звери какие, что у нас и ночь переночевать нельзя! Так что ты должен пойти и привести ее. Над нами и так много смеялись. И за дело. Не надо повода давать.

ЛАДО: Она, может, уже спит.

ЦУЦА: Нет, тбилисцы так рано не ложатся!

ЛАДО: Что же мне делать, а, что делать?

ЦУЦА: Ты еще не ушел? Я думала, ты уже там!

ЛАДО: Я говорю, что делать? Может, оставим ее в своем номере, она небось и заплатила уже. Пусть одну ночь там переночует.

ЦУЦА: Ты что, не понимаешь, о чем я тебе толкую!

ЛАДО: О чем?

ЦУЦА: Уже девять часов. Раз Сопо ушла на работу, значит, девять.

ЛАДО: Если работа Сопо — это работа...

ЦУЦА: Ты мне зубы не заговаривай.

ЛАДО: А что будет, если я не пойду?

ЦУЦА: Нет, я больше не могу!

ЛАДО: Может, даже лучше не идти, что бы там ни было...

ЦУЦА (затыкает уши): Я ничего не слышу!

ЛАДО: Представь только, что она подумает!

ЦУЦА: Пусть что хочет, то и думает. Ты поспеши, иначе она и в самом деле ляжет спать!..

ЛАДО: Ладно, пойду! Ты не знаешь, куда я очки подевал?

ЦУЦА: Они на тебе.

ЛАДО: Не эти, а для чтения.

ЦУЦА: В кармане, наверное.

ЛАДО: Нет, в кармане их нету. Утром я побрился, сел к столу, проглядел газету, но не мог же я без очков ее читать! Потом подошел к окну. Что я делал у окна?.. Потом оделся — сначала брюки, потом туфли, потом сорочку. Знаешь, в нашем магазине получили теплые сапоги, сбоку на «молнии». Зимой ведь не будет. Зимой только пляжные шлепанцы будут.

ЦУЦА: Ладно!

ЛАДО: Потом я вышел на балкон — почистить брюки, вчера ведь дождь шел. Что-то в последнее время зачастили эти дожди.

ЦУЦА: Зря старался, брюки я тебе еще раньше почистила.

ЛАДО: Так куда я все-таки задевал очки? Побрился, газету почитал, не мог же я ее без очков читать?..

ЦУЦА: В том-то и дело, что без очков, поэтому и объявление о смерти Абесалома не заметил.

ЛАДО: Потом я подошел к окну, только зачем не помню. В общем, Цуца, убей меня, а туда не посылай!

ЦУЦА: Это я тебя посылаю?

ЛАДО: А кто же?

ЦУЦА: Нико что — только мой сын?

ЛАДО: Вот кто должен туда пойти! Нико должен ей сказать — идемте к нам, дескать, как так можно. Не знаю, пусть говорит, что хочет. Какое мне дело, что зять будет говорить теще!

ЦУЦА: Десять уже.

ЛАДО: Ну и пусть, десять так десять! И одиннадцать будет, и двенадцать. В первый раз что ли десять! Давай сядем рядышком! Знаешь ведь, как я тебя люблю, такую умную, красивую. Муж я тебе или нет?

ЦУЦА: Как-то некстати ты всегда об этом вспоминаешь!

ЛАДО: Разве для этого существует какое-то определенное время?

ЦУЦА: Ладно, ладно, хватит, сейчас дети придут!

ЛАДО: Не дети, а разбойники, бандиты! Ребенок в этой семье я, причем единственный. Давай уедем куда-нибудь, Цуца, вовремя ноги унесем, пока они действительно не прибыли сюда, не оципали нас и не захрустели нашими косточками. Не отправляй меня туда, умоляю, ну, как я этой женщине в глаза посмотрю? Что я ей скажу?!

ЦУЦА: Скажи, здравствуйте, я отец Нико.

ЛАДО: Да знает она меня, видела однажды, или я тогда еще не был отцом Нико? Хорошо, допустим, я сказал — «здравствуйте, я отец Нико». Дальше?

ЦУЦА: Что дальше? Она, наверное, скажет «присаживайтесь».

ЛАДО: Мне садиться?

ЦУЦА: Садись.

ЛАДО (садится): Вот, сел, потом?

ЦУЦА: Не здесь, а там садись, там! Нет, лучше не садись, скажи, некогда мне садиться... Да, вот еще что... В общем, оглядись. Ну, не знаю... Ты сам решишь, не могу же я всему тебя учить. В конце концов ты идешь не ради меня, а ради чести твоей семьи. Она — теща Нико, ты — его отец.

ЛАДО: Да, я отец Нико, но я не идиот.

Торопливо добавляет:

Ну, ладно, ладно!

ЦУЦА: Она сама поймет, зачем ты пришел. Такие, как она, видят даже то, что в земле зарыто!

ЛАДО: Раз ты так хорошо разбираешься в людях, почему сама не идешь? Вы, женщины, лучше поймете друг друга. Не пойду я — и все. Мужчина я или нет, в конце концов!

ЦУЦА: Конечно, мужчина, но ты же не трус, чтобы ночью жену посылать в гостиницу, на аэродром!

ЛАДО: Вот именно что трус. Рядовой трусливый пенсионер. Если бы я не был трусом, вряд ли дожил бы до пенсии. Я всего боюсь: мне не нравится, а я говорю «хорошо», меня обманывают, я говорю «спасибо», зовут на помощь — прячусь. В общем, трус я, самый настоящий... А ведь думал... не знаю... здесь я больше испугался, чем там, на войне. Но мне нравится, что я трус, и посему прошу оставить меня в покое. Дайте мне спокойно попользоваться моей трусостью и пенсией, очень вас прошу...

ЦУЦА (испуганно): Что с тобой, Ладо, что я такого сказала?

ЛАДО: Люди на Луну полетели, на Луну!

ЦУЦА: Ну и что?

ЛАДО: А я?

ЦУЦА (со смехом): Тебе поздновато уже в космонавты записываться!

ЛАДО: Я разве об этом?

ЦУЦА: О чем же?

ЛАДО: Да о том, что сижу с разбитым кубком в руках! Ты думаешь, кому-нибудь он нужен? Как бы не так! Просто смеются надо мной, тихонько, за спиной. Я старенький Тезико, и больше никто.

ЦУЦА: При чем тут Тезико... Ладно, успокойся. Давай, сядем вот тут и посидим...

Обнимает его, сажает на скамейку.

Что ты так разнервничался? Раз не хочешь, не считаешь нужным, не пойдём. Ты же у меня умница, в деревне тебя мудрецом называют. А ты говоришь — трус! Не трус, а настоящий витязь, лев! Хоть бы все были такими трусами... Ну, будет, будет!

ЛАДО: Цуца, Цуца!

ЦУЦА: Почему ты плачешь, что с тобой?

ЛАДО: Жизнь прошла, Цуца.

ЦУЦА: И пусть, ведь не для нас одних она проходит.
Куда все, туда и мы!

ЛАДО: Цуца! Цуца!

ЦУЦА: Что, дорогой?

ЛАДО: А потом что будет?

ЦУЦА (смеясь): Где, там или здесь?

ЛАДО: Здесь, здесь! Там что будет, это я знаю.

ЦУЦА: Что будет... Как тебе сказать... Что здесь будет?
Наверное, все... Дом... Инжировое дерево... Море... Нико бу-
дет... Сын Нико... Его назовут Ладом... Не бойся, не так все
плохо! Человек не уходит бесследно, что-то в этом мире по-
сле него остается. Иначе действительно страшно было бы уни-
вать. Так что...

ЛАДО: Бедный Абесалом, Цуца!

ЦУЦА: Эх!..

ЛАДО: Чего стоила его жизнь?

ЦУЦА: Получается, ничего.

ЛАДО: Цуца, Цуца!

ЦУЦА: Я тебя слушаю, Ладом, слушаю!

ЛАДО: Что за жизнь, говорю, у него была?

ЦУЦА: Одно мученье!

ЛАДО: Резиновых сапог не снимал, все по болотам шле-
пал. Все наши тунговые плантации его руками созданы. Хо-
роший был агроном.

ЦУЦА: За больной женой ухаживал...

ЛАДО: Детей у него не было...

ЦУЦА: Жалко человека.

ЛАДО: Он любил повторять: кто из чужой тарелки ест,
чужие штаны носит, в чужую постель ложится — тот не че-
ловек... Что он имел в виду, интересно?

ЦУЦА: Знаешь, о чем я сейчас думаю? Если бы хоть
раз ей сказать — останьтесь, она бы осталась с удовольстви-
ем, с радостью!

ЛАДО (понимает, о ком речь): А мы ей даже стул
не предложили...

ЦУЦА: К колодцу подошла, заглянула туда, вы, спрашивает, отсюда воду пьете? Очки придерживала, чтобы в колодец не уронить. Может, она пить хотела, но из гордости не призналась, несчастным присуща гордость...

ЛАДО: Почему она несчастная, с чего ты взяла?

ЦУЦА: Не знаю, так мне кажется... Разве счастливая женщина остановилась бы в нашей гостинице? Как волчица, вокруг кружит, бедняжка, бонится, как бы ее детеныша не обидели.

ЛАДО: Цуца, Цуца!

ЦУЦА: Я тебя слушаю.

ЛАДО: Сегодня ведь среда?

ЦУЦА: Да, среда.

ЛАДО: Как я не хочу умирать, Цуца, как не хочу!

ЦУЦА: Ты опять за свое! Да какое время о смерти думать. Идем спать, время уже. Это все оставь, никто не тронет. Видел бы ты, как Нико гордится посудой, которую ты склеиваешь, смотрит с благоговением, как в музее. Идем, идем со мной, мой дорогой, мой храбрый...

ЛАДО: Хоть бы раз хороший сон увидеть.

ЦУЦА: Увидишь, непременно увидишь.

Входят в дом.

19.

Темнеет, и почти сразу же зажигается свет. Цуца выходит из дома, некоторое время стоит неподвижно, словно к чему-то прислушивается, потом тихо и спокойно поднимается по лестнице, останавливается возле комнаты Сопо, прислушивается, поворачивается, спускается по лестнице, садится на ступеньку.

ЦУЦА (сначала про себя, тихонько, потом все громче и громче): Господи, заступись за детей, не оставляй их. Пусть не будет войны, несчастий, нужды, пусть люди не превращаются в зверей. Отведи тучи, взгляни на этих малюток, на этих несчастных, которые разевают клювы, подобно выпавшим из гнезда птенцам...

Убегает Тезико.

ТЕЗИКО: Тетя Цуца!

ЦУЦА (продолжает, не слыша голоса Тезико): Они еще и не знают, чего хотят, что им нужно, куда собираются ле-

теть. Господи, не гневайся на детей за то, в чем они не виноваты. Покажи им этот мир, открой им глаза, научи ценить хлеб, воду, правду, внуши им, чтобы они любили друга, любили, любили!..

Тезико подходит и садится.

Иди сюда, Тезико, скажи, не жалею меня, я уже привыкла узнавать от тебя хорошие новости!

Тезико кладет голову ей на колени.

ТЕЗИКО: И за меня попросите, тетя Цуца, замолвите и за меня словечко!

ЦУЦА (гладит его по волосам): Господи, взгляни на Тезико, на сплетенные им корзины, не забудь об «изабелле» и чурчхелах, не дай нам услышать, как тикают мины, господи...

ТЕЗИКО (шепотом): Доктора в гостиницу вызвали. Срочно!..

Цуца какое-то время сидит так же, поглаживая Тезико по голове. Потом встает, поднимается по лестнице, открывает дверь в комнату Сопо: Тату и Нико, словно птицы с обрезанными крыльями, неуклюже и смешно топчутся и скачут по комнате, они пытаются взлететь, не могут и, счастливые, со смехом и хохотом катаются по полу, обняв друг друга. Они не замечают Цуцу. Вообще сейчас для них не существует никого и ничего, кроме друг друга...

ЦУЦА (нерешительно): Тату, детка...

Тату не слышит, поглощенная игрой. Сейчас она — птица, пеликан или альбатрос, нашедшая пару, поэтому она обхаживает Нико, вместе с ним скачет, прыгает, переваливается с боку на бок, катается по полу и свою радость выражает на своем, птичьем, языке.

Твоя мама приехала, Тату...

Спустя изрядное время, когда Цуца уже решила, что Тату не слышала ее слов, та быстро, неохотно, сквозь зубы бросает ей:

ТАТУ: Знаю!

И продолжает игру.

Тогда же, когда Цуца открывает дверь в комнату Сопо, во двор, запыхавшись, вбегает Сопо. Эти две сцены идут параллельно друг с другом.

СОПО (запыхавшись): Тату, Тату!

Замечает Тезико.

Тезико, ты здесь?! Сказал уже Тату?! Господи, что творится! Там вся деревня, скорая, пожарная, милиция!.. Видно, кран у нее остался открытым, потолок провалился, всю ступеницу водой залило. Сначала к ней долго стучали, потом взломали дверь. Она ничего не слышала. Ни когда стучали, ни когда вломились. Сидела и смотрела выключенный телевизор. Некоторых послушаешь — такое только в старых фильмах бывает. Приложит Жерар Филип в распахнутой сорочке пистолет к виску — и бац! Готово!.. Прощайте!.. Не забывайте меня!.. Прощу вас!.. Дорогие мои!..

Хватает перепуганного Тезико, трясет его и кричит:

Это легко, Тезико, легко! Легко, ты слышишь?! Слышишь?!

Постепенно все покрывают близящийся гул самолета и гвалт птиц со всего света.

К о н е ц

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

ХРОНИКА

ВАЖА ПШАВЕЛА—125

В селе Чаргали состоялся традиционный народный праздник «Важаоба». Нынешние торжества посвящались 125-летию со дня рождения Важа Пшавела.

На празднества в Чаргали прибыли товарищи Патиашвили Д., Алавидзе В., Вардзелашвили О., Гиладзе П., Енукидзе Г., Метонидзе Г., Никольский Б., Чхеидзе З., Гумбаридзе Г., Маргвелидзе Д., Сирадзе В., видные деятели литературы и искусства, ученые, представители общественности республики.

Они осмотрели мемориал В. Пшавела, который открылся в этот день. Авторы мемориала — народный художник Грузии О. Литанишвили и архитектор А. Гурули. Венчает мемориал бронзовый бюст поэта работы народного художника республики Б. Авалишвили. Здесь собраны бесценные реликвии, рукописи,

личные вещи, книги, фотографии, картины. Гости посетили также реставрированную усадьбу поэта, его домик, мельницу, хозяйственные постройки.

На площади села Чаргали состоялся митинг, который вступительным словом открыл секретарь ЦК Компартии Грузии Г. Енукидзе.

На митинге также выступили секретарь правления Союза писателей Грузии поэт Дж. Чарквиани, писатель-академик Г. Абашидзе, вице-президент Академии наук Грузии Г. Джибладзе, редактор журнала «Мнатоби» А. Сулакаури и другие.

Вся Грузия участвовала в этом народном празднике. Свое искусство демонстрировали художественные коллективы из различных районов республики, мастера грузинского искусства, юные исполнители. Со сцены звучали стихи Важа Пшавела, пшавские мелодии, которые так любил великий поэт.

Ладо АСАТИАНИ

НИВА РОДИНЫ

Нива родины стоила столько трудов и утрат!
Краснотой подрумяненный с лопнувшей коркой гранат,
Копны пепельных туч над сосновыми кронами мчатся,
Незнакомцы, знакомцы, соседи, друзья, домочадцы,
Вся в следах половодья долина реки Цхенисцкали,
Под рукою крестьянина нивы обильные встали,
Поднимается в гору туман, а гора — в небеса,
Над вершиною Хвамли расправил туман паруса,
Одинокая женщина в белом, уста, словно мед,
В золотистых колосьях гора в поднебесье встает,
Повязавшая голову белым туманом громада,
Виноград оджалеси — крестьянина боль и отрада,
Все в агатовых гроздьях — о, сколько крутом
винограда!

С обнаженною грудью туманом омытые горы,
Горы с облачной ношей на хвое соснового бора,
А внутри, под гранитом горы необъятные недра —
Уголь, золото и серебро рассыпаются щедро,
Цхенисцкали, Ингури — отчизны любимые реки,
Страсть к отчизне, как дерево, в каждом растет
человеке

Вновь поля и долины — какое обилие красок,
И на пастбище песней залился мальчишка-подпасок,
Урожай, окропленный росой, а в кустах среди ветвей
Затаился, вот-вот забудет соловей.

Самолет в поднебесье над складками горных хребтов,
А внизу — райский сад, разливанное море цветов,
Тыквы стебель раскидист, початок горит золотой,
Гомонят меж камней ручейки с родниковой водой,
Осень, сколько сокровищ в твоих уготовано недрах,
Ты — творец и, увидев тебя, опечалится недруг!
Та, о ком я мечтал — эту девушку вижу воочью,
Цхенисцкали о берег колотится лунною ночью,
Дрок, бурьян и ольховые заросли, чащи густые,
Незнакомцы, соседи, друзья, удальцы молодые,
Труд народа счастливого, братства и мужества нива,
Дай бог счастья тому, кто засеял тебя кропотливо!
В закромах и амбарах зерна золотистого груды,
Это все не бездельникам, а работающему люду,
Гнутя ветви под тяжестью яблок, и вдаль над

равниной

Устремляется к югу с курлыканьем клин журавлиный,
Незнакомцы, знакомцы, соседи, друзья, домочадцы,
Копны пепельных туч над сосновыми кронами мчатся,
Розы, маки и дрок, вездесущая поросль бурьяна,
Колхи и кахетинцы, хевсуры, гурийцы и сваны,
К вам ко всем обращается новый мой стих в этот час,
Сердце настезь распахнуто, песню слагаю для вас,
Чтобы звуки исторгли веселье из ваших сердец,
Чтобы славой покрыл свою лиру грузинский певец!

ГАЛАКТИОНУ

И другого поэта такого
В целой Грузии нет без сомненья.
Ты второе пришествие слова,
Ты приводишь меня в восхищенье.
Иногда ты подвержен гордыне,
А порою застенчив ты очень
И трепещешь листком на осине,
Облетающей каждую осень.
Ученик твой, люблю твою славу!
Как к лицу тебе поприще это!
Как никто, ты воспринял по праву
Дар поэта и облик поэта!

Кто видел погост, нарисованный господом богом?
Журчанье ручья раздаётся в молчаньи глубоком.
Взгляд жизни самой в переливах ручья голубого,
Он льётся, как кровь из несчастного тела Христова.

Кто видел погост, нарисованный божьей рукою?
Ручей меж могилами вьётся, не зная покоя.
Как жизнь, он не знает покоя и плещется смело.
Безмолвен погост, как спасителя синее тело.

Кто бабочек видел, когда невесомая стая
Слетает с надгробий, к цветам над ручьем припадая,
И слушает пенье ручья, лепетание влаги?
Кто кладбище видел, в чьем сердце хватило отваги?

Я видел все это, в лицо узнавая, воочью,
Надежды, венки, упования — все порвано в клочья.
Здесь жизнь лишь проклятий достойна, до нитки
раздета.

Я, доченька, здесь, средь надгробий, и видел все это.

Смерть черная в горло пилой мне впивалась с размаху,
От камня тянуло дыханием черного страха.
Средь этих могил мне и выроют скоро могилу,
Мне стало казаться, что время мое наступило.

Тогда-то, Манана, ты слышишь, побудь здесь немного,
Как жизнь, синеглаза, сюда прибеги ради бога.
О, как ты прекрасна, царица цветов и подобье
Шального ручья, прозвени же ручьем у надгробья!

И вспомни отца, моя дочь, воплощение жизни.
Скажи, что он умер от страсти — от страсти к
отчизне.

Скажи и рассмейся, и смех твой беспечный и милый
Журчаньем ручья прозвенит над отцовской могилой.

Кто видел погост, нарисованный божьей рукою?
Ручей меж могилами вьётся, не зная покоя.
Как жизнь, он не знает покоя и плещется смело.
Безмолвен погост, как Спасителя синее тело.

Люблю, когда выходишь утром в поле
 Навстречу стройным копыям кукурузы,
 Люблю, когда выходишь утром в поле,
 И сыплется роса с высоких трав.
 Тот, кто не знает, что это такое,
 Так и умрет, ни слова не сказав.
 Когда повторно полешь кукурузу,
 Идешь в земле по щиколотку. Верьте,
 Тот, кто изведал, что это такое,
 Дар речи сохранит до самой смерти.
 И пашни запахи меня пьянят,
 Как женских прядей чудный аромат.
 Едва слышу пьяный дух початка,
 Кровь хищная быстрее бежит по жилам:
 Как пряди женские он пахнет сладко,
 И мужественный стих мне вновь по силам.
 Стих наготове, из сердечной бреши
 Кровь хлынула струею оджалеси.
 А если так, лишь тот и дорог мне,
 Кто творчеством преображен, как верой,
 Кто жизнь себе отмерил полной мерой,
 С ним заодно стору в его огне!

Перевод Сергея ГАНДЛЕВСКОГО.

ВАМ ГОВОРЮ, ПОЭТЫ!

Грузином, мужем никогда не станет,
 Кто жизнь свою отчизне не поручит.
 Вот что томило Цотнэ Дадиани, —
 И я грузин, — меня все то же мучит.
 Стою у врат Тбилиси, богом брошенный,
 Тебя я вопрошаю, голубое небо,
 Что, кроме этих строк, стихов непрошенных
 Останется со мной, где бы я ни был!
 Стою у врат Тбилиси, богом брошенный,
 Вам говорю, поэты, глядя в лица,
 Что кроме этих строк, стихов непрошенных
 Желать мы можем, и к чему стремиться!
 Грузином, мужем никогда не станет,
 Кто жизнь свою отчизне не поручит.
 Вот что томило Цотнэ Дадиани, —
 И я грузин, — меня все то же мучит.

Перевод Георгия ЧКОНИЯ

МАКИ КРЦАНИСИ

Памяти трехсот арагвинцев

Эй, вы, арагвинцы, ненасытные в жажде сражений,
Хочется мне склонить у вашей могилы колени.
Молодец в черной черкеске, может, открылись раны?
Кровь это или снова маков огонь непрерывный?
Юноши в черных черкесках, что вас так раззадорило,
Что же Ожи Джурхая звон щита вам напомнило?
Песней сабельной Кахи вам сердца переполнило?
Может, мне изменяет под небом сияющим зрение,
Голосом вашим громким сами развеите сомнение:
Если маки горят — не земли возрождение,
Какое ж над полем Крцанисским встало знамение?!
Эй, вы, арагвинцы, ненасытные в жажде сражений,
Хочется мне склонить у вашей могилы колени.

В ГРУЗИИ

Они рождались в Грузии, и после
Им это отдавалось болью в сердце.
Эх,.. детство наше возвратилось хоть бы
На миг один — за блага все на свете.

Мечта крепила их в бою неравном,
Грузин не может быть самоубийцей.
Он сложит голову на поле бранном,
Чтобы любовь и жизнь могли продлиться.

И под грузинским небом умирали
Все с той же сокровенною мечтою:
Эх,.. за минуту детства б мы отдали
Всю жизнь, что горной пронеслась рекою!

Нам мужество сопутствует издавна,
Пусть знают все, пусть все не забывают:
Грузины могут пасть в бою неравном,
Но жизни и тогда не покидают.

Раз к жизни так безудержно стремление,
Навеки всех смертей забейте двери,
Да здравствует тот день и то мгновение,
Когда мы родились, чтоб жить и верить!

Перевод Георгия КЕВЛИШВИЛИ

ЛИСТЬЯ ПАПОРОТНИКА

Роман

Чувство вины мучило Теймураза, не давало ему покоя. К тому же ревность к Чапичадзе обуревала его с такой силой, что ночами он, словно безумный, метался по комнате. Если бы это было возможно, он немедленно женился бы на Гоголе. И тогда, вероятно, были бы разрешены все вопросы, и шахтеры изменили бы о нем свое мнение.

Но еще более горькие мысли приходили к нему тогда, когда чувство ревности затихало. Тогда, оставшись наедине с самим собой, он понимал, что Гогола никогда не стала бы его женой. Почему, по какой причине, это уже другое дело. Какими глазами тогда смотреть ему в глаза шахтеров, как убедить их в том, что история с Гоголой — не просто легкий флирт или забава. Ко всему этому до него доходили слухи, что Чапичадзе чуть ли не ежедневно избивает Гоголу. Все это страшным, несмываемым пятном ложилось на совесть Теймураза.

* * *

Чем глубже вникал в дела шахты Гедеон, тем больше убеждался, что дела не так уж благополучны не только на третьем участке. Подготовительные работы на шахте осуществлялись значительно медленнее, чем это предусматривалось утвержденным графиком. И качество угля оставляло желать лучшего. Сотрудникам инспекции качества некоторые начальники смен, а не-

Продолжение. Начало в №№ 6, 7.

редко и сам начальник участка говорили, что будь они настоящими мужчинами, нашли бы себе более подходящую работу, а уж подсчитывать пустую породу на конвейерах сами шахтеры смогли бы не хуже них. Стоило контролерам уйти из забоя, как шахтеры вмиг забывали о пустой породе, не заботились о том, каким углем заполняют они бункера или склад.

Нередко участок едва плелся в течение месяца, план пытались выполнить лишь в последнюю неделю. А это грозило большими неприятностями — начиная от лишних часов работы, вызывающих перерасход фонда зарплаты и повышения стоимости угля, и кончая несчастными случаями, неизменными спутниками авралов.

Не столь уж завидные были показатели роста производительности труда и уменьшения себестоимости угля. Огромна была текучесть кадров, не хватало квалифицированных шахтеров, механизаторов. Некоторые смены и слышать не хотели о комплексном методе — мы, мол, не академики, чтоб все знать, а простые шахтеры, у каждого своя профессия, так что будьте добры и дайте нам работу соответственно нашим профессиям. Бывали случаи, когда участок простаивал часами — то цепь рвалась на конвейере, то повреждался электрический кабель. И не было человека, умевшего устранить эти неполадки. Однажды из-за повреждения второго электрокабеля участок простоял полтора часа, шахтеры сидели и ждали прихода дежурного механика.

В течение целой недели Гедеон Хазарадзе знакомился с делами шахты и пришел к выводу, что их надо выправить в кратчайший срок. В то же время он твердо решил не доводить до сведения Сардиона обнаруженные им неполадки, ибо они были незначительны в сравнении с благополучной общей картиной, которой могли позавидовать многие другие шахты.

Но более всего удивило Гедеона неожиданное открытие: когда он сравнил работу различных участков, то воочию убедился, что самые лучшие показатели были на третьем участке, на участке того самого Теймура Арджеванидзе, судьба которого так волновала Сардиона. По сравнению с другими участками здесь больше добывали угля, показатели, как количественные, так и качественные, значительно опережали по-

казатели на других участках, и производительность труда лучше, и себестоимость продукции, и многое-многое другое, чем ценится работа эксплуатационного участка. На протяжении последних лет ни один рабочий не ушел отсюда.

Разумеется, это в первую очередь заслуга Джибраила Хелтуплишвили. Гедеон понимал это. Но с приходом Арджеванидзе участок не стал хуже, более того, кое-какие показатели даже улучшились. Говорят, это Джибраил сплотил коллектив и потому здесь дела идут хорошо. Но каждому коллективу, каким бы он сплоченным ни был, нужен достойный руководитель, иначе коллектив развалится в течение нескольких недель. Выходит, Арджеванидзе, как говорится, пришелся ко двору, он не только сохранил коллектив, но, судя по некоторым показателям, добился большего.

Гедеон понимал также, что здесь не обошлось без помощи Сардиона и Герасиме, их авторитет, несомненно, сыграл роль в жизнестойкости коллектива на третьем участке. Но никакая поддержка не помогла бы, если бы Теймураз оказался человеком случайным. Да, Теймуразу все-таки многое по плечу, он человек настоящей шахтерской закваски.

Единственное, в чем участок отставал от показателей в пору работы здесь Джибраила, так это в добыче угля. В среднем ежемесячно при Арджеванидзе добывалось на пятьсот тонн меньше. Цифра эта сама по себе не столь уж значительна, когда участок все же перевыполняет план, но именно она — и Гедеон прекрасно понимал это — не давала покоя Грише Одыбашеву. Из-за этой цифры зарплата Одыбашева упала на тридцать-сорок рублей в месяц, вот почему бригадир монтажников мечтал «о старом прекрасном времени».

Гедеон решил переговорить с Кахабером, сказать ему, что вмешательство в дела третьего участка он начнет с того, что прикрутит хвост Одыбашеву, а там придет черед и Чахунашвили.

Кахабер выслушал Гедеона, согласился с ним, но предупредил, что подготовительных работ им лучше не касаться, поскольку это детище Сардиона, и он может обидеться.

— А ты знаешь, что вентиляционный штрек того и гляди выйдет в Кутаиси, — довольный своей шуткой, улыбнулся Гедеон.

0419359411
312321110133

— Ну и прекрасно, кутаисцам тоже нужен чистый воздух.

— Я согласен, но...

— Понимаю, Гедеон, что свежий глаз видит лучше. О многом я и сам знаю, но ведь не можем легко, как говорится, с жондачка менять все, что налаживал Сардион... Что касается третьего участка... так что ты сказал?..

— Что этот участок работает лучше других, вот взгляни на цифры.

— И прекрасно.

— Но ты ведь знаешь...

— Знаю, все знаю и предоставляю тебе полную свободу действия. Одыбашева можешь сослать даже в Сибирь, я подпишу любую бумагу.

— Скажешь тоже. Сегодня жить в Сибири одно удовольствие.

— Ну тогда еще дальше, откуда нет пути назад.

— Я очень надеюсь на молодежь.

— И правильно.

— А потом возьмемся за Чахунашвили.

— Правильно. Только надо сделать это умело... И вот еще что: не будем слишком рьяно реорганизовывать то, что оставил нам в наследство Сардион.

Гедеон долго колебался, прежде чем решился вызвать к себе Гришу Одыбашева. Он был знаком кое с кем из монтажников, они казались ему людьми честными и порядочными. И потому трудно поверить, что они поддались на интриги Одыбашева. Но Гедеон знал и то, что Одыбашев пользовался огромным влиянием среди членов своей бригады, и могло случиться, что из страха перед ним никто не станет помогать Гедеону. Вообще-то не только члены бригады, но и многие другие шахтеры были об Одыбашеве самого лестного мнения, в особенности им льстило, что он никогда не давал в обиду членов своей бригады.

В кабинет главного инженера Гриша Одыбашев

вошел, как обычно, аккуратно одетый, тщательно причесанный. На нем были табачного цвета брюки и темно-вишневый пиджак, модные, начищенные до блеска туфли. Смелым, даже несколько дерзким взглядом он оглядел главного инженера и остановился, не доходя до стола, как бы давая ему понять, что ждет, когда тот встанет и протянет ему руку.

И Гедеон встал ему навстречу и протянул руку.

Одыбашев сел, не дожидаясь приглашения, закинул ногу на ногу и тотчас достал коробку сигарет и спички. Он был уверен в том, что главный инженер вызвал его, чтоб поближе познакомиться.

— Можно курить? — спросил он, доставая сигарету из пачки.

— К сожалению, нет! — Гедеон неожиданно для самого себя покачал головой и твердо посмотрел Одыбашеву в глаза. — Я не курю и другим здесь курить не разрешаю.

Одыбашев несколько растерялся, но не торопясь положил сигарету в коробку, которую спрятал в карман. Главный инженер, видать, не в духе, подумал он про себя, ведь он не раз видел его курящим. Интересно, когда это он бросил курить?

Одыбашев не отвел взор. Он сидел, по-прежнему закинув ногу на ногу и постукивая пальцами по колену.

«Нахал! — кипятился в душе Гедеон. — Теперь из-за его нахальства я не смогу целый час курить. Да и справлюсь ли я с ним за час?».

— Догадываетесь, почему вас вызвали?

— Представьте себе, нет.

На самом деле Одыбашев уже понимал, что речь пойдет о Теймуразе. «Оба они из города, а ведь известно, что ворон ворону глаз не выклюет», — думал он.

— Мы проанализировали работу участков за последний месяц, и выяснилось, что на третьем участке — самая благоприятная картина, — Гедеон тяжело опустил на стол сжатые в кулак руки.

— Очень приятно слышать.... Но я вас что-то не понимаю.

— Почему?

— Вы подходите к делу, так сказать, по-научно-

му, вы берете цифры и считаете: это — себестоимость, это — производительность, это — экономия амонала... и еще сотня подобных. Я же простой труженик и работу участка меряю иначе.

— Наверное, в зависимости от личного заработка?

— Не наверное, а так и есть. Себестоимость и экономия амонала меня интересуют меньше.

— Я знаю, что вы, в сравнении с прошлым, зарабатываете несколько меньше. Но вам наверняка известно — то, на что из-за вас порой шел Джибраил, это нарушение всяких законов, Арджеванидзе не идет по его стопам.

— Вижу.

— Что будем делать? — Гедеон скрестил на груди руки, откинулся на спинку стула и вновь в упор посмотрел на Одыбашева.

— Стало быть... — Одыбашев на сей раз растерялся. Главный инженер не отводил взгляда и ждал ответа.

— Стало быть, вам с Арджеванидзе не сработать. Поэтому мы стоим перед выбором.

— В чем же дело? Я могу сегодня же уйти, но... «Куда же я могу уйти?» — подумал он про себя, а вслух произнес: — Хочу напомнить, что во-первых, по милости Арджеванидзе на нашем участке погиб человек, во-вторых, этот самый Арджеванидзе у всего народа на виду сожительствоует с женой своего товарища и не стыдится этого. Шахтерам он на глаза не смеет показываться. А вы обязаны заботиться о морали... Ему не место на шахте. В-третьих, с Сардионом Эрастовичем, этим поистине почитаемым человеком, я проработал целых семь лет и имел одни только благодарности. Посмотрите мое личное дело. А Сардион Эрастович сейчас управляющий трестом и, естественно, ваш начальник. Не забывайте этого. Он не даст вам права притеснять рабочего человека. Если хотите знать, Джибраил Хелтуплишвили был его человеком, батони Сардион прекрасно знал, что происходило на участке. Вы говорите, Хелтуплишвили был авантюристом? Выходит, и Сардион Эрастович... — эти слова Одыбашев выпалил, бледный от гнева, и дрожащими руками снова достал из кармана сигареты.

— Я, кажется, сказал вам, что здесь не курят.

— Извините... Но о том, авантюрист Сардион Рачвелишвили или нет, мы поговорим в другом месте. — Одыбашев с трудом спрятал в карман коробку с сигаретами.

«Да, ты еще та птица!» — подумал Гедеон.

— Напрасно стараетесь. Сардион Эрастович не поверит тому, что я назвал его авантюристом.

— Посмотрим! Почему я должен уходить из шахты?

— Но вы же сказали, что уйдете сегодня же.

— Ну уж извините! Я честный труженик! Почему я должен уйти, в чем я провинился? Критиковал Арджеванидзе? Ну и что? Все имеют право критиковать. Или я говорил неправду? Что, Арджеванидзе не завел шашни с Гоголой? Или же возьмем ту же зарплату. Разве я не имею права получать высокую зарплату? Разве не о нас заботятся партия и правительство?

— Мы, как я погляжу, не понимаем друг друга.

— Вы и не хотите понимать меня. И еще вы забываете, что вы не имеете права снять меня.

— Почему?

— Потому что я хороший работник. — Одыбашев недоуменно оглядел Гедеона, удивляясь, как он не понимает таких простых вещей.

— Сниму. За клевету на начальство и дезорганизацию работы на участке.

— Не вы ли только что говорили, участок работает хорошо? — Одыбашев даже рот разинул от удивления. — Или же есть такой параграф в кодексе?

— Есть.

— Тогда можете проверить. Если мои слова об Арджеванидзе — ложь...

— Хватит! — стукнул рукой по столу Гедеон. — Слушайте: если вы и в самом деле хотите уйти с участка, уходите! Мы сейчас же выпишем вам зарплату за две недели вперед, но если вы будете работать с Арджеванидзе как положено, то работайте! Нам от вас больше ничего не требуется!..

— Почему вы... почему вы так разговариваете со мной?.. Я... Мне-то что... Что мне скажут, то я и сделаю... Я всего-навсего лишь труженик.

«Не труженик, а проныра, к тому же порядочный трус. Тебе нетрудно укоротить руки...»

— Я могу идти?

— Да, только в конце смены приходите сюда со всей своей бригадой. Арджеванидзе об этом говорить не надо. Ему своих дел хватает.

— Понимаю.

— До свидания!

— До свидания...

«А говорили, он — книжный червь... — думал, выйдя из кабинета, Одыбашев, озадаченный разговором с Гедеоном. — Хотя... Он, наверное, знает наизубок все законы. Если он снимет, то снимет так, что ни один суд не восстановит. Гляди-ка, как обошел меня! Куда мне идти, бригадиров кругом до черта, это рабочих рук не хватает. Да, это тебе не Сардион или Кахабер. С ним надо держать ухо востро!..»

Гедеон, конечно, понимал, что радоваться еще рано. Хотя, с другой стороны, бригадир монтажников испугался не на шутку. Откровенно говоря, результат встречи с Одыбашевым превзошел ожидания Гедеона. Он снял трубку и позвонил Кахаберу.

— Кажется, я заставил Одыбашева призадуматься.

— Серьезно?

— Ей-богу.

— А мне только что звонил Сардион, обещал в случае необходимости перевести Одыбашева на шестую шахту. Он уже договорился с начальником шахты, получится нечто вроде того, что мы его выдвигаем. Он не откажется.

— Пусть переводит. Здесь мы найдем ему замену.

После смены в кабинете Гедеона собралась вся бригада Одыбашева, около двадцати человек. Это были в основном молодые рабочие, по всему видать, люди простые, открытые. Гедеон знал всех в лицо. Как это обычно бывает на стыке смен, те, кто собирался спуститься в шахту, были в спецовках, в руках — аккумуляторные лампы, те же, кто поднялся из шахты, — уже переодеты в костюмы. Сам Одыбашев в этот раз был в спецодежде и чистых резиновых сапогах, как бы подчеркивая, что совещание — совеща-

нием, а он ни на минуту не забывает о работе. Он был бледен, глаза беспокойно бегали.

— Садитесь... Будем знакомиться, я главный инженер шахты.

— Знаем, знаем... — зашумели шахтеры, рассаживаясь.

— Вот и хорошо. Я не буду многословен, тем более, некоторым из вас, как я вижу, пора на работу. Не так давно на вашем участке произошли изменения. У вас новый начальник. Меня интересует, как вы думаете, выиграл участок с изменением в стиле работы или нет?

В кабинете воцарилась тишина. Монтажники переводили взгляд с Гедеона на Одыбашева и молчали. Одыбашев собирался было сказать что-то, но Гедеон остановил его.

— Мы с вами уже говорили, теперь послушаем других.

Монтажники продолжали молчать.

С краю сидел паренек лет двадцати, угрюмый, видимо, неразговорчивый. Гедеон именно на нем остановил свое внимание — он симпатизировал таким сдержанным, молчаливым людям, считал, что на них всегда можно положиться.

— Вы, вы, например, кстати, как ваша фамилия?

— Джабадари, — произнес парень. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Что вы можете сказать?

— В бригаде я человек новый, всего два месяца работаю...

— Да, это немного... Ну, а вы? — Гедеон перевел взгляд на соседа Джабадари, светловолосого, полноватого, рано полысевшего молодого человека.

— Я... — он недовольно повел плечами. — Во-первых, я не понимаю, почему Джабадари врет, он не два месяца, а уже целых три работает в бригаде. Да! А во-вторых...

— Три? — Гедеон с трудом сдержал улыбку. — Да... А что во-вторых?

— Да ничего, только... Раз уж вызвали нас сюда, мы должны говорить правду. А он говорит — два...

— Полных трех месяцев еще нет, — спокойно,

тоном объективного человека произнес Одыбашев.

Но что-то около...

— Это не тема для спора. Времени у нас мало. Геденон взглянул на часы. — Ну что, так никто ничего не скажет?

Никто не желал говорить.

— Что ж, тогда вот что я предлагаю: я доскональнее изучу все дела на участке, сравню, проанализирую, и тогда мы поговорим обо всем. Договорились?

— Конечно, — почти хором с облегчением ответили шахтеры.

— Ну, а пока до свидания.

Шахтеры, шумно двигая стульями, встали и один за другим вышли. В кабинете остался только Одыбашев.

— Вам что-нибудь нужно? — официальным тоном обратился к нему Геденон.

— Нет, но... Знаете, те слухи... Одним словом, все это преувеличено. Арджеванидзе хороший парень. Я не знаю, кто и что передал вам, но я, если даже и сказал что-то, то только ради благополучия нашего участка. Я должен сказать вам прямо и откровенно: этот аморальный поступок... В общем, это очень поколебало его авторитет среди шахтеров, в особенности степенных, пожилых людей. А мне-то что?.. Я как работал, так и буду работать, о чем речь.

— Вот и прекрасно.

— Я пошел...

— Хорошо. До свидания.

Кахабер внимательно следил за первыми шагами Геденона в должности главного инженера. Вообще Геденон ему нравился — толковый, энергичный, честный. Но методы, которыми он пользовался, казались ему не совсем правильными. То, что он прикрутил хвост Одыбашеву, это прекрасно. Но зачем ему надо было вызывать к себе бригаду монтажников и не ставить об этом в известность Арджеванидзе. Кстати, с ним он, кажется, до сих пор еще не говорил.

Вечером, после работы, они еще долго сидели в кабинете, и, улучив минуту, Кахабер поделился с Геденоном своими сомнениями.

— Я понимаю тебя... — Гедеон даже покраснел. «И в самом деле, некрасиво получилось», — подумал он.

— Мы только начинаем работать вместе, Гедеон, и не будем обижаться друг на друга. Как ты думаешь, не лучше ли тебе переговорить с Теймуразом с глаза на глаз. Все взъелись на него, у всех на устах имя этой Гоголы Хомасуридзе, и может быть, там все гораздо серьезнее? А если между ними большая любовь, а? Нет, здесь сплеча рубить нельзя...

* * *

Жизнь Джибраила текла без изменений: работа и дом, дом и работа. Митуша вел себя с ним так, как и с другими шахтерами, как и другим, ничем его не выделяя, давал задание. По-прежнему у него были на участке свои «рекордсмены», Шота Ципуришвили, к примеру, выполнял дневную норму на 180 — 200 процентов. От него не отставал низкий, полноватый Ангия Шарикадзе, с тоненьким, как у женщины, голоском. Дневная выработка составляла у него не менее 150 процентов в день. Джибраил понимал, насколько нереальны эти цифры. Наконец, не выдержав, он поинтересовался у Тариэла Гогисванидзе, урезают ли ему по-прежнему дневную выработку. Тариэл сказал ему, что с того самого собрания они получают за работу копейку в копейку. И, улыбаясь, похлопал Джибраила по плечу.

— Откуда же эти рекорды, не с неба же падают?

— А черт их поймет.

— И все-таки? Может быть, тогда вы были неправы?

— Ну что ты, тогда нас обдирали как липку, а теперь... — Тариэл огляделся по сторонам. — Я думаю, они просто одалживают уголь у своих друзей и у других шахтеров.

— Что?

— Да, это вполне возможно. Им сейчас нужны не деньги, а рекорды, почетное звание рекордсмена. А когда человек забывает о том, что такое совесть, он идет на все... Подкинут они, к примеру, кое-кому деньги — из рук в руки, и забирают у них уголь, скажем, три-четыре тонны. А кое-кому не все равно, как полу-

чать деньги — в кассе или же из рук Митуши. У Митуши даже выгоднее, он платит в тот же день и без всяких вычетов, а в кассе — ты и сам знаешь, как... Так вот, один даст ему три тонны, другой пять, третий — четыре, и глядишь — у Ципуришвили набралось двести процентов!

— Ты... ты уверен в этом, или это твои домыслы?

— Это мои соображения, конечно, но вполне реальные. Доказать ты ничего не докажешь, так и будем работать, Ципуришвили и Шарикадзе — почет и уважение, а таким, как я, которые работают и больше, и лучше них, как говорится, ни шиша.

— Я что-то не пойму тебя!

— А что тут понимать?

— Где они берут такие деньги?

— Ну это уже их дело, наверное, не весь уголь покупают, что-то и воруют, часть им одалживают, известное дело — рука руку моет.

— С ума можно сойти.

— Ты, Джибраил, не торопись... Ты правильно заметил, денег им нужно немало, а деньги иссякают, к тому же кое-кому надоест одалживать добытый своими руками уголь. Вот и поглядим, что из этого выйдет. Не думай, что им сойдет с рук то, что они так оскорбили тебя, мы им не спустим это.

Спустя неделю Джибраил, спускаясь по лестнице шахтокомбината, лицом к лицу столкнулся с начальником отдела кадров Ясном Вашакмадзе — опираясь на костыль, тот с трудом, тяжело дыша, поднимался ему навстречу. Взяв Джибраила под руку, Ясон попросил его пройти с ним в кабинет.

В кабинете Вашакмадзе прислонил к стене костыль, сел за стол, достал платок и вытер вспотевшее лицо.

— Мне бы на отдых, а я вот работаю. Что поделаешь, надо всех поставить на ноги... Слушай, Джибраил, мне надо поговорить с тобой, садись, пожалуйста. Вот... видишь костыль? Как ты думаешь, где я потерял ногу? У Львова. И не при отступлении, а когда наступали... До Берлина я так и не дошел. Я ведь мог остаться там навечно, но, видать, судьба была милостива ко мне. Теперь скажи, могу я поддерживать мошенников?

— Я...

— Скажи, как тебе работается у нас?

— Как обычно.

— Это хорошо, когда человек чувствует себя в привычной обстановке... Знаешь, я человек маленький, что мне велят, то и исполняю. К дисциплине привычен с молодости. Я давно хочу сказать тебе: такие люди, как ты, нужны везде, и у нас на шахте в особенности. Ты меня понял? И еще скажу: опасаться надо этого нашего проклятого никчемного Кацриэла Арчаидзе, у него в Тбилиси такая надежная спина, что он может жить себе припеваючи. Остальные — ерунда. Я верю тебе, парень, потому и говорю это. Если я тебе понадобится, не стесняйся, приходи.

Вашакмадзе встал, взял костыль и проводил до дверей несколько озадаченного этим разговором Джибраила.

Если вдуматься, Вашакмадзе сказал Джибраилу многое, и в то же время — ничего. К тому же он всегда мог отказаться от своих слов. То, что на шахте не все чисто, Джибраил знал и без него, что он узнал нового? Что Арчаидзе — человек опасный? Но ведь Джибраил и не собирался вступать с ним в борьбу. Джибраила оскорбили, и он это не забыл, он сделает все возможное, чтоб люди, в чьей нечистоплотности он был абсолютно уверен, были выведены на чистую воду. А уж если начальник кадров и в самом деле считает, что такие люди, как Джибраил, необходимы на шахте, то пусть поможет ему! Но Джибраилу почему-то казалось, что Вашакмадзе в тот день был обижен на Арчаидзе и потому разоткровенничался с ним.

Чем ближе подходила весна и время экзаменов в школе, тем ласковее и внимательнее была Иринэ к мужу. Они уже давно забросили занятия, Иринэ смеясь говорила, что в его чугунную голову все равно ничего не лезет и незачем мучить его и мучиться самой. Яснее ясного, что вопрос с его аттестатом надо решать «другими путями».

Было около двенадцати часов, когда, вбежав в квартиру, бледная, растерянная Иринэ крикнула мужу: — Папе плохо. Только что мне на работу позвонила мама. Вечерним поездом мне надо выехать...

— Я с тобой.

— А работа?

— Один день поработают и без меня, ничего не случится.

— Значит, едем с Гогутуной. Ой, прямо не знаю, что делать, Джибраил, надо торопиться!..

До отхода поезда было еще не меньше трех-четырёх часов, но Иринэ не могла успокоиться. Она побросала в чемодан какие-то платья, несколько рубашек для Джибраила, в отдельную сумку сложила одежду Гогутуны.

— Ну, пошли? — Она стала надевать пальто. Чего ты смотришь, пошли...

— Рано еще.

— Пошли, Джибраил, может быть, не будем ждать поезда, поедем на попутной машине.

Лил проливной дождь. Они шли по направлению к станции, когда по дороге их нагнала старенькая «Волга».

— Нашли время для семейной прогулки! — крикнул водитель, высунув в окошко кучерявую голову.

— А, Чичико, здравствуй... Не до прогулок нам, в Кутаиси едем.

— Пешком?.. Хотя до отхода поезда еще много времени, можете не торопиться.

— Отец у жены заболел.

— Что с ним?

— Не знаем... Сказали, очень плохо ему.

— Понятно... — Чичико выпрямился, не отнимая рук от руля, посмотрел на простиравшуюся впереди дорогу, по которой стремительно неслись потоки воды, потом повернулся и открыл заднюю дверцу машины.

— Садитесь.

— Спасибо, Чичико. Но твоя... дотянет твоя машина до Кутаиси?

— За это не могу ручаться, но постараюсь. При одном условии, что там вы дадите мне поесть, с утра ничего не ел.

— О чем речь. Познакомься, Чичико, это моя жена, Иринэ, а это наша Гогутуна.

— Очень приятно. Ну что, поехали?

— Поехали.

До Кутаиси они доехали благополучно. Когда ма-

шина остановилась перед домом Карцивадзе, Джибраил положил руку на плечо Чичико:

— Пошли, дружище.

— Ну что ты, я пошутил.

— Прошу, пойдем с нами, — сказала Иринэ.

— Вам теперь не до гостей, как-нибудь в другой раз.

— Но ведь ты сам сказал, что с утра не ел.

— Сказал, но забыл при этом добавить, что у меня в Кутаиси куча родственников. Ну, будьте здоровы, дай бог, чтоб старик ваш скоро поправился.

Чичико сорвал с места «Волгу» и скрылся, оставив за собой голубой хвост дыма.

Весть, которую узнали Иринэ и Джибраил, была малоутешительной.

В тресте Сардион с головой окунулся в работу, а работы, надо признаться, было немало. Шахта не гарантирована от случайностей. Горные машины и оборудование нередко поступали с заводов с опозданием и с опозданием же внедрялись. Бывали сбои и со снабжением лесоматериалом. Случалось и такое: врубную машину вместо той шахты, которая после долгих переговоров и просьб наконец выбила ее, послали на другую и даже спустили ее в забой, и только тогда выяснилось, что машине здесь делать нечего — забой не в меру скошен и уголь можно добывать только пневматическими молотками. Нелегко было Сардиону налаживать работу на этих шахтах. Домой он возвращался не раньше полуночи.

Некоторые шахтеры работали из рук вон плохо, план выполнялся за счет тех шахт, которые перевыполнили план. А уж от рекламаций заказчиков некуда было спрятаться. Что греха таить, уголь и в самом деле бывал низкого качества, не соответствовал установленным стандартам. Обогащительная фабрика работала неравномерно.

Неудовлетворительная работа на некоторых шахтах наряду с другими трудностями становилась причиной нескончаемых споров с железной дорогой. Начальником погрузочной станции был некий Какауридзе, в прошлом учитель истории, освобожденный от работы за бесконечные интриги. Надо было как следует повое-

вать с ним, чтоб переправить порожние вагоны из одной шахты на другую. Случалось, что диспетчер треста, не выдержав боя с Какауридзе, вынужден был обращаться прямо к Сардиону.

— Помогите, батона Сардион, этот оглашенный отсылает обратно порожняки!

— Куда?

— А черт его знает! Кто откажется теперь от порожняков! Он говорит, что у него свой план, смотрит в какие-то бумажки... На первой шахте вчера должны были по плану добыть пятьсот тонн угля, говорит он, вот и посылаю туда восемь вагонов. А на первой вчера и трехсот тонн не добыли, всю ночь ремонтировали западный забой. Представляете, еще учит меня, кто сколько угля добывает? Объясняю, что недостачу первой я заполню четвертой шахтой, да разве ему втолкуешь?

— Ну что, и здесь без моего вмешательства не обойдетесь?

— Батона Сардион, пока Какауридзе... Вы только уберите от нас этого болвана, я вообще не буду беспокоить вас...

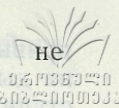
— Свяжите-ка меня с ним.

Какауридзе только об этом и мечтал, чтоб с ним поговорил сам управляющий трестом. С Сардионом он разговаривал, разумеется, более сдержанно, даже почтительно, но не поступаясь своими «принципами».

— Дело, батона Сардион, не только в простое паровозов и бессмысленной гонке вагонов, что в свою очередь вызывает напрасный расход угля. Это и вы прекрасно понимаете. Главное то, что работая так, мы не продвинем вперед народное хозяйство. Мы разлагаем отдельных работников, да-да, разлагаем, попустительствуя им. И, возможно, даже целые коллективы. Должны были добыть пятьсот тонн угля, да? Так вот вылезайте из шкуры и добывайте, верно? А выполнять план за счет других?.. Я должен сказать вам прямо... Я даже не знаю...

— Так что вы предлагаете, вернуть в Тбилиси порожняки?

— Нет! Я не могу сделать этого. Ни вам, ни мне за это спасибо не скажут... На сей раз, так и быть, я

отправлю вагоны, но... Так работать... Не знаю, не знаю...

Такая беседа повторялась почти ежедневно.

Одним словом, в тресте дел было невпроворот. Но Сардион ни на минуту не забывал о своей шахте и почти ежедневно беседовал с Гурасашвили по селектору. А в конце месяца, когда подытоживались результаты работы, Сардион сел в машину и поехал на свою бывшую шахту. Когда он вошел в кабинет, Кахабер и Гедеон вскочили на ноги.

— Как поживаете, начальники?

— Спасибо, хорошо.

— Ну, рассказывайте... Коротко — обо всем. —

Сардион сел в кресло.

Кахабер постарался в нескольких словах обрисовать обстановку на шахте, хотя сведения о работе поступали в трест ежедневно. О третьем участке Кахабер умолчал, подумал, если Сардиона интересуют дела на этом участке, он сам спросит.

— И все?

— Пожалуй. — Кахабер развел руками.

— А то, что я оставил вам в наследство кое-что такое... забыли? — Сардион хитро улыбнулся.

— Что вы имеете в виду, батона Сардион?

— То, о чем ты думаешь в эту минуту, дорогой мой Кахабер.

— Речь идет, вероятно, о третьем участке?

— Да, вот именно.

— Показатели неплохие. Пока что все в порядке.

— А что скажет Гедеон?

— То же самое.

— Как поживает Одыбашев?

— Одыбашева Гедеон потряс как следует и, кажись, привел его в чувство.

— Молодец, Гедеон. Учтем это. А что Чахунашвили?

— Все по-прежнему.

— Вот он-то в отместку как следует потряс меня, — улыбнулся Гедеон.

— Серьезно? Ха-ха-ха!.. — от души рассмеялся Сардион. — Я уже ничему не удивляюсь. И меня, бывало, всего трясло от него, — покачивая головой, Сардион встал, прошелся по кабинету, потом по старой

привычке остановился перед окном и долго смотрел на дымящийся террикон. — Чахунашвили — это неприступная крепость.

Некоторое время он молчал. Потом повернулся к Кахаберу.

— А та история?

— Как вам сказать... Муж с женой уехали в отпуск.

— Вместе?

— Да.

— Стало быть, Чапичадзе простил жену? — не скрыл удивления Сардион.

— Не знаю... Но уехали они вместе.

— Да, нарубил он дров, — покачал головой Сардион. — Что, шахтеры по-прежнему недовольны? Ошибся парень, и я боюсь, чтоб эта ошибка не... Вы-то прекрасно знаете, чем это грозит, если шахтеры невзлюбят своего начальника...

— Знаем...

Сардион отошел от окна, снова сел в кресло, достал сигарету и продолжил разговор о Теймуразе, так и не назвав его имени.

— А вообще-то он, наверное, здорово устал.

— На человека не похож. Круглые сутки — на шахте. — Сардион, задумавшись, глубоко затянулся.

— Да, переживает, разумеется.

— Хм...

— Батоно Сардион! — Кахабер встал, взглянул на Гедеона, давая ему понять, что собирается все рассказать Сардиону. Гедеон незаметно кивнул головой. — Должен признаться, Чагунава и Чарквиани мало помогают нам. На днях мы попросили их созвать собрание, но они не пошли нам навстречу.

— Какое собрание?

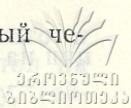
— Третьего участка.

— А вы не могли созвать без них?.. И о чем же вы собирались говорить?

— Гедеон считает, что надо дать понять шахтерам, что мы поддерживаем Арджеванидзе.

— Я считаю, что время для собрания самое подходящее, конец месяца — и можно подводить итоги... Сообщите мне, на какой день будет назначено собрание, и я непременно приеду. И знаете почему? Я верю

в этого парня, не думаю, что он легкомысленный человек... Здесь что-то не так...

* * *

Теперь, когда сам Сардион поддержал решение Кахабера и Гедеона созвать собрание, они призадумались. А если шахтеры не ограничатся разговорами о производстве, затеят разговор об Арджеванидзе и выскажут все, что они думают о нем?.. Результат может оказаться обратный тому, которого ожидали. И тогда они вынуждены будут освободить Арджеванидзе от занимаемой должности. Все знали, что хорошая работа участка, высокие показатели не столько заслуга Теймураза, сколько результат той магической силы, которой обладали имена Джибраила, Герасимэ и Сардиона.

Но отступать было уже поздно. И на доске объявлений появилось извещение о том, что такого-то числа такого-то месяца состоится общее собрание третьего участка.

Кахабер и Гедеон прежде всего вызвали к себе Теймураза.

— Теймураз, ты... Вы, конечно, знаете, что на четвертое назначено общее собрание?

— Знаю.

— Приедет начальник треста.

— Очень приятно.

— У вас есть предложения?

— Есть. Впредь прошу не назначать собрание на моем участке, не переговорив со мной.

Кахабер и Гедеон переглянулись.

— У меня есть и второе предложение. Если вы созываете собрание для того, чтобы... Одним словом, если я здесь не нужен, я уйду. Батони Гедеон начинал начальником смены, насколько мне известно, вы тоже, батоню Кахабер. Прекрасный пример для подражания.

— С чего вы взяли, что вы не нужны нам на этом месте? — Гедеон взглянул Теймуразу в глаза.

— Вот это да! — Кахабер и Гедеон вновь переглянулись, мол, смотри-ка, мы тут из-за него копыя ломаем, а он ударился в амбицию.

— Я, правда, не утверждаю этого... — смутился Теймураз.

— Наоборот, мы стараемся укрепить ваши позиции на участке.

— И общее собрание поможет этому?

— Посмотрим. Как говорится, попытка — не пытка, а спрос — не беда.

— Хотя... Собрание уже объявлено. Мне, вероятно, надо выступить, да?

— Вообще-то о работе отчитывается начальник участка.

— А заместителю нельзя? — Теймураз спросил об этом с такой непосредственностью, что Гедеон улыбнулся.

— Не стоит.

— А батони Сардион непременно будет?

— Железно.

— Что ж, очень хорошо.

Терентий и Минаго узнали о том, что созывается собрание, пришли к Кахаберу и, возмущенные, высказали свое недовольство. Особенно горячился Терентий.

— Стоит ли Гогола Хомасуридзе того, чтобы из-за нее сыр-бор загорелся?

— При чем тут Гогола?

— Знаешь что, Кахабер, не стоит передо мной ваянку валять. Почему вы не устроили собрание на другом участке? Месяц завершился только для третьего участка? Чем он отличается от других? Другие что-хуже работают? Да это шито белыми нитками, вы никого не проведете! А нас с Минаго вы вообще за людей не принимаете, что ли? Или наших телефонов не знаете?!

Чтоб как-то унять гнев Терентия, Кахабер сказал, что Сардион будет присутствовать на собрании.

— Так чего ж вы до сих пор молчали?

— А ты разве дал мне рот раскрыть?

— Так значит, Сардион придет... Нам, наверное, надо будет выступить?

— Вполне вероятно.

— Ну тогда мы с Минаго пошли, надо подготовиться.

Собрание было назначено на семь часов. Шахтеры не спеша собирались в клубе, многозначительным взглядом окидывали сидящего в конце первого ряда Теймураза и молча рассаживались.

Сардион опаздывал. Кахабер, Гедеон, Минаго и Терентий сели за длинный, покрытый сукном стол на сцене и позвали Теймураза. Поднимаясь на сцену, Теймураз почему-то вспомнил, какие страсти разгорелись в этом самом клубе, когда его назначали начальником участка. Что ждет его сегодня?

Председателем избрали ближайшего друга Джибраила, известного своей прямоотой Ираклия Шубитидзе. Оглядев зал, он улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, порядок дня всем известен. — И кивком головы пригласил на трибуну Теймураза. Ираклий и не подумал, что надо вести собрание, как положено, объявить, что слово для доклада предоставляется такому-то. Гедеон и Кахабер переглянулись. Минаго и Терентий — тоже. Теймураз покраснел, но промолчал.

— Эй, а секретаря выбрать не надо? — раздался из зала чей-то веселый голос.

— А-аа, верно... — Шубитидзе встал и мизинцем почесал мочку уха. — Нужен секретарь. Не будем нарушать порядок. Ну, кого хотите?

— Ушверадзе. Он у нас что-то приуныл.

— Вот пусть и поднимается сюда, мы найдем ему занятие.

А в это время Ушверадзе, паренек лет двадцати, круглолицый, с улыбающимися глазами, сидел в далеком углу зала среди своих друзей и тихо рассказывал им смешную историю. Вынужденный подняться на сцену, он успокоил товарищей, мол, потом доскажу.

— А теперь послушаем товарища Арджеванидзе, — объявил Шубитидзе и сел.

В это время вошел Сардион. И тут произошло то, чего никто не ожидал, а тем более Сардион: по залу прокатился глухой гул недовольства. С каких это пор управляющий трестом присутствует на собраниях участка? Сардион покраснел так, как, вероятно, краснел только в детстве. Но отступать уже нельзя было, он прошел вперед, сел на свободный стул в первом ряду. Гурасашвили жестом пригласил его на сцену, но Сардион помахал рукой, не надо, мол, посижу здесь.

Гул в зале затих, но не успел Теймураз произнести слово, как в средних рядах поднялся худой, с густы-

ми бровями шахтер в брезентовой робе и громко сказал:

— Ираклий! Товарищ председатель! Раз уж батони Сардион уважил нас и пришел на собрание, попросим его подняться, как-то непривычно видеть его в зале.

— И в самом деле, батона Сардион, пожалуйста сюда, — пригласил Шубитидзе.

Сардион встал, поднялся на сцену и сел между Кахабером и Терентием. Он теперь не сомневался в том, что ему не следовало приходиться на собрание.

Теймураз оглядел зал и стал говорить. Говорил он, не глядя ни на кого, не меняя сурового выражения лица, говорил коротко и по-деловому — о выполнении плана, о себестоимости угля, о его качестве, не забыл назвать тех, кто отличился. Закончив речь, он собрал бумаги, поднял голову, взглянул в зал.

— Есть вопросы? — обратился Шубитидзе к шахтерам.

— Нет, — отозвался кто-то.

— Все ясно и понятно.

— Погодите! — вскочил с места Исако Шиндагоридзе, балагур и известный на всю шахту лоботряс, который не мог удержаться ни в одной бригаде более двух-трех месяцев. — У меня есть вопрос.

— Говори! — Шубитидзе заранее улыбнулся.

— Вот наш начальник участка назвал лучших шахтеров. Я хочу спросить, он в самом деле доволен их работой? Может быть, они могли бы работать еще лучше?

В зале хихикнули.

— Ответите? — спросил Шубитидзе у Теймураза, не переставая улыбаться.

— Конечно... — произнес спокойно Теймураз. — Я бы посоветовал товарищу Шиндагоридзе найти для своих забав другое место, здесь, по-моему, собрались люди серьезные.

Исако понял, что он и в самом деле переборщил и что шахтерам не до смеха.

— Как я погляжу, вопросов больше нет. Может быть, кто-то из вас хочет выступить? — обратился к залу Шубитидзе.

После недолгого замешательства руку поднял Гриша Одыбашев.

— Товарищи... — Одыбашев заметно волнуется. — Шахтер не любит много говорить, он умеет работать. Вот все мы и работаем. В том числе и я, конечно. Почему я выступаю? Потому что мы с товарищем Арджеванидзе недопоняли друг друга. Нет, ничего особенного не произошло, и все же... Мы даже беседовали с товарищем Хазарадзе. Участок к концу месяца пришел с хорошими показателями. Неплохо поработали и монтажники. И впредь мы, монтажники, никогда не подведем участок. Я могу смело обещать это. Вот что я хотел сказать...

— Кто еще хочет высказаться?

— А где сейчас заместитель?

— Вот он, в зале.

— Ты чего сидишь здесь, Антимоз, твое место на трибуне. А мы охотно послушаем тебя.

Антимоз нехотя поднялся. Он не мог понять, с какой целью пришел Сардион, волнуется и поэтому не мог сосредоточиться.

— Товарищи... — начал он, кашлянув в кулак. — Участок и в самом деле хорошо поработал, товарищ Арджеванидзе уже назвал вам весьма красноречивые цифры. Это, конечно, заслуга каждого из нас. И в будущем мы не подкачаем! Что касается отдельных недостатков, то мы о них, конечно, помним и преодолеем общими усилиями. На участке, должен отметить, созданы все условия для хорошей работы и нам остается только не подкачать. Руководство шахты уделяет нам огромное внимание, все мы это чувствуем. Сегодня мы должны работать лучше, чем вчера, а завтра еще лучше, чем сегодня, разумеется.

Чахунашвили спустился с трибуны под дружное молчание зала.

— А что скажет дядя Архипо? — Шубитидзе глянул в глубь зала.

Странно, почему Ираклий обратился к Архипо, все знали, и в том числе Ираклий Шубитидзе, что старик хорошо относился к Теймуразу и, разумеется, ничего плохого о нем не скажет.

Архипо не захотел подниматься на трибуну. При-

глашение Ираклия было для него неожиданным, он развел руками и проговорил:

— Да что говорить?.. Участок работает... и впредь будет работать лучше... Да...

И сел. В сердцах он бы сейчас швырнул в Ираклия чем-нибудь, да, к счастью, ничего под рукой не оказалось.

А зал по-прежнему безмолвствовал.

Все понимали, что то, о чем говорилось с трибуны, не стоило и выеденного яйца. Ну, выполнил участок план, что тут особенного, это вполне обычная, даже ставшая привычной картина. Волновало и беспокоило всех другое. Но об этом на собрании не следовало говорить. Было бы не к месту. Так какой смысл теперь сидеть здесь и переливать из пустого в порожнее? Люди устали, им бы сейчас разойтись по домам...

Сардион был мрачнее тучи. Надо что-то предпринимать, чтоб собрание приняло деловой оборот. Терентий хотел было выступить, но ничего путного не придумал. И Минаго сидел в растерянности. А Геден твердо решил, что никакая сила не заставит его выступить на этом собрании. Он, как и Сардион, был убежден в порядочности Теймураза и понимал, что его отношения с Гоголой — не повод для того, чтоб всенародно обсуждать поведение начальника участка. Геден видел перед собой напряженные лица шахтеров, не предвещавшие ничего хорошего.

Наконец слова попросил Кахабер. Он стал говорить с места.

— Работой участка мы все, конечно, довольны. Показатели хорошие. Но удивительно, что никто из выступающих не говорил о недостатках, словно их и нет вовсе на участке, руководимом товарищем Арджеванидзе. Ведь это не так. Поскольку выступившие товарищи говорили только об успехах, я вынужден заострить внимание на недостатках. Начну хотя бы с товарища Шиндагоридзе. Он позволил себе здесь пошутить, я бы сказал, не к месту, я не знаю, какие у него заслуги перед товарищами по работе и почему ему прощают зубоскальство. Но я заявляю категорически: вы, товарищ Шиндагоридзе, сейчас работаете в бригаде лесогонов. Это уже третья или даже четвертая бригада, в которую вы перешли в этом году. Так вот я предупреж-

даю: если вы и впредь будете работать спустя рукава и бригада вынуждена будет распрощаться с вами, тогда я советую вам искать другую работу. Говорят, в Тбилиси создают грузинский цирк, наверняка там нужны клоуны, может быть, эта работа будет вам больше по душе. И вас, товарищ Арджеванидзе, я прошу учесть, что такие, как Шиндагоридзе, плохо влияют на молодежь, и мы это не должны терпеть.

Несколько слов о работе самого участка. Можем ли мы говорить об экономном использовании древесины? Нет! Экономим электроэнергию? Нет! Не тратим время попусту? Сколько угодно! А проблема с пустой породой? Пришло время, товарищи, уделять этому делу больше внимания. Нельзя только уповать на обогательную фабрику. Все мы видим, что фабрика едва справляется. Так в чем же дело? После того, как снят пласт и с кровли идет пустая порода, не проще ли взять лопаты и отсыпать ее. Сколько можно говорить об этом? А ведь это повышает на два-три процента качество угля. Пора вспомнить, что об этом впервые подумали именно на вашем участке. Но надо от замыслов переходить к делу. Вот когда мы будем называться настоящими шахтерами. А нам это под силу. Да... На участке были неприятности, трудные времена, но ведь коллектив вместе с товарищем Арджеванидзе смог преодолеть выпавшие на его долю испытания, я бы сказал, с честью преодолеть. Теперь необходимо закрепить достижения.

Еще один вопрос и на этом я закончу, а то у меня и в самом деле получилось несколько одностороннее выступление. А ваш участок заслужил хороших слов, шахта может гордиться вами. Но я не могу умолчать о том, что в лаве некоторые курят, несмотря на то, что на шахте со всех сторон тянет метаном. А с ним шутки плохи, вы это знаете лучше меня. Согласитесь, ведь большинство из вас курят в забое? Но, как говорится, не все коту масленица, придет и великий пост... Так что не забывайте, к чему может привести курение в забое... Давайте сделаем все возможное, чтоб в дальнейшем мы к этому вопросу не возвращались. Вот, пожалуй, и все.

Выступление Кахабера, судя по всему, понравилось шахтерам, кое-кто даже одобрительно кивнул головой,

прав, мол, наш новый начальник. Однако общий настрой зала не изменился.

— Батоно Сардион, вы ничего не хотите сказать? — обратился Шубитидзе к Сардиону.

— Нет, — тяжело качнул головой Сардион, в душе сожалея о том, что приехал.

— Что ж, тогда несколько слов скажу я. — Шубитидзе опустил голову, задумался. Потом поднял голову и оглядел зал. Он и не подозревал, что будет твориться в этом зале спустя несколько минут.

Ираклий Шубитидзе был хорошим работником, добрым, надежным товарищем, человеком откровенным и принципиальным. И не удивительно, что на участке его любили и уважали. Но ему крайне редко приходилось выступать на собраниях в роли председателя, и может быть, потому он и решил, что ему дано право говорить все, что ему хочется, быть эдаким судьей.

— Все мы с большим вниманием выслушали выступавших здесь товарищей...— начал он.— Говорилось о наших достижениях и ошибках. Все это, разумеется, поможет нам в дальнейшей работе. Но ни одно собрание не достигнет цели, если на нем не будет откровенного разговора. Молчание, недомолвки никогда до добра не доводили и не доведут. Так вот, спросим себя: был ли у нас сегодня на собрании откровенный разговор? Нет! Я решительно заявляю, что такого разговора не было сегодня! Мы говорили об экономии электроэнергии, о качестве угля и еще о многом. И это, разумеется, нужный разговор, но разве кто-нибудь сказал о том, что больше всего беспокоит и волнует всех нас. Нет, никто не проронил ни слова и это, я считаю, основной недостаток нашего сегодняшнего собрания.

Шубитидзе слушали напряженно, многие, казалось, уже почувствовали что-то недоброе в его выступлении, однако прервать его никто не решался.

— В чем состоит обязанность каждого из нас, товарищи? — продолжал вошедший в роль Шубитидзе, покраснев и энергично размахивая короткими, тяжелыми руками. — В добыче угля? Нет! Нет и нет! Первейшая наша обязанность — человечность, любовь и уважение к ближнему. И если я, к примеру, выполняю план по добыче угля и в то же время я вмещаюсь

в святая святых, в семейные дела другого, то будь я рядовой шахтер или начальник участка...

— Что?! — раздался из зала недоуменный голос.

— Что он мелет?

Кое-кто из шахтеров вскочил на ноги.

— Повремените, товарищи, дайте высказаться... Я повторяю, если я выполняю план по добыче угля, но разбиваю семью...

— Остановите его! — раздался чей-то громкий голос. И тут отовсюду посыпалось:

— Да он с ума сошел!

— Стащите его вниз!

— Вот вам и председатель!

— Да он белены объелся!

— Тоже мне ума палата!...

Все вскочили на ноги. Никто уже не ждал, когда объявят о том, что собрание закончено.

— Ну что, добились мы чего-нибудь? — спросил Сардион, когда они поднялись в кабинет Гурасашвили. И сам же ответил: — Кажется, нет... Совсем наоборот...

Другие были того же мнения.

* * *

Иринэ тяжело переживала смерть отца. Ночами Джибраил нередко слышал, как она плачет, уткнувшись в подушку. Но он знал, что Иринэ не любит, когда ее жалеют, и потому терпеливо ждал, когда она успокоится. Но дни шли, а Иринэ все не обретала покоя, наоборот, Джибраил заметил, что у нее появился ничем не объяснимый страх за Гогутуну. Иринэ осунулась, запустила домашние дела. Но что греха таить, Джибраил в глубине души подумывал о том, что, быть может, удрученная горем Иринэ забудет про его злополучный аттестат.

В последние дни, если случалось закончить работу пораньше, Джибраил не спешил как прежде домой, а шел в шахтерскую столовую. Почему-то именно в это время приходили в столовую и Тариэл Гогисванидзе, Ясон Хурцидзе, Гиуна Кикнавелидзе, Гелентий Джариашвили. Они чувствовали себя виноватыми —

ведь это они повинны в том, что Митуша взъелся на Джибраила.

Завидев Джибраила, они звали его за свой столик, и он чаще всего не отказывался, обедал вместе с ними.

Однажды, пообедав, шахтеры не спешили покинуть столовую, и Джибраил заметил, что Тариэл как-то странно смотрит на него.

— Ты чего?

— Да так...

— И все же?..

— Ты понимаешь, честному и порядочному человеку у нас на шахте все-таки делать нечего.

— Что, снова обобрали?

— Не меня... А вот Нестор, как говорится, дошел до точки.

— А это еще кто?

— Бубашвили, ты его не знаешь?

— Нет.

— Погоди-ка... — Тариэл встал, пошел в глубь столовой и спустя минуту вернулся с пожилым человеком, лицо которого было изборождено морщинами. Нестор шел с Тариэлом неохотно, а подойдя, опустил голову и, теребя мозолистыми руками край рубашки, уставился в пол. Джибраил недоуменно смотрел на него, он впервые в жизни встречал такого стеснительного человека.

— А вот и наш Нестор. Слушай, а ты уже пообедал?

Нестор отвел взор от Тариэла, посмотрел куда-то мимо него, потом вновь уставился в пол и пробурчал что-то невнятное.

— Обедал, обедал! — пробасил могучим голосом Ясон Хурцидзе. — Я видел, как он уплел и первое и второе!

— Садитесь, батона Нестор! — Джибраил придвинул к нему свободный стул.

Нестор сел, положил на колени несуразно огромную шапку, которую он до сих пор держал под мышкой, и снова уставился в пол.

— Ну-ка, Нестор, расскажи Джибраилу все, что ты рассказал мне утром.

— Да какой он рассказчик! — Тариэл придвинул стул к Джибраилу. — Ты знаешь, вот этот человек, — он кивнул головой на Нестора, — уже тридцать лет

на шахте, чего только не перевидал, но так и остался молчуном. Однажды он целых три часа держал на своей спине треснувшую рудстойку, не глядя, что он щуплый. А добряк такой, что последнюю рубашку снимет и отдаст, за всю жизнь муравья не обидел. А ты поинтересуйся, каково ему. Уж если Нестор заговорил, то, видать, и в самом деле они хватились через край, он ведь у нас молчун. Странно, что он утром заговорил, сказал, что хочет уйти, — вновь забасил Ясон. — Мы-то догадываемся почему...

— А ведь был одним из лучших шахтеров на нашем участке, передовиком, — вставил Тариэл. — Дневную норму выполнял на сто двадцать — сто тридцать процентов, ну что, Нестор, разве не так? В газетах только его портреты и печатали, на доске почета — опять-таки он... А потом заметили, что не тщеславен, что работа для него — дело привычное, позабыли о нем, кому он нужен, такой тихоня? Ну, Нестор, может, все же расскажешь Джибраилу, в чем дело? — вновь смеялся Тариэла Ясон.

— Сегодня, работая на нашем участке, мало быть просто честным человеком, работать на совесть, надо еще, как цепной пес, беречь то, что заработал, чтоб никто не присвоил твой труд, ну что, я не прав, Нестор?

— Эх, — Нестор махнул рукой и хотел было встать, но Тариэл насильно усадил его.

— Подожди! Почему я позвал тебя? Ты думаешь, они с нами не так же поступали? Зато теперь... Пусть только посмеют...

— А может быть, Нестор нашел работу получше? — проговорил Джибраил.

— Нестор?

— Ну конечно, директорскую работу, не меньше!

— Куда ты подался, Нестор? Говори.

— Мир велик... — тихо произнес Нестор.

— И все-таки?

— Поглядим... Я еще не решил.

— Зато я знаю, куда ты собрался. Ну что, сказать, а? — сверкнул глазами Ясон.

— А ты откуда знаешь?

— Сказать? — не унимался Ясон. — Ну, чего молчишь?

Нестор опустил глаза.

— Вот и скажу! Он в гастронорме лыжи наострил, грузчиком, там его давно ждут!..

Нестор покраснел.

— Молчи, молчи! Будто никто не узнал бы!..

— Столько лет на шахте — и вдруг грузчиком в гастронорме? — Джибраил долгим взглядом уставился на Нестора.

— Думает, там он сможет работать...

— Ну, конечно, тамошний директор сам не поест, а ему прибережет лучший кусок!

— Да что он заработает, а воровать он не приучен, а может быть, собираешься, Нестор?

— Да как у тебя язык-то поворачивается говорить такое? — не поднимая глаз, проговорил Нестор.

— Тогда расскажи все Джибраилу. Может, и тебе он поможет. У меня вот в прошлый месяц двести тонн из-под носа увели, а теперь не посмеют... В глаза мне смотрят, боятся обидеть...

— Хотите я, как говорится, раскрою скобки, объясню вам, что происходит, — не унимался Ясон. — Ну, Нестор, смотри, я говорю!... Надеюсь, не обидишься...

Нестор смущенно пожал плечами.

— Говори, говори, — зашумели шахтеры.

— Ничего не поделаешь, — развел руками Ясон, — народ требует. — И засмеялся. Потом снова перевел взгляд на Нестора. — Я говорю... Не обижайся... Так вот, он знаете когда ошибся? Когда впервые согласился идти у них на поводу. К нему первому обратились с просьбой продать уголь, а вы ведь Нестора знаете, он человек безобидный, к славе не стремится, вот он и согласился. Ему, наверное, кое-что и подкинули, самую малость, не без этого, в первый раз подкинули, во второй, в третий — уже поменьше, а там видят, что он молчит, в четвертый раз еще меньше, потом и вовсе перестали платить, а уголь у него забирают и приписывают другому. Ну что, обещал я тебе, что все скажу, вот и сказал!

— Гляди-ка, что происходит?!

— Это похоже на правду!

— С них станет, они и припугнуть могут.

Нестор сидел багровый, не смея поднять глаз.

— Ты подними голову, подними! — приказным тоном произнес Тариэл. — Ты, конечно, виноват, Нестор, виноват, что молчал до сих пор...

— Да в чем его вина? В том, что он у нас бессловесный?

— Это с них надо спрашивать!

— Совсем распоясались.

— Видишь, Джibraил, что у нас творится на участке? А ведь знают, что ты не смолчишь...

— Они меня не больно-то боятся, — сказал Джibraил и пытливо уставился на Тариэла. Потом перевел взгляд на Нестора. — А ты, дядя Нестор... Придумал тоже... В грузчики... Ну, не знаю... Я бы на твоём месте...

— Ну вот, слышишь?.. — набросился на Нестора Тариэл. — Надо действовать, а не сидеть, набрав в рот воды.

Джibraил встал. Остальные последовали его примеру.

* * *

На участке Арджеванидзе произошла неприятная история.

В конвейерном штреке, там, где кровля была менее мокрой, надо было сменить несколько старых, пропитанных влагой рудстоек, чтоб укрепить провисшую под тяжестью оседавшей и давящей на нее породы кровлю. Этот конвейерный штрек по расчетам должен был бы еще не менее двух лет обслуживать оба забоя — и верхний, и нижний. Каждую рудстойку надо было тщательно осмотреть, заменить подгнившую и основательно укрепить кровлю.

Работать следовало с большой осторожностью и предусмотрительностью, чтоб при замене с кровли не посыпалась мелочь. Это было привычным для шахтеров делом. Теймураз поручил работу самому лучшему среди крепильщиков звену. Крепильщики расписались в наряде и спустились в конвейерный штрек. Выдав и остальным наряд, Теймураз уже сам собирался спуститься, когда позвонили из конвейерного и попросили немедленно спуститься.

Оказалось, что стоило крепильщикам выбить первую рудстойку, как кровля стала трещать, как говорит-

ся, по швам, не прошло и минуты, как несколько рудстоек, не выдержав натиска, рухнули, следом размололо крепь и с оголенной кровли ливнем хлынул поток огромных коржей, пропитанных влагой и тяжелых, как свинец. Крепильщики едва ноги унесли.

Над поваленными стойками и развалившейся крепью образовалась так называемая ниша, и на высоте трех-четырех метров угрожающе нависла, готовая сорваться, серая порода. В любую минуту можно было ждать беды.

Следовало немедленно укрепить нишу, а это была работа не из легких, опасная работа. В конвейерном штреке стойки были высотой в два метра, а теперь для укрепления ниши необходимы были стойки высотой в три, а то и в четыре метра. Работу эту могли выполнить только бывалые, опытные люди.

После смерти Герасимэ Цнобиладзе лучшим крепильщиком участка считался Ираклий Шубитидзе, тот самый, кто недавно председательствовал на собрании. Тогда шахтеры чуть было не стащили его со сцены. С тех пор Ираклий чувствовал себя виноватым и не знал, как вернуть расположение товарищей. Вот почему сейчас, узнав о происшествии в конвейерном, он тотчас спустился, осмотрел нишу и, убедившись, что работа и в самом деле не из легких, сказал Теймуразу, что берется за нее.

— Сколько дней понадобится для этого?

— Если не рухнут другие рудстойки, не больше трех дней.

Это значило, что на целых трое суток будет прервана подача угля из забоя, и следовательно не может быть и речи о выполнении месячного плана.

— Как ты думаешь, другие стоят надежно? А вдруг они рухнут?

Шубитидзе навел на оставшийся ряд стоек лампу, внимательно осмотрел их.

— Вполне возможно.

В это время в штрек, запыхавшись, ввалились Кахабер и Гедеон. За ними следовал Антимоз.

Теймураз рассказал им о сложившейся ситуации, да и что было рассказывать — все и без того было ясно.

— Да... — Кахабер оторвал взгляд от ниши и без-

надежно махнул рукой. — Плакал наш план в этом месяце, а, Гедеон!

— Похоже на то, хотя... — Гедеон помедлил, если как следует подумать, то работа конвейера не должна помешать Шубитидзе... Давайте подумаем вместе... А что если Ираклий будет делать свое дело, а мы тем временем почистим конвейер и пустим его? Риск велик, конечно, но такие случаи в моей практике бывали. Я не настаиваю на этом, разумеется, решать вам...

Штрек заполнился сменными рабочими. Настроение у всех было подавленное, давно уже на участке не бывало таких происшествий, и надо же...

— Я ничего подобного не слышал, — сказал один из шахтеров.

— Я тоже.

— Человек идет на риск, подставляет голову, а рядом с ним в это время будет тарыхтеть конвейер?

— Ничего себе...

— Одним словом, месячный план — фьють!

— А что скажет сам Шубитидзе?

Ираклий пожал плечами.

— Не подумайте, что я трушу, но такое... А если снова в лаве задождит, что тогда? Я думаю, надо наоборот, убережь конвейер, закрыть его досками...

— Разумеется!

— Разве железо выдержит тяжесть породы?!

— Шубитидзе прав.

— Можно последовать предложению Гедеона. —

Кахабер счел нужным поддержать авторитет главного инженера. — Мы не раз прибегали к такому, и вы это прекрасно знаете. Но эта кровля, Гедеон, и в самом деле слабая, гляди, как сочится вода. Боюсь, не выдержит, рухнет. Я так думаю: пусть Ираклий выполняет свою работу, укрепляет эту проклятую нишу, а мы тем временем будем продолжать работу в забоях, потом мы как-нибудь вывезем уголь из отработанного пространства. Месячный план, быть может, и не выполним, да ничего не поделаешь. Наверстаем в следующем. А вообще-то, товарищи, эти рудстойки следовало заменить еще в прошлом году, тогда мы избежали бы сегодняшней аварийной ситуации... Участку следует уделять больше внимания. Ну а теперь займемся

своими делами. Ты, Ираклий, отдохнул бы, пока подготавливают нужные стойки. Вечером приступишь к работе.

— Хорошо.

Шахтеры молчали. Наконец один из них, средних лет, черноглазый, с пронзительным взглядом, кашлянув, выступил вперед.

— Мы, разумеется, займемся своими делами... Но вот вы, батона Кахабер, сказали, что участку следует уделять больше внимания. Как нам понимать это? Вы, начальники, ничего не теряете при такой аварийной ситуации. Если на нашем участке будет добыто на триста—четыреста тонн меньше, вы это покроете за счет других участков и шахта в общем план выполнит. Вы даже премии получите. А нам как быть? Да, вы вот говорите, участку, мол, больше внимания! Разумеется, вы правы! Но кто должен уделить внимание? Мы? Или начальство? Вот этого молодого человека вы поставили начальником над нами... О нем сегодня всякое болтают, но я никогда не говорю с чужих слов. Мне кажется, толк из него будет, но это в будущем, а сейчас, сейчас как быть? Вы поглядите на него — на нем ведь лица нет, кожа да кости, он ведь из ствола-то почти не выходит, а вот что рудстойки эти прогнили, прогядел. Критикуйте его, это проще простого. Но, спрашивается, что делает его заместитель? Почему вы с Чахунашвили ничего не спросите? Что, я не то говорю, скажете? Если заместитель здесь не нужен, то чего ради дали нам этот штат? Выходит, нужен нам заместитель, а его фактически нет. Эх, да что говорить! Пошли, ребята, у нас своих дел достаточно. А вот если они, наши начальники, не почешутся, так еще не такие аварии произойдут, а похлеще сегодняшней.

Чахунашвили стоял ни живой, ни мертвый. Но понимал, что сейчас ему лучше промолчать, иначе беды не оберешься.

Никто больше не проронил ни слова, все молча разошлись.

Кахабер велел Теймуразу подняться на склад и отдать распоряжение, чтоб приготовили необходимые рудстойки. А сам решил с Гедеоном обойти и другие участки.

Начальник шахты и главный инженер долго шли

молча по главному штреку. Наконец Гедеон, улыбнувшись, покачал головой.

— Говоря откровенно, он сказал сухую правду. Арджеванидзе с ног валился, того и гляди чахотку схватит от такой жизни. Но почему он сам не скажет ничего о Чахунашвили? Скажи, какой начальник не может избавиться от неугодного ему заместителя?

— Эх, дорогой мой Гедеон. Арджеванидзе еще и с поезда не сошел, а Чахунашвили уже пригласил его на обед, с тех пор он с женой дня не пропускают, чтоб не пригласить его, не пригреть. А он парень честный, помнит добро, вот ему и совестно против него выступать, разве это не понятно?

Кровля над рухнувшими рудстойками и в самом деле оказалась сырой и опасной, могла в любую минуту сесть по-черному. Несколько раз срывался огромный, пропитанный влагой кусок пустой породы, чуть было не придавив Ираклия. Спустя время Ираклий рассказывал друзьям, что натерпелся такого страха, что ему долго в сторону шахты смотреть не хотелось.

Не имело смысла взрывать в забоях пласт каменного угля или же работать пневматическими молотками — в отработанной части лавы набралось бы слишком много угля, а вывозить его было нечем. Теймураз, посоветовавшись с Одыбашевым, попытался пустить конвейер в обратном направлении, чтоб перенести отработанный уголь в вентиляционный штрек, а оттуда бремсбергами по наклонному стволу вывезти на главный штрек. Но конвейер оказался дряхлым, цепь моментально рвалась. К тому же в вентиляционном штреке не было стрелок для перевода узкоколейки, что затрудняло движение вагонеток. Задолженность же участка росла, перевалила уже за две тысячи тонны, за оставшиеся до конца месяца дни восполнить этот разрыв будет очень трудно. Шахтеры были не в духе. Теймураз помогал Ираклию как подсобный рабочий, пока тот шутя не сказал, что работа эта все-таки опасная, не для человека с высшим образованием.

Кахабер и Гедеон почти ежедневно созывали совещания, беседовали с шахтерами — механизаторами, крепильщиками, посадчиками, инженерами и техника-

ми, маркшейдерами и геологами, — но выхода из этого, казалось бы простого, положения не находили.

Наконец Кахабер вспомнил про один заброшенный забой, в котором маркшейдеры приостановили работу год тому назад, и спросил Гедео́на, нельзя ли в том забое несколько раз взорвать пласт и восполнить недостающие тонны угля.

— Ну что ты, Кахабер, маркшейдеры будут против. Забой тянется почти на два километра, при первом же взрыве там может все обвалиться на всю длину забоя... Ты представляешь, чем это грозит? К тому же вот уже год там не ступала нога человека, ни вентиляции, ни запасных выходов... Все устарелое... Я заглядывал туда недавно, его давно пора завалить. Нет... это связано с определенным риском.

— А пневматическими молотками?

— Нет! Туда я не пошлю людей!

— Стало быть, план этого месяца мы не осилим...

— Не мы первые, не мы последние.

— А с шахтерами как быть, с теми, кто сейчас без работы?

— Можно направить их в вентиляционные штреки, в промежуточные, наконец. Вот и будет угля хотя бы на пятьсот тонн больше.

— Во-первых, пятьсот не наберется, а во-вторых, если разогнаться в этих штреках, то там может повториться та же картина.

— Но другого выхода я не вижу.

— Надо же, такая мелочь, всего-то пять стоек сменить, а поди-ка, сколько с этим связано! А что Угулава?

— Обещал пятьсот тонн сверх плана.

— А у нас уже не хватает двух тысяч... Да, попадет нам от Сардиона...

— Я не считаю, что мы виноваты.

— А кого же ему честить, не гнилые же рудстойки?

Гедео́н вдруг представил себе, как Сардион Рачвелишвили, этот степенный, уравновешенный человек, стоит в конвейерном штреке и последними словами ругает рухнувшие стойки, и улыбнулся.

— Ты чего улыбаешься?

— Да так...

— Знаешь что, Гедеон, давай-ка спустимся в шахту, сидя в кабинете, мы вряд ли поможем делу.

Через пять минут они уже были в конвейерном штреке третьего участка. В это время Шубитидзе собирался укреплять очередную стойку. Толстое, длинной в три с половиной метра бревно уже лежало вдоль заржавленного конвейера — оструганное, вычищенное. Ираклий стоял под оголенной кровлей, там, где ему надо было установить рудстойку, и, задрав голову, изучал свод. Поодаль, куда не достигал свет электрической лампочки, в темноте сидели на корточках или стояли вдоль рудстоек шахтеры, не занятые работой. Одни спустились сюда уже по привычке, просто так, другие — желая помочь Ираклию. Хотя о какой помощи могла идти речь, если с высоты более трех метров сорвется многотонная глыба и рухнет на стоящего под ней человека, — никакая поддержка тут не поможет.

Кахабер и Гедеон остановились, не подходя к Шубитидзе близко, они уже слышали о том, что Шубитидзе буквально погнался оттуда Теймураза.

В ту же минуту Ираклий сорвался с места и отпрыгнул в сторону. Он не успел даже упасть на землю, как в том месте, где он стоял буквально мгновение назад, с пропитанной влагой, покореженной, изборожденной, как старческое лицо, глубокими морщинами кровли сорвался корж, правда, небольшой, величинной с кулак, и мягко, бесшумно опустился на почву.

— Будь ты неладен, — зашипел Ираклий.

— Осторожнее, Ираклий, осторожнее!

Ираклий обернулся и осветил лампой пришедших.

— А, это вы... Здравствуйте...

— Здравствуй, Ираклий! Ради бога, будь осторожней!

— Куда уж осторожнее! При каждом вздохе наверх смотрю. Я еще не встречал в своей жизни такой ненадежной кровли, не знаешь, в какую минуту порода размоет крепь и жахнет тебя по голове... А вода... смотрите... прямо-таки ручьем потекла.

— Вижу.

— Подожду немного. Если должен упасть корж побольше, того и гляди разинет кровля пасть, а нет, так подставляю стойку. Но мне кажется, что больше ничего не упадет, посмотрим...

Ираклий глубоко вздохнул, опустил фонарь и присел тут же на конвейер.

— Где Арджеванидзе? — спросил Кахабер.

— Где-то здесь...

— Пошел в верхний забой.

— Эй! Позовите Арджеванидзе!

— Не надо, не надо! Я просто заинтересовался, где он.

— Да где он может быть? Из шахты не поднимается. Ираклий закончит работу, уйдет, а он все ходит и ходит, все осматривает...

Слова эти произнес Архипо, другие молчали.

— А Чахунашвили?

— О! — воскликнул Шубитидзе. — Если бы он не помогал, мы вовсе погибли бы. Благодаря ему только и дышим...

Шахтеры хихикнули.

— Что, совсем не спускается?

— Как не спускается? — улыбнулся Шубитидзе. Только сейчас Кахабер заметил, какое у него уставшее, бледное лицо. — Спускается уважаемый нами Чахунашвили, но... Эх! — Ираклий вдруг резко встал. — Ну-ка, отойдите! И лишний народ отсюда — марш! Бичиа, где ты?

— Здесь я, дядя Ираклий!

Из темноты выполз Бичиа Синауридзе, щупленький невысокий паренек лет двадцати.

— Иди-ка сюда, Бичиа. Остальные уходите, нечего глядеть мне под руку. Сколько раз повторять!

Кахабер, Гедеон и другие шахтеры отошли на двадцать шагов ниже, к главному штреку, остановились и, затаив дыхание, вперили взгляд в освещенное пространство, где работал Ираклий. В это время из верхнего забоя пришел Теймураз.

Шахтеры слышали, как кряхтели и копошились Ираклий и Бичиа, потом до них донесся слабый звук от шлепнувшегося на сырую почву коржа, следом — снова тяжелое дыхание Ираклия и Бичиа. Ничего нельзя было увидеть, лишь по едва освещенному слабым, немощным светом угольному пласту блуждали огромные черные тени.

Все стояли по-прежнему затаив дыхание, не шелохнувшись. Сверху донеслись глухие удары.

— Кажись, подставили!

— Слава тебе, господи!

— Тише!..

— Подставили! Не слышите, бьют рукояткой топора?

— Тише — говорю...

Наверху вдруг стало тихо-тихо.

— Ираклий! — не выдержал Кахабер.

Из темноты, совсем близко, в пяти шагах послышался уставший низкий голос Ираклия:

— Да, батано Кахабер?!

— Чего вы там?

— Подставили...

Все сорвались с места. Бледные от усталости и напряжения Ираклий и Бичиа сидели на конвейере.

— Молодец, Ираклий! — крикнул кто-то.

— Еще две такие стойки, и в штреке можно будет работать.

— Да, всего две-три, не больше.

— Молодец ты, брат, ей-богу, молодец!

— А Бичиа оказался парнем что надо, а, ребята?

Ираклий встал, потянулся, расправил уставшие плечи.

— К завтрашнему вечеру, пожалуй, закончу.

— Ну что ты, Ираклий!.. — взволнованно произнес Кахабер. — Разве мы не понимаем?.. Только будь предельно осторожен, прошу тебя.

И Кахабер крепко обнял Ираклия за плечи.

Ираклий Шубитидзе сдержал слово. На второй день к девяти часам вечера конвейерный штрек был укреплен. Ираклий еле стоял на ногах от усталости, но удовлетворенно улыбался. Гриша Одыбашев носился от одного конца штрека в другой, проверяя конвейер. Глядя на него, Гедеон с удовлетворением думал, что, кажется, одно дело он действительно сделал, усмирив Одыбашева. Кахабера окружили человек восемь или десять шахтеров и, отчаянно жестикулируя, что-то ему доказывали. Дело, видимо, касалось награждения Шубитидзе и его помощника. Кахабер улыбался и кивал головой. Из забоя вышел Теймураз и помахал фонарем кому-то, стоявшему в самом низу, в конце штрека. Тотчас заработал конвейер. Сначала послышалось жуж-

жание мотора, потом вздрогнула натянутая на пустой конвейер уже проржавевшая цепь, сначала медленно, словно нехотя, с трудом сдвинулась с места, потом стала двигаться быстрее по желобу-рештаку и заскользила быстрее в направлении главного штрека. Две-три минуты, не более, цепь скользила впустую, потом вслед за металлическим лязганием конвейера раздался гул — на конвейер упала первая глыба угля, за ней вторая, третья, и вот уже перед взором Гедеона, который стоял в нижней части штрека, с шипением пронеслась река черно-серебристого угля. Достигнув главного штрека, уголь с грохотом падал в стоящие там же железные вагонетки. Третий участок вновь заработал.

На второй день на доске объявлений шахтеры прочли два приказа. Первый: «За умелое руководство и ликвидацию аварийного положения на третьем участке объявить благодарность и наградить месячной зарплатой начальника участка Теймураза Арджеванидзе, а за ликвидацию в кратчайший срок аварийного положения и проявленное высокое профессиональное мастерство объявить благодарность и наградить двухмесячной зарплатой крепильщиков Ираклия Шубитидзе и Бичиа Синауридзе». И второй: «С целью повышения качества горноподготовительных работ и соблюдения графика создается шестой подготовительный участок, начальником которого назначается Антимоз Чахунашвили».

Приказы подписывал Кахабер Гурасашвили.

Антимоз, совершенно растерянный, несколько раз перечитал приказ, не веря собственным глазам. Он вытирал платком выступавший на лице пот и читал, и читал, недоумевая, как же так, не спросили, не согласовали.

Антимоз устремился в кабинет Гурасашвили, но в приемной Маргалита сообщила ему, что Кахабер в тресте, вернется только вечером. Тогда он пошел к Хазарадзе.

Главный инженер принял новоиспеченного начальника участка довольно холодно. Приказ? Ну, конечно, читал. И согласен. Почему? Да потому, что на шахте нужны опытные люди. Антимоз Чахунашвили как раз такой работник. Вот он и должен передавать свои

знания и опыт молодым. Никто не рождался директором или же начальником. Так что Антимозу надо приступить к работе и на новом месте проявить и свои знания, и свой опыт. Администрация шахты уверена, что он окажется достойным почетной должности начальника участка. Сам же Гедеон желает Антимозу здоровья и успехов!

* * *

В тот же день заместителем Арджеванидзе назначили Ушанги Монаселидзе. Казалось бы, Кахабер и Гедеон могли наконец с облегчением вздохнуть. Доволен и Арджеванидзе. Но вскоре стало ясно, что радоваться еще рано.

Шахтеры поняли, что Гурасашвили и Хазарадзе вовсе не заботили горноподготовительные работы, они весьма ловко убрали Антимоза и дали Теймуразу надежного заместителя. Пожалуй, это своевременное решение — Теймураз от усталости буквально валился с ног, вон как с лица спал, смотреть на него больно. А новый участок так же неожиданно, как и был создан, может быть и ликвидирован.

Вот почему никто не хотел переходить на работу на шестой участок, к Антимозу Чахунашвили.

Кахаберу и Гедеону надо было в кратчайший срок, буквально в два-три дня найти людей, согласных перейти на шестой участок. Из пяти-шести шахтеров хотя бы двое должны быть авторитетными, опытными, знающими свое дело, способными вовремя заметить ошибку Антимоза, предотвратить аварию на участке.

Прошел день, другой, третий... Желающих перейти на участок Чахунашвили не находилось. Кахабер и Гедеон вызвали к себе начальников других участков, попросили помочь. Но никто не захотел отдавать своего опытного работника. Выход был один — укомплектовать новый участок за счет шахтеров участка Теймураза, в конце концов это было логичнее. Силком никого не затащишь, надо было искать добровольцев. Попросив Теймураза после первой смены собрать шахтеров, Кахабер и Гедеон зашли в нарядную.

Теймураз и Ушанги сидели за столом, что-то подсчитывали. Шахтеры вполголоса переговаривались.

Кахабер подошел к столу. Шахтеры замолкли, кто

с интересом, а кто и с недоумением смотрели на директора.

— Товарищи!.. — начал Кахабер, стараясь не смотреть в сторону Чахунашвили. — Товарищи... — повторил он. — Все вы знаете, с какой целью создан у нас новый подготовительный участок. Мы долго думали, советовались с Сардионом Эрастовичем и другими товарищами из треста, прежде чем пришли к этому решению. Работы на этом участке пора начинать... Так вот... Начальником участка назначен всем вам хорошо известный Антимоз Чахунашвили, который на протяжении лет работал заместителем начальника на вашем же участке. Мы уверены, что товарищ Чахунашвили очень скоро выведет шестой участок в ряды передовых. Но движущая сила на каждом участке, его хребет — это рядовые шахтеры, на них держится и участок, и шахта в целом! Нам нужны опытные шахтеры, чтоб с самого начала на шестом участке дела шли хорошо. Один начальник участка, разумеется, немногого добьется. Давайте подумаем, товарищи, взвесим все и попытаемся общими усилиями разумно укомплектовать шестой участок. Вот с чем пришли мы к вам. И еще хочу добавить — поскольку новый начальник участка ваш человек, хорошо было бы, чтоб на его участке работали люди, которых он уже знает. Вы понимаете, надеюсь, как много значит в нашей работе уверенность в своем товарище.

Чахунашвили сидел сложив руки на груди и сверлил Кахабера взглядом.

Стоящий в дверях шахтер поднял руку.

-- Говорите, товарищ... Извините, назовитесь, пожалуйста...

— Одишвили.

— Мы слушаем вас, товарищ Одишвили.

— Вот сейчас нам довольно убедительно рассказали о новом участке. Конечно, это нужное дело. И людям на новом участке будут уделять внимание. А как быть с другими? Вот я, к примеру, получил резиновые сапоги, а они протекают, я говорю завскладом, чтоб поменял, а он ни в какую, раз, говорит, надел, уже не поменяю, надо было, мол, проверять на месте. А сам как живет — все вы хорошо видите, зарплата у него девяносто рублей, а он на голубой «Волге» разъезжает.

Так-то! Прошу поменять мне сапоги. Я не могу работать, когда ноги мокрые.

— Ты что, Симоника? — засмеялся кто-то.

— А что вы хотите, человек правду говорит.

— Правда-то правда, но нашел время!

— Самое время сказать, что нам не уделяют должного внимания.

— Да погодите вы! Симоника, конечно же, прав, но нас ведь собрали не для этого! Тут нас спрашивают, кто согласен перейти на шестой участок!

— Вот и переходи, никто тебя не держит!

— С какой стати?

— А я почему должен перейти?

— Я просто разъяснил вопрос.

— И без тебя все ясно.

Кахабер постучал по столу карандашом.

— Товарищи! Сейчас и впрямь не время говорить о сапогах.

— Правильно!

— Слушать никто не хочет!

— Каждый свое гнет!

— И в самом деле!

— Батоно Кахабер, можно?

— Говори.

— Здесь сейчас, конечно же, не время и не место говорить о сапогах, надо решать более серьезный вопрос, потому нас и собрали. Но мне кажется, в нашей работе нет мелочей. Мне, к слову, нужна двухметровая рудстойка. А мне спускают трехметровую, кому нужны потом обрезки бревен? Не склеивать же стойки?! А аккумуляторы? Дают в ламповой фонарь, говорят—восемь часов проработает, а он через час-другой уже задыхается. И работаем в полутьме. Почему? Потому что аккумуляторный плохо работает, другой причины нет.

— А этот вообще в дебри завернул!

— Правильно говорит!

— Трехметровые бревна гонят потому, что так им легче план выполнять, до сих пор не понял?

Окончание следует.

Перевод Д. ВЛАДИМИРОВА

СЧАСТЬЕ

Столько раз гадал, печальный:

Счастье — роза?

Счастье — птица?

Счастье — колокол хрустальный —

Чуть ударишь —

Разлетится?!

Столько дней искал устало,

Вещный мир душа пытала:

Трогал розу —

опадала,

Трогал птицу —

отлетала!

Думал — жемчуг!

Видел даже:

Свет со дна сочился еле...

Думал, счастье — плод мирáжа,

Утро слезного апреля.

Понял, счастье — надо всеми —

Солнце, жаром налитое!

Небо покрывало время

И встречало пустотою...

Вновь искал усладу зренья

По отрогам, на обрывах! —

Драгоценные каменья

Стали низкой бус фальшивых.

Думал, счастье, как в кристалле,

Сможет в слове воплотиться!

Но слова ушли и стали

Солнцем, розами и птицей.

Вновь, веселый и печальный,

От его причуд завишу.

Трону колокол хрустальный

И хрустальный звон услышу.

И невольно возмечтаю

О покое, об итоге!

Только дымка ледяная
На пороге,
На пороге...

* * *

Болью, ожиданием, сожаленьем
Прошлое вошло к тебе без стука...
В сердце с молчаливым удивленьем
Вьет гнездо неведомая мука.

Зерна слез, тяжелые от жажды,
Прорастут и не поверят сами...
Нежность принесу тебе однажды,
Как цветок, наполненный слезами.

Нежность принесу, как избавленье,
Скрытое в далеком вертограде!
Молчаливое прикосновенье
Губ моих черты твои разгладит.

Вспыхнут небеса у изголовья,
Жар и холод выплеснут светила!
Гордых гор высокое злословье
Свяжет нас!..
И все пойдет как было...

* * *

Бывает час, от мысли не уйти:

«Конец пути — предчувствие пути».
Как будто дважды из крошечной тьмы
Ступал я в мир, и будто вечны сны.
И я тянусь и слышу — увлекла,
Прозрела память легкого крыла!
Но нет волненья — облако ли, дым —
Лишь след стремленья, бывшего моим.

* * *

Рассеку быстрину —
Захлестнет серебром и слезами!
Золотую луну
Извлеку из крыла Алазани.

Уроню на порог
Меж землею и небом на стыке:
Затрепещет у ног
И рассыплет жемчужные блики!

Затомится от пут,
Изовьется в сердечном укоре!
И ветра проскользнут
В потаенные двери нагорий.

Вновь из тяжкого сна
Шевельнется форель налитая...
И очнется волна!
И помчится, в тумане плутая.

Торопись, Алазаны!
На востоке мира отгорели!..
Тронул чуткую рань
Долгий вздох поднебесной форели.

СОХРАНИТЕ ТАЙНУ!

Когда один,
Плутая в долине,
Я подхожу к безымянной могиле,
Я замолкаю над ней,
И безмолвие неба
Овладевает мной.
Безмолвие овладевает мной,
Ибо больше всего на свете
Могилы любят безмолвие.

И небесный занавес
Опускается посреди дня...

Ни время,
Ни стоны,
Ни песни
Не оплачут пролитой крови!
Потому что
Тихие матери
Ходят еще по тихой земле
И, словно свадебным одеяньем,
Тешат сердце
Поблекшей надеждой.

Ни слава,
Ни слезы,
Ни песни!..

Опасайтесь нарушить
Покой безымянной могилы.
Пусть и чудо случится,
И сердцу откроется имя, —
Не спешите оспорить
Великое право молчанья.

Воздадите герою,
Оттисните имя на камне —
И кого-то
Лишите
Надежды...

Лучше тихо у края холма
Преклоните колена,
Коснитесь губами травы
И памятью тайной
Согрейте безмолвие этой земли.

КОЛХИДЕ

Не словом я берег твои дары,
Не воздухом ромашковой поры —
Глазами звезда,
Неизмеримо мал,
Я небо над тобою обнимал.
Прикосновеньем злаков луговых
Ты пестовала зренья дней моих,
Призваньем одевала и судьбой!
И я мужал, склоняясь перед тобой.
Творил, мечтал, исполнен дум и сил.
И трепетал! И, гордый, уносил,
То нити седины, то школьный мел...
И как-то незаметно постарел.
Пред нами — ночь. И мы простимся там.
Я только влагу розы ей отдам.
Еще звезда ушла за окоем...
Мы — краткий миг в бессмертии твоём.
Вот по холмам суровая луна
Ведет меня, в зрачке отражена.
Куда ни глянешь — холод скорбных круч.

Я отворяю двери:
Первый луч!..

* * *

Тебя подхватят мартовские ветви,
И обронишь февральские оковы.
Тебя подхватят мартовские ветви
И всю оденут яблоневым снегом.

И май украдкой лунную дорожку
Вплетет любуясь в волосы ночные.
И руку у запястья тронет лето!
И взгляд наполнит пламенем июля...

И с той поры
ознобом и напевом
Ты будешь наугад плутать под небом,
И днем, и ночью,
в ведро и в ненастье.
Когда февраль-ведун надует щеки,
Помчится следом!
И сотрет бесследно.

* * *

Тише...
Слышите? Песня родная —
Вещих слов соловьиная стая,
Кровли родины в зеркале дня!
Прежний свет облакает меня,
Образ чудится, давний и новый,
Мать с кувшином воды родниковой
Возникает в спящем венце!

И Колхиды печаль на лице...

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

БАГРОВЫЕ ПЯТНА НА НЕЖНО—ГОЛУБОМ ШЁЛКЕ

Рассказ

ПРЕСКВЕРНАЯ стояла погода в том памятном для меня январе минувшего года, когда, закончив свои служебные дела, я покидал Москву. Самолеты летали с большими задержками по долгой трассе к моему заполярному городу, где я живу и работаю много лет. Пришлось отказаться от услуг аэрофлота. На Ярославском вокзале купил билет на скорый поезд Москва — Воркута и в тот же вечер перешагнул порог своего купе. У столика, склонившись над объемистым журналом, сидел рослый, убеленный сединой человек с очками на горбатом носу, в черной водолазке, плотно облегавшей его сухопарую фигуру. На мое бодрое приветствие он ответил кивком головы и вернулся к своему занятию. В его руках я увидел грузинский журнал «Саундже».

— Простите, вы не из Грузии? — поинтересовался я.

— Да. И вы, судя по всему, тоже...

Стук в дверь прервал завязавшийся разговор. Вошла проводница. Уточняя конечный пункт следования, спросила у моего соседа: «Вы до Ухты?». В подтверждение он кивнул головой.

— Вы работаете в Ухте? — удивился я. — Ведь наши города, можно сказать, побратимы, и я там часто бываю.

— Нет, дорогой, я уже три года как пенсионер, так сказать, на заслуженном отдыхе. В Ухте работает мой сын. Еду к нему.

...Шел второй час нашего путешествия. Мой сосед сосредоточенно продолжал чтение своего журнала. Меня потихоньку укачивало, и я стал дремать.

Но тут мой спутник обратился ко мне:

— Вы уж простите меня за мою неприветливость. Из самого Тбилиси везу этот журнал, и все никак не удавалось прочитать его. Тут есть превосходная статья весьма просвещенной женщины о Райнере Рильке. Давно увлекаюсь этим великолепным поэтом. Он много размышлял о смысле жизни и смерти. А теперь прошу разделить со мной ужин...

И он вытащил из-под полки большой коричневый саквояж, стал выкладывать припасенную на дорогу снедь. Я последовал его примеру. Заодно достал пакет с платьем, купленным на ярмарке в Лужниках.

— Везу в подарок супруге, — похвастался я и развернул покупку. Платье было сшито из нежнейшего китайского шелка небесного цвета с замысловатым рисунком. Глядя на него, сосед мой глубоко задумался. Потом, словно что-то вспомнив, заговорил:

— Всю жизнь я работал сельским учителем. И до и после войны преподавал в селе Цуцхвати, что неподалеку от Кутаиси, историю, а также русский язык и литературу... Стояло лето 1939 года. Время предвоенное. Я был молод, полон радужных надежд и еще не хромал. Жизнь шла в гору. Конечно, у людей были свои заботы... Но мы умели довольствоваться малым и даже в скромных успехах видеть крупные победы. «Жить стало лучше, жить стало веселей!» —

ОБ АВТОРЕ

С АВТОРОМ публикуемого рассказа Дмитрием Мамулайшвили связывает меня более чем сорокалетняя дружба. Правда, наше дружеское общение за все это время имело несколько необычный характер. Вместе мы были на первом курсе философского факультета, потом — несколько месяцев после войны, а потом судьба забросила его в далекое Заполярье. Очень долгие годы мы не виделись, последнее время встречаемся раз в год. Все это, однако, не нарушало постоянного внутреннего контакта между нами.

Мой друг непосредственный и активный участник освоения богатств крайнего Севера. Строил шахты, возводил компрессорные станции на газопроводах, последние годы добы-

разносило радио, писали газеты. И жизнь нами так и воспринималась.

И вот в один прекрасный летний день меня пригласил к себе директор школы и объявил:

— Мы тут посоветовались и решили отправить тебя как перспективного педагога вместе с передовиками сельского хозяйства в Москву на сельскохозяйственную выставку. Поезжай, посмотри. Приедешь — расскажешь, что повидал, народу и своим ученикам.

Радости моей не было границ. Предстояло увидеть великую столицу. И кроме того, было лестно, что меня, молодого учителя, похвалили, выделили среди коллег.

Отъезд был назначен на следующий день. Все родственники и соседи были оповещены. На дорогу собрали столько всякой еды, что хватило бы на целую роту. Родственники еще принесли деньги. «Если паче чаяния, истратишь, не беда! А останутся — привези московских гостинцев», — напутствовали они.

Наутро я и трое моих земляков на арбе отправились в Кутаиси. Там присоединились к группе передовиков, съехавшихся со всего района. Потом — Тбилиси, знакомство с остальными членами республиканской делегации, плацкартный вагон, полностью занятый делегатами. Мы двинулись в путь. 16 августа 1939 года прибыли в столицу.

На перроне Курского вокзала нас встретили очень милые девушки и парни, представители столичной молодежи. На двух автобусах всю нашу делегацию повезли и размести-

вает уголь. Он полный кавалер «Шахтерской славы», заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР. Хорошо зная все богатство его природы, я до сих пор удивляюсь, как он умудряется, столько работая, причем на руководящих постах, не только не забросить философию, но и преподавать ее, готовить кандидатов наук, за что Ленинградский Горный институт имени Г. В. Плеханова присвоил ему звание почетного доктора наук.

И вот еще одна грань этой незаурядной личности: для меня этот рассказ — еще одно свидетельство духовного богатства и негибаемой воли моего друга. Пусть оценит его читатель.

Н. ЧАВЧАВАДЗЕ.

ли в общежитии, отведенном под гостиницу. После завтрака начали знакомиться с Москвой. Все мы были поражены невиданным многолюдьем, широкими улицами, громадными зданиями, просторными магазинами, забитыми товарами. Впечатления были волнующими, возбужденные увиденным, все об этом только и говорили.

Первое время я добросовестно выполнял все требования программы ознакомления с достижениями сельского хозяйства. На третий день, никого не оповестив, рано утром вышел из гостиницы, сел в автобус и поехал, куда глаза глядят. Из автобуса пересел в троллейбус и вскоре оказался около огромного здания с вывеской «Политехнический музей». Тотчас вспомнил: ведь это тот самый музей, в котором В. И. Ленин прочел свою знаменитую лекцию «О государстве». Мне, преподавателю истории, сам бог велел его посетить. Вошел, по широкой лестнице поднялся на второй этаж. Увидев группу экскурсантов, присоединился к ним. Их вела девушка с указкой в руке. Перед одним из стендов мы остановились. Девушка повернулась к нам лицом. Взглянув на нее, я просто остолбенел. Хотя и был наслышан о красоте русских женщин, но то, что увидел, превзошло самую богатую фантазию. Большие, мерцающие голубизной глаза, густой русой косой окаймленная красивая головка, статная фигура. Более прелестного создания, как мне тогда казалось, я нигде и никогда не видел. Смотрел на нее и все другое мною уже не воспринималось. Слышал только музыку ее слов, но самих слов не различал. Меня удивляло, как другие экскурсанты, а среди них было немало юношей, могут рассматривать какие-то экспонаты, оставаясь равнодушными к ее красоте.

Группа, в составе которой я невольно оказался, окончила осмотр. Девушка-экскурсовод попрощалась и ушла. А я вдруг почувствовал себя таким жалким и смешным. Пиджак и широчайшие брюки висели на мне мешком. Этот злополучный костюм заставил меня надеть директор школы. И еще затянул на моей тощей шее широким узлом желтоватый галстук, сказав при этом, что я еду в центр мировой культуры и потому должен выглядеть истинным интеллигентом. А главный знаток этикета в нашем селе Михаил Брегвадзе, бывший официант тбилисского ресторана «Ориант», настоял на том, чтобы я обулся в ярко-желтые туфли, по его мнению, гармонировавшие с галстуком. И вот теперь я терзался мыслью о нелепости этого своего наряда.

Тем временем открылась заветная дверь и в зал снова

вошла Лиза. Имя ее я узнал, когда она представилась новым посетителям музея, к которым я робко пристроился. Так повторилось дважды. В третий раз она, наконец, удостоила меня своим вниманием: «Вы так любите технику, что в третий раз осматриваете выставку?» Изобразив на лице улыбку, я, заикаясь, произнес: «Оч-чень». Лиза улыбнулась, блеснув белыми зубами, подвела к тогдашней диковинке — впервые выставленному в музее диктофону. Нажав какую-то кнопку, предложила мне что-нибудь сказать. Покраснев до ушей от охватившего меня волнения, я промолвить ничего не смог. Тогда она посоветовала: «Скажите, какая у вас профессия». «Я учитель, генацвале», — произнес я почему-то очень громко. Когда Лиза переключила диктофон и оттуда послышались сказанные мною слова, все рассмеялись. Смеялась и она.

На другое утро я наспех написал записку своим беспробудно спавшим соседям по комнате: «Как педагог, обязан заботиться о расширении своего кругозора. Пребывание в Москве намерен использовать по собственному усмотрению». И пошел, не пошел, а полетел.

Примчался в музей. Но Лиза еще не приходила. Чтобы не прозевать ее, решил дожидаться не в зале, а прямо у входа.

Прошли томительных три часа. Наконец, в движущейся толпе я увидел быстро шагавшую Лизу. Через несколько минут с указкой в руке она появилась в выставочном зале и подошла к ожидавшей группе посетителей, среди которых, вытянувшись в струнку, стоял, точнее, торчал я. Заметив меня, Лиза не без удивления, но с приветливой улыбкой, спросила: «А вы опять здесь? Вас так заинтересовала выставка? У вас, быть может, возникли вопросы?».

«О, божественная простота, — подумал я. — Какие у меня могут быть вопросы? Разве что-нибудь, кроме нее, меня здесь интересует!»

— Добрый день, — поклонившись, сказал я. — Да, есть несколько вопросов.

— Хорошо, в половине пятого закончу с последней группой, и мы поговорим, — последовал деловой ответ.

Потянулись мучительные минуты ожидания. Я обдумывал, как объяснить ей, что она мне безумно нравится, но так, чтобы не обидеть даже нечаянной неловкостью.

В назначенный час Лиза пришла. Собрав все свое мужество, преисполненный подобострастия, как об этом позже скажет она, я обратился к ней:

— Простите, я не знаю вашего отчества.

— Матвеевна, — сказала она.

— Уважаемая Елизавета Матвеевна, я, как вы, наверное, догадались, из далекой Грузии и скоро уезжаю. Преподаватель. Преподаю литературу и историю. Вы так хорошо рассказываете. Кто знает, попаду ли я когда-либо еще в ваш прекрасный город. Умоляю вас, подарите мне немного времени, познакомьте меня с Москвой. Ведь здесь, кроме вас, у меня никого нет!

— Вот это да... Ну, знаете, вы меня озадачили, — сказала она и слегка повела плечом. Немного подумав, добавила: — Сегодня после работы — библиотека, в семь — должна быть дома. Библиотеку отставим, высвобождаются два часа.

Лиза велела спуститься в вестибюль и не заставила себя долго ждать. Когда мы вышли на улицу, теплый августовский вечер был уже на исходе. Двигались мы медленно. Решили осмотреть центр. С гордо поднятой головой Лиза смотрела вокруг, стараясь не пропустить ничего интересного, а я глядел на нее и ничего другого не видел. Она увлеченно рассказывала о разных исторических зданиях, о событиях, здесь происходивших. Потом мы присели отдохнуть на скамейке в сквере и я узнал, что Лиза была студенткой пятого курса политехнического института, готовилась стать инженером-машиностроителем. Во время каникул работала экскурсоводом. Отец трудился на каком-то заводе. Мать домохозяйка. Была у нее еще сестричка Таня, десятиклассница.

Два часа пробежали незаметно. Проводив ее до дома, я сообщил, что послезавтра уезжаю, и попросил еще об одной встрече. Она великодушно пообещала: — Ну что ж, тогда, как говорится, на том же месте, в тот же час. — И, помахав мне рукой на прощанье, вошла в свой подъезд.

Вечером следующего дня наша группа уезжала домой. Билеты были уже куплены. Уехать я, конечно, не мог, и никакая сила не заставила бы меня это сделать. Руководителю делегации я объявил, что остаюсь, потому что у меня каникулы до первого сентября и в Москве личные дела.

За полчаса до назначенного времени я уже стоял у дверей Политехнического музея. Она явилась и наполнила душу мою светлой радостью. Я сообщил, что остаюсь на всю неделю. Известие было воспринято с доброжелательной улыбкой. И потекли незабываемые дни наших встреч.

Мы бродили по Москве. Лиза теперь немного больше за-

держивалась со мной. А однажды отпросилась в музей, и весь день мы провели вместе. Побывали в Третьяковке, ходили в кино, в лучшие московские «кафе-мороженое». Просто гуляли по улицам. О Москве она знала, пожалуй, все. Любила свой город. Гордилась, что была потомственной москвичкой. Без устали рассказывала об улицах, особняках, памятниках, театрах. Говоря о себе, перемежала свою речь расспросами о Грузии, о моих занятиях, о моем небе, о моих звездах. Говорили мы почти без умолку, спешили сказать друг другу все, словно боясь, что больше не встретимся.

Много воды утекло прежде, чем мне довелось снова увидеть Лизу. Судьба рассудила по-своему, жизнь ее и моя потекли по разным руслам. Она вышла замуж. Женился и я. Бог подарил мне хорошую жену. Мы вырастили сына. Но Лизу я никогда не забывал. Юная, пленительная, жизнерадостная, подтрунивающая над моим грузинским акцентом. Образ ее часто всплывал в моей памяти. Наверное, то была первая любовь...

На третий день Лиза заявила, что я еще слишком молод, чтобы величать меня по имени и отчеству, которые к тому же трудно произносимы, и спросила, как называют меня дома. Я ответил — Бесо.

— О, это прелесть! Это от слова «бес», — и, заливаясь смехом, добавила, что часто замечала бесовский огонек в их глазах.

И правда, бывало, засмотришься на нее, и бес безжалостно начнет мутить кровь. Но поразительно, это юное существо с самого начала так поставило себя, что всякую искушающую мысль о близости я в самом зародыше душил.

В последний воскресный день моего пребывания в Москве я, любезно приглашенный ею на обед, явился к ней в назначенное время с большим букетом хризантем. Меня встретили Лиза и ее мать Нина Ивановна. Мы вошли в большую, обставленную для того времени вполне модно комнату, служившую столовой. На меня повеяло домашним уютом и безупречной чистотой. Высокие окна были распахнуты настежь. Легкий ветерок колыхал тюлевые занавеси.

— Папа, это и есть мой гость из Грузии, — представила меня Лиза своему отцу Матвею Васильевичу — человеку с волевым лицом, посеребренными сединой усами и наголо обритой головой.

Нина Ивановна внесла в столовую полную тарелку ды-

мящегося картофеля. Мы подсели к довольно обильному и со вкусом сервированному столу.

Матвей Васильевич на правах хозяина произнес тост за наше доброе знакомство.

Пришла младшая сестра Лизы — Таня. Ну просто ее копия, только в миниатюре.

Завязалась душевная беседа, тактично направляемая Матвеем Васильевичем. Мне очень нравились уважительные отношения, царившие в этой семье. Все было искренне и без прикрас, с той подлинностью, которой так часто не хватает людям.

Сколько раз я мысленно восстанавливал в подробностях события того светлого дня. Жизнь надо прожить, чтобы понять — мало что в мире может сравниться с благом семейного счастья. И этим благом они обладали. Каждый новый день приносил им удовлетворение, потому что они сами сеяли добро, жили и трудились в окружении доброжелателей. Не страшил их и завтрашний день, потому что они верили в него.

Мой собеседник налил себе стакан минеральной воды, выпил ее и продолжил свой рассказ:

— Обед у Лизы затянулся допоздна. За окнами уже сгустились сумерки. Очень не хотелось уходить. Но дальше нельзя было злоупотреблять гостеприимством добрых хозяев. Я от души поблагодарил их. Все пожелали мне доброго пути. Матвей Васильевич сказал, что будет рад увидеть меня снова.

Лиза попросила разрешения у родителей проводить меня.

Мы вышли на улицу. Долго шли молча. Наконец я отважился и нарушил молчание:

— Тяжело уезжать... И в то же время так чудесно на душе. Лиза... Я был бы бесконечно счастлив, если б вы стали моей женой. Если бы это была только моя воля, я, не задумываясь, увез бы вас.

Она слушала меня молча. Не выдержав, я спросил:

— Почему молчите, Лиза? Неужели вам нечего сказать?

— Было бы нечестно умолчать о том, что у меня есть жених, и я его люблю. Сейчас он на учениях, он военный... Останемся друзьями. У тебя все впереди. Ты обязательно встретишь прекрасную девушку. Я всем сердцем желаю, чтоб ты был счастлив!

Больно было все это слышать. Но сдаваться я не хотел. Сказал, что буду писать, будущим летом обязательно приеду. Так мы расстались.

Это был конец августа 1939 года. Пройдет немногим

меньше двух лет, и на страну обрушится кровавая война. Тогда мы были еще слишком молоды, беспечны, как все наши сверстники во все времена, любили, страдали, мечтали, все нам виделось в розовом свете. Разве могли мы тогда представить, что смерть уже подкрадывается к нашему порогу, что она ворвется и в дом моей Лизы.

Наш поезд, резко сбавив скорость, подошел к какой-то станции и остановился. Сосед мой, облокотившись на столик, стал смотреть в окно. На перроне, освещенном серебристым светом люминисцентных ламп, сустились пассажиры. Вдоль вагонов чинно прохаживался милиционер. Откуда-то два санитары несли на носилках человека, прикрытого серым одеялом. Они двигались к машине скорой помощи, стоявшей у здания вокзала.

— Кого-то настигла беда, — произнес мой попутчик. — Видите «скорую помощь»? На ней красный крест. Это символ милосердия. Я ведь почти пять лет во время войны беззаветно служил этому символу!

— Друзья моего отца, — сказал я, — медики-фронтовики, вспоминая былые годы, часто говорили — никто в той смертельной схватке так непосредственно и глубоко не ощущал и не переживал самую страшную, бесчеловечную сторону войны, как они, служители медицины. Сражавшиеся с оружием в руках были поглощены одним — как сразить врага и при этом выжить. А вся кровавая, кошмарная сторона войны оставалась достоянием врачей и санитаров.

— Вы полагаете, что это не так? Вот перед вами живой свидетель сказанного друзьями вашего отца... Незадолго до войны я свалился со школьной крыши, помогая ее ремонтировать, и сломал ногу. Перелом сросся неудачно. Так и остался нестроевым. Когда в конце сорок первого мобилизовали, сразу попал в санбат и стал санитаром. Служба эта не из легких. Под пулями и снарядами вытаскивать раненых, рубить дрова, стирать белье, выполнять много другой черной работы... Самое тяжкое — это хоронить погибших. Говорят, люди ко всему привыкают, но к этому привыкнуть нельзя...

На всю жизнь остались у меня в памяти слова нашего военного хирурга. Всякий раз, когда в санбат приходило новое пополнение, он говорил, обращаясь к новичкам: «Запомните крепко и навсегда, что здесь, в прифронтовой полосе, только мы, личный состав медсанбата, являемся хранителями жизни и здоровья людей. В этом кровавом противоборстве только мы являемся заслоном от гибели людей. В милосердии —

наша священная миссия. Наградой нам — жизнь, спасенная от гибели. Такой награде цены нет!»

Поверьте, воистину это так. И мне случалось ощущать трепетную радость от такой награды. Бывало тащишь с поля боя кровью истекающего человека, корчащегося от нестерпимой боли и страданий, сдашь его врачам и снова обратно. А потом проходит время — встречает тебя этаким богатырь с сияющими глазами и говорит: «Спасибо тебе за жизнь!».

Тут сосед мой умолк. Опустив голову, потер пальцами свой высокий лоб и продолжал:

— Но бывало и по-другому... Как с тем последним раненым, которого я вынес с поля боя. Он до сих пор вот здесь. — и показал рукой на сердце, — наверное, останется тут до гроба. Это было в Маньчжурии, где-то под Хуланом. Перед началом сражения замполит нам сообщил, что командованием Квантунской армии отдан приказ о прекращении сопротивления. Шел, как мы думали, последний бой. Я лежал в воронке, наблюдая за наступлением наших солдат. Враг шквальным огнем пытался приостановить атаку. Вдруг в цепочке наших наступающих солдат я заметил бойца, тонкого, как жердь. Выронив автомат, он сначала согнулся, а затем, обеими руками схватившись за живот, упал на землю. Я тут же пополз к нему. Огонь не утихал. Не подымая головы, подsunул под него плащ и потащил. Когда, наконец, мы оказались в воронке, взглянул на него. Передо мной лежал юнец, истекавший кровью, с животом, рассеченным автоматной очередью. Был, он, конечно, без сознания и тяжело дышал. Я расстегнул ему воротник, обнажил тонкую белую шею. Вытащил из санитарной сумки пузырек с нашатырным спиртом и дал ему понюхать. На мгновение он очнулся, взглянул на меня помутневшими глазами и шепотом произнес: «Батя!». Потом застонал и едва слышно позвал: «Мама, мамочка...» И вновь потерял сознание. У меня сжалось сердце. «Эх, — подумал я, — сынок, ты же совсем еще ребенок». Он нуждался в срочной помощи. Ждать дольше было нельзя. Несмотря на продолжающийся обстрел, я связал рукава плаща на его груди и стал осторожно тащить. Так доволол его до безопасного места, потом поднял на руки, прижал к себе и донес до медсанбата.

Трое суток врачи не отходили от него. Много раз делали переливание крови. И я дал ему свою кровь. Но все усилия оказались тщетными... До сих пор саднит душу от жалости к этому мальчику. Был он из-под Омска. По фамилии Глебов. Витя Глебов. Четырнадцатилетним мальчишкой сбежал из до-

ма. Ростом он был высок и сумел убедить, что ему 18 лет. Солдаты уступили его настойчивым просьбам и уговорили командира. Витя был поставлен на довольствие, обмундирован. В боевых действиях ему запретили участвовать. Но в тот роковой день он все же ухитрился присоединиться к наступающим солдатам...

Много видел я на фронте страданий, многих похоронил своими руками. Время все сглаживает в нашем сознании, но образ этого мальчика не уходит из памяти. Почему? Может, потому, что перед смертью я оказался последним близким человеком для него, и это сделало его таким же для меня... И во мне пробудилось отцовское чувство. Трудно сказать...

Рассказ моего спутника растревожил меня. Как живого, представил я этого бедного мальчика. Его мать даже не знает, где он похоронен. Ему теперь было бы за пятьдесят. Были бы у него дети... Потом в памяти воскрес любимый моими домочадцами, выросший в нашем доме мой двоюродный брат Арчил. Девятнадцати лет он погиб в Керченском проливе на потопленном немцами траулере, доставлявшем снаряды защитникам Керчи. Арчил тоже не успел пожить.

— Скажите, — вдруг задал мне вопрос попутчик, — а как вы относитесь к смерти?

— Как отношусь к смерти? — переспросил я недоуменно. — Что тут скажешь? Увы, жизнь не вечна, рано или поздно приходит смерть — исчезновение, уничтожение...

— У каждого из нас своя жизнь, как говорил Рильке, своя собственная смерть, — сокрушенно покачал головой мой сосед. — А самая большая, ни с чем не сравнимая беда, когда человек безвременно, насильственно лишается жизни. И то, что это зло не в природе, не в боге, а в самом человеке. Только мы сами друг друга убиваем. Разве не доказательство тому кровопролитные войны? Кто-то удосужился подсчитать, что за всю историю человечества в войнах погибло свыше трех миллиардов человек...

Собеседник мой умолк. В купе снова воцарилась тишина — только слышался перестук колес на стыках рельс. И он и я сидели молча, отдавшие раздумью. Казалось, что нового было тут сказано? Очевидные истины. Но почему они остаются в забвении?

— Вы сказали, что смерть это исчезновение, уничтожение, — снова обратился он ко мне. — Тут вы правы. Все мне известные словари дают такое определение. Но теперь и школьнику известно, что долгожительство вполне реальная

возможность. По сути своей формула весьма проста — уровень внутренней культуры личности, качество жизни и условия обитания. Все это подвластно человеческому разуму. И поверьте — рано или поздно это свершится. Отдать бы учителям, биологам и врачам те несметные богатства, которые пожираются гонкой вооружения, и потребуется немного времени, чтобы продлить жизнь человека на долгие годы...

— Да, вы, несомненно, правы, — как бы по инерции продолжил я. — В наше время много пишут и говорят о возможности продления человеческой жизни до 140—160 лет. Я даже читал книгу некоего Артура Кларка «Черты будущего». Он предсказывает, что уже к концу второго тысячелетия человечество добьется бессмертия.

Сказанное мною, к удивлению, вывело из равновесия седа:

— Нет и нет. Пусть это вам покажется странным, но человеку бессмертие не нужно! Это будет настоящим проклятием. Конечно, став бессмертным, человек возрадуется, как раб, получивший освобождение. Избавившись от постоянно гнетущего страха перед смертью, он будет наслаждаться жизнью. Но неумолимое время неотвратимо возьмет свое. После расцвета придет горькое увядание. И тут возникает вопрос: хватит ли у человека терпения и выдержки, не станет ли он снова звать на помощь смерть?

— Да, трудно бедному человеку! — не выдержав, высказал я мучившую меня мысль. — Мало того, что рано или поздно приходится умирать, так еще надо и старость пережить!

— Как вам сказать, друг мой, старость тоже имеет свой смысл и определенную ценность. Один мой друг-писатель показывал мне наброски книги «Похвала старости». Он считает, что старость — в известной степени милость, дарованная природой. И когда потом приходит дряхлость, смерть становится избавлением, страха перед ней уже нет...

Мой «оппонент» зажег сигарету и вышел из купе. А я продолжал размышлять: «Почему у смерти столько пособников? Почему не доходят до сознания людей простые истины? Если б можно было подняться на самую высокую вершину и в мощный рупор крикнуть на весь свет: «Люди, опомнитесь! Образумьтесь! Проникнитесь священным символом нашей веры — все во имя человека, все для блага человека! Пока не поздно!»

Вернувшись в купе, мой земляк снова включился в разговор.

— Вы, наверное, думаете: вот пенсионер, шагает по седьмому десятилетию своей жизни, ему пора и поразмыслить о своем не так уж отдаленном будущем. Но нет, каждый из моих предков жил более ста лет, и я не собираюсь пока умирать. Жизнь моя сложилась так, что я никого не убивал, но свидетелем многих смертей пришлось быть. Каждый, кто хоть немного соприкасался с кровавой бойней, не может не думать о смерти. К моему несчастью, почти все происходящее мне на память ассоциируется со смертью. Вот даже это платье, сшитое из нежно-голубого шелка, подарок, который вы везете своей жене; не удивляйтесь, но и оно напомнило мне о гибели близких мне людей... Ну ладно, на сегодня хватит. Сам утомился и вас утомил. Давайте немного отдохнем.

Он лег и вскоре затих. Вслед за ним улегся и я. Было поздно, и сон меня быстро одолел.

Проснулся я в десятом часу. За окном ощущалось приближение полярного круга. Было пасмурно, с неба нависали свинцовые тучи. Вдоль железнодорожного полотна выстроившиеся в ряд заснеженные деревья безмолвно провожали поезд, стремительно мчавшийся в далекую даль.

Мой сосед сидел у столика и читал свой журнал.

— Доброе утро! — приветствовал он меня. — Скоро будет чай!

После завтрака я напомнил ему о его обещании продолжить беседу.

— Вчера мои рассуждения, кажется, произвели на вас мрачное впечатление. Сам не пойму, почему так разговорился... Наверное, такие разговоры возможны только в купе железнодорожного вагона. Купе, как батискаф, опущенный в море. Попутчики изолированы от мира, на время освобождены от мирских забот. Нас двое. Но главное, конечно, это вы — у вас божий дар великолепного слушателя!

Я поблагодарил за комплимент и попросил рассказать что-нибудь о войне с Японией.

— Признаться, — сказал я, — со многими участниками войны с Германией мне приходилось встречаться и общаться, и отец мой воевал, а вот очевидца войны с японцами встречаю впервые.

— Соединение, с ним и наш медсанбат, еще в июле сорок пятого года было передислоцировано с запада на восток и задействовано в составе второго Дальневосточного фронта, —

начал вспоминать мой попутчик. — К тому времени мы расположились в живописной деревушке на берегу реки Сунгари, недалеко от Харбина. Был сентябрь. Наши войска немногим более, чем за двадцать дней разгромили Квантунскую армию. Где-то там, на Тихом океане, на крейсере «Миссури» представители Страны восходящего солнца подписали акт о безоговорочной капитуляции, уже было совершено величайшее в мире преступление — атомная бомбардировка Хиросимы.

Наш полевой госпиталь размещался в ранее пустовавшем одноэтажном доме деревенской школы, огражденной невысоким кирпичным забором. В середине дворика, покрытого зеленой травой, росла ветвистая акация. Под ее тенью на сколоченном из неоструганных досок столике играли в домино обитатели госпиталя. Их было немного. Немногочисленный медперсонал и группа выздоравливающих. Все тяжело-раненные вместе со значительной частью обслуги давно были эвакуированы.

Уже второй месяц наша отправка почему-то задерживалась. И люди, как это обычно бывает, объединялись в мелкие группки. Я тоже примкнул к трем лечившимся бойцам и довольно быстро с ними подружился. А так как у меня много было хлопот по хозяйству, мои друзья, соскучившиеся по обычной работе, с охотой помогали мне.

Вечером в этих местах жару сменяет жестокий холод, и все стремятся укрыться в доме. Мне как санинструктору со стажем напоследок предоставили отдельную комнатку. И там каждый вечер собиралась наша четверка. Зажигали свечу, потому что электричества не было, а движок запускали в случаях экстренных хирургических операций. Разговаривали мы до самых петухов. Все наши разговоры касались пережитого в минувших боях. Война никак не хотела отступить от нас. Каждая клетка нашего сознания была заражена ею. Она не давала покоя, особенно ночью. В палатах то и дело слышались стоны. Порою некоторые вскакивали и раздавался душе-раздирающий крик: «Воздух!.. Ложись!..» Невозможно было оторваться от мучительного, совсем еще недавнего, прошлого, не думать о том, что пришлось пережить.

Но как ни поразительно, оказывались и такие, которые в любую минуту готовы были снова ринуться в бой. Среди нашей четверки таким был Еремей. Старший сержант, командир взвода, полный кавалер ордена Славы. Посмотришь на него — истинный былинный богатырь. Голубоглазый и бело-брысый Геркулес. Ему шел двадцать третий год, но он весь

был пропитан порохом войны, мастер прихвастнуть, впрочем, было чем. В войну на западе он служил в разведке. Однажды в сорок пятом чуть не угодил под трибунал. «За пренебрежение властью», — скромно пояснил он. Командование части, как храброго солдата, взяло его под защиту, понизив только в должности. На востоке его опять назначили командиром взвода и в рукопашной схватке под Харбином он был ранен в правое плечо и ногу. Еремей не скрывал своего сожаления, что война с японцами так быстро закончилась. «Еще немного, — говорил он, — и вот здесь, — показывая на свою широченную грудь, — была бы Золотая Звезда». Мечтал стать крупным военачальником.

Совсем иным был Михаил Маркович из Белоруссии. На много старше Еремея. Отец троих детей. До войны заведовал библиотекой в Минске. Всю жизнь собирал почтовые марки. Это была его неутолимая страсть. С самого начала войны таскал в вещмешке альбом с марками и еще умудрялся его пополнять. Говорил с сильным хрипом — пулей были задеты голосовые связки. Ему, политруку, сражавшемуся на фронтах с первых дней, не обойденному наградами, война опостылела до крайности. Он не хотел ее вспоминать. Во время наших бесед говорил только о марках, и это у него хорошо получалось. Он забывался. Его слушали с вниманием — рассказывал он очень увлекательно. Но болезненной слабостью его были дети. Когда говорил о своих ребятишках, у него слезы наворачивались на глаза. Войну Михаил Маркович ненавидел всеми фибрами души. С грустью слушал он Еремея и с осуждением говорил: «Молод ты еще, много ветра в голове. Война — это позор рода человеческого!»

Коли рассказал о двоих, расскажу и про третьего — Игната Павловича. Это и есть мой друг из Коми края, к которому я сейчас еду. Под его началом работает мой сын. В те времена он тоже был очень молод. Накануне войны его призвали в армию и все время, вплоть до начала военных действий с Японией, Игнат Павлович служил на Дальнем Востоке. В части его все любили за доброту, отзывчивость, безотказность. Единственное, к чему он был нетерпим, это к вранью. Говорил, что у его предков хранился даже специальный божок, наказывавший за ложь. Вообще был неразговорчив. В госпиталь попал не как раненый в бою, а после сильной простуды. О войне же, по его словам, ему поведать было нечего — пришлось воевать всего две недели. Зато слушал он с глубоким вниманием и все услышанное, похоже, впитывал, как губ-

ка. А однажды выдал такое, что мы все были ошеломлены. Но об этом потом.

По вечерам в моей маленькой комнатухе у заженной свечи, вспомнив свою гражданскую профессию, я рассказывал друзьям о событиях далекого прошлого России, Европы, Грузии. Надо сказать, при всей несхожести характеров они были слушателями благодарными.

И вот в один из таких вечеров совершенно неожиданно для нас заговорил до того только молчавший Игнат.

— Я слушал вас много вечеров очень внимательно, самому тоже приходилось кое-что читать, и в школе история была моим любимым предметом. Меня удивляет одно: вы то есть народы, которых вы представляете, сотворили много значительных материальных ценностей, можете гордиться великими культурными свершениями и крупнейшими научными открытиями. Но почему обходите молчанием или в лучшем случае относите на второй план то, чего все это вам стоило?..

Мои предки когда-то, много веков назад, ушли от зла, творившегося вокруг, в царство холода и неприхотливого существования. Над моей родной землей большая часть года — свинцовое небо, под ногами вечная мерзлота, пурга и метели — наши постоянные гости. Мы тогда не могли строить большие города, пахать землю. Но наша суровая природа в то же время и защищала нас от вторжения других народов, давала возможность жить свободно. Мы пришли в эпоху Великого Октября с нашим прошлым, не овеянным славой военных побед и не окропленным ни единой каплей человеческой крови.

Сказанное Игнатом нас озадачило. По правде говоря, мы и не знали, что там, на Крайнем Севере, обитает самобытный народ, прошлое которого не знало войн, насилия, кровопролития. Когда Советская власть дала ему государственную автономию, началась его новая история. Теперь республика Коми занимает почетное место среди автономных республик Российской Федерации. Своя литература, свой театр, свой университет, свои научно-технические кадры. Огромные природные богатства края поставлены на службу всей страны.

Так мы коротали время в ожидании нашей отправки. Однообразные дни следовали один за другим. Но однажды произошло событие, всколыхнувшее всех обитателей полевого госпиталя.

В тот день, укрывшись от зноя в тени акации, наша четверка шпарила в домино. Постукивая костяшками, мы каж-

дый раз громко хохотали, когда кто-нибудь из нас, проиграв, лез под стол.

Внезапно послышались крики. Прервав игру, мы стали прислушиваться, но понять, что происходит, не могли. Шум доносился откуда-то из-за дома. Через некоторое время, открыв калитку, во дворике появился старик из местных жителей в сопровождении молодой женщины. Кланяясь, они энергично жестикулировали и, перебивая друг друга, что-то пытались объяснить на непонятном для нас языке.

Один из наблюдавших за нашей игрой солдат, как оказалось, знал китайский язык. Он пояснил, что у пришедших горит дом и они просят о помощи.

Еремей, насупившись, с раздражением сказал:

— Скажи им, что мы не пожарники, а раненые солдаты. Хватит, вдоволь за них навоевались!

Когда солдат перевел слова Еремея, старик и женщина сникли. Старик в отчаянии схватился за голову, женщина начала рыдать, бормоча что-то непонятное. Переводивший их слова солдат объяснил:

— Там в доме двое детей!

Тут наш политрук, до того молча наблюдавший за происходящим, вристал и прохрипел:

— Ты что, Еремей, там же дети!

Еремей на минутку воззрился на политрука и вдруг рывкнул:

— За мной!

Прихрамывая на правую ногу, он побежал первым, за ним мы и еще несколько бойцов.

Домик находился неподалеку от госпиталя. Он был двухэтажный, сложенный из красного кирпича. Языки пламени, временами вырывавшиеся из окон первого этажа, уже облизывали второй. Вокруг людей было немного, но гвалт стоял невероятный. Все наперебой о чем-то кричали. Из ближайшего колодца выстроенные в цепочку люди передавали друг другу ведра с водой. А один через окно заливал огонь.

Мы осмотрелись. Узнали, что минут пять назад из окна второго этажа выглянула старуха и крикнула:

— Не могу найти детей!

Еремей сразу вошел в свою роль командира. В голове у него уже созрел план действия. Он приказал мне срочно доставить плащ или одеяло. Выделив одного из собравшихся, позвал к себе и заставил снять телогрейку, сказав: «После получит новую». У какой-то женщины бесцеремонно сорвал

с головы шаль. Приказал Игнату надеть телогрейку, обмотать голову шалью. Взял два ведра воды у тех, кто тушил пожар, и вылил на голову Игната. С брезентовым плащом в руках²¹ был уже на месте. Мы подошли к окну, из которого последний раз выглядывала старуха. По указанию Еремея подтащили ящик. Он забрался на него, встал на одно колено и велел Игнату встать ему на плечи. Я и трое из наших помогли Игнату выпелнить команду. Поддержав Еремея за спину, дали возможность ему выпрямиться во весь рост. Игнат ухватился за оконный переплет, подтянулся, перелез через подоконник и исчез в проеме. Спустя считанные секунды выглянул из окна и крикнул:

— Старуха без сознания, детей не видно!

В ответ Еремей прокричал:

— Ищи, они там! Побыстрее, времени мало!

Игнат снова скрылся. Через небольшой промежуток времени, показавшийся нам бесконечно долгим, он вновь появился, держа обоих детей на руках. Мы молниеносно растянули принесенный мной плащ. Игнат сбросил сначала одного ребенка, потом другого. Затем опять скрылся и, вновь показавшись, через мгновение сбросил старуху. Увы, она была уже мертва. Игнат впоследствии рассказал, что перепуганные дети залезли в сундук, стоявший в дальнем углу, и это спасло их от удушья. Детей подхватили заливающиеся слезами родители. Наконец, уцепившись за оконный переплет руками, спрыгнул на землю Игнат. Мы все вздохнули с облегчением. Тут раздался грохот обрушившегося перекрытия второго этажа. Объятый пламенем дом трещал, будто издавал предсмертные стоны. Мы молча возвращались в свой госпиталь. Местные жители с восхищением смотрели на нас, о чем-то переговариваясь. Лишь раз за всю дорогу Борщев в сердцах произнес:

— До смерти надоела эта чужбина, скорей бы к семье!

Когда подошли к калитке, Еремей, положив руку на плечо Игната, сказал:

— А ты молодец, парень! Но, случись что с тобой, я бы этого себе никогда не простил!

Вернувшись, мы помылись и нехотя принялись за ужин.

Раздался стук в дверь. Вошел солдат, выполнявший роль переводчика, и объявил:

— К вам просятся гости.

Выглянув в окно, мы увидели мужчину средних лет с мешком на плече, уже знакомую нам женщину и с ней двоих малышей. Это были дети, спасенные Игнатом. Выбежавший

Игнат проводил их в комнату. Когда все вошли, отец повернулся к детям и что-то сказал им. Они тут же встали на колени, а родители с глубокими поклонами шептали на своем языке какие-то слова.

— Они благодарят вас, — сказал переводчик, — всю жизнь будут молиться за вас!

Я и Миша не выдержали, вскочили, подняли детей на руки и прижали их к себе. Они смотрели на нас круглыми черными глазами с голубыми белками и улыбались.

Отец опустил мешок и, обратившись к переводчику, что-то проговорил.

— Они принесли небольшой подарок и просят его принять. Отец торгует шелком, у него своя лавка, — объяснил наш посредник.

Борцев осторожно опустил малыша и не без любопытства взял мешок. Там оказалось четыре бутылки английского виски и несколько шелковых платьев.

— Виски берем, остальное пусть забирают! — грубовато отрезал Еремей.

— Нехорошо, люди от чистого сердца, а ты грубишь! — одернул его Михаил своим хриплым голосом, опустил мешок и поблагодарил за подарок.

Когда посетители удалились, Миша вытащил из мешка одно платье. Игнат поднес поближе свечу, и мы увидели прекрасное изделие, вызвавшее у всех восторг. Тусклый свет свечи не смог скрыть прелесть красиво сшитого платья из нежнейшего китайского шелка небесного цвета, украшенного замысловатыми рисунками. Я разглядывал его и вдруг что-то внутри у меня заняло. Я вспомнил Лизу и подумал: «Как бы подошло это платье к ее голубым глазам». Все мы молча смотрели на эту красоту, и, наверное, такая же тоска, как у меня, нахлынула на всех.

Первым очнулся Еремей и тут же распорядился:

— Зови переводчика, давай сюда бутылки, накрывай стол!

Игнат выскочил из комнаты выполнять задание, я кинулся накрывать стол. Когда Игнат с переводчиком вернулись, на столе уже была собрана скудная закуска. Откупорили бутылки, с удовольствием выпили крепчайший напиток и сразу повеселели. Начался громкий разговор. Попытались даже спеть песню. Но нас скоро призвали к порядку, и мы с неохотой разбрелись по своим местам.

Прошло несколько дней после этих событий. Ранним ут-

ром пятого октября обитатели нашего госпиталя были разбужены ревом въехавших в наш дворик студебеккеров. Всю ночь лил дождь, как из ведра. От духоты и повышенной влажности дышать было нечем. Все окна и двери были распахнуты. Услышав гул, я вскочил с постели и бросился к окну. Из кабины остановившегося у моего окна грузовика медленно сползал толстый, крупнолицый майор, раскрасневшийся от жары. Заметив меня, спросил:

— Где ваше начальство?

— Сию минуту! — откликнулся я, быстро оделся, сунув босые ноги в сапоги и, на ходу затягивая ремень, выбежал во двор. Вытянувшись по стойке «смирно», представился майору и пригласил его в дом.

— Поскорее разыщите старшего офицера, время не терпит! — потребовал он.

Я помчался звать оставшуюся за главврача лейтенанта медицинской службы Галину Михайловну. Она знала о прибытии транспорта, несмотря на такую рань, была в полной форме и сразу последовала за мной. Вместе вошли мы в комнату, где ждал нас утренний гость. Он встал и отрекомендовался:

— Майор Барабаш из особого отдела.

Моя начальница, представившись и доложив обстановку, пожаловалась:

— Заждались вас, сил уже нет тут оставаться!

Майор жестом указал Галине Михайловне на стул, присел сам и, постукивая по столу короткими толстыми пальцами, сказал:

— Пока мы до вас добирались, там в одной части случилось ЧП. Из-под ареста сбежали камикадзе. Им удалось разоружить охрану, захватить оружие, боеприпасы и скрыться.

— Извините, товарищ майор, как вы сказали — Капа-надзе? Грузины что ли? — спросил я пораженный.

— Какие там грузины! — метнул на меня взгляд майор. — Так японцы называют своих смертников. Об этом происшествии мы узнали в небольшом селении километрах в пятидесяти отсюда, название которого я не знаю. Оно и не значится на наших картах. Как раз там беглецов настигла погоня. Еще слышалась стрельба. Дорога была перекрыта нашими бойцами. Нас пропустили, предупредив, что путь будет открыт не раньше, как к десяти утра. Поэтому прошу вас подготовиться к отъезду к двенадцати часам. И еще просьба — накормить охрану, да и меня, не возражал бы.

Мы вышли, оставив майора одного. Все было сделано, как велел наш долгожданный гость. В одну машину погрузили имущество. Туда же поместились солдаты и два автоматчика, хранявшие наш госпиталь. В кабину села Галина Михайловна. Во второй — расположились остальные, и в назначенное время студебекеры двинулись в дорогу. Настроение у всех было радостное. Перед нами лежал путь к родному дому. Первый раз за многие годы нас везли не снова в пекло, а туда, куда многие так и не дошли. Когда проезжали через деревню, слышали приветственные возгласы жителей, выпавших нас провожать. Машины были под тентом, наша четверка сидела в глубине, у самой кабины, и нам ничего не было видно. Наверное, среди провожавших были и спасенные нами дети. Захотелось их еще раз увидеть, но для этого нужно было остановить машину, чего нам никто бы не разрешил.

Транспорт двигался на малой скорости. Отъехав километров за сорок от деревни, услышали редкие выстрелы. Обогнув невысокий холм, грузовики вышли на прямую дорогу. Недалеке показался бронетранспортер, перекрывший проезд. Когда передняя машина приблизилась к нему, из кабины выпрыгнул сержант и подошел к вышедшему навстречу майору. После короткого разговора майор направился к автомашине, в которой находилась охрана, и дал команду:

— Всем, у кого есть оружие, выйти и стать в строй! Остальным оставаться на месте!

К четырем бойцам, прибывшим с майором, присоединились и два наших автоматчика, я с автоматом и санитарной сумкой и еще Еремей с пистолетом, который хранил тайно. Сержант быстро зашагал вперед. Мы во главе с майором последовали за ним. Впереди открылось небольшое село, окруженное возделанными полями гаоляна и чумызы. Недалеко от проезжей дороги — на юру, среди желтых березок, виднелась покрытая черепицей глинобитная фанза с маленькими окнами. Когда мы оказались в опасной зоне, послышалась команда:

— Дальше двигаться по-пластунски!

По мокротравью и по лужам мы, наконец, доползли до бойцов, залегших в высокой траве. И тут услышали доносившееся из фанзы монотонное, заунывное пение.

— Что еще за концерт! — воскликнул Еремей.

Лежавший рядом солдат в плаще, с покрытой капюшном головой сказал:

— Что-то перестали отстреливаться. Видать, кончились

патроны. Поют свою замогильную песню. Готовятся богу душу отдать.

Чтобы осмотреться в высокой траве, пришлось привстать, и я увидел лежавших на полянке перед фанзой троих убитых солдат.

— Как это случилось? — спросил лежавшего рядом бойца.

— Да поздно нас бросили в погоню, — простуженным голосом ответил он, — почти сутки рыскали в открытом поле под проливным дождем, не могли напасть на след. А тут фанза. Послали этих ребят разведать. То ли по неопытности, то ли из-за смертельной усталости они забыли о предосторожности, и вот бедняги поплатились. Позиция у японцев выгодная — с четырех сторон открытая местность. Есть автоматы и гранаты. Ближко не подпускают, малейшее наше движение — огонь. Приказ командира — выждать. У них тоже нервы не железные. А теперь завыли, вроде с жизнью прощаются. Не верю я им, хитрые, сволочи!

Ощущение было мерзкое. Второй час лежал я в мокрой траве, да еще после броска на пузе по лужам. Озяб... А эта леденившая кровь предсмертная песня, да еще вкравшийся в сознание страх получить пулю в лоб, когда войне пришел конец и так близко к родному дому... Не дай господи! И я машинально уткнулся носом в землю.

Налетевший ветер рассеял тучи, выглянуло желтое солнце, ярким светом залив фанзу и окружавшую ее полянку. Будто софиты осветили сцену для представления. Солнце немного нас пригрело, но нервное напряжение не отпускало. Нескончаемой казалась зловещая тишина. Находившиеся много часов в засаде бойцы уже свыклись с обстановкой. Некурящие дремали, а курящие повытаскивали кисеты с самосадом, свертывали козьи ножки, угощали и меня, но тут раздались предостерегающие слова:

— Отставить! Пули захотелось?

Вдруг тишину нарушил скрежет давно не мазанных дверных петель. К нашему изумлению, на полянку стремительно выбежал японец, совсем еще молодой, с оголенным по пояс бледно-желтым мускулистым телом, с лицом, коричневым от загара, со слипшимися от пота волосами, обезумевшими глазами, он выкрикивал какие-то слова. В правой руке нервно сжимал кухонный нож. Я сразу понял, что вижу перед собой смертника — камикадзе, скорее похожего на загнанного зверя, чем на человека. Забыв о предосторожности, не только я,

но и остальные бойцы повскакивали и, укрываясь за редкими деревьями, стали наблюдать за ним.

— Не стрелять! — раздалась громкая команда.

Оказавшись в середине поляны, смертник на мгновение застыл на месте. Прищуриль глаза, он стал смотреть на солнце. Кто знает, о чем думалось ему в эти предсмертные минуты. Может, в душе прощался со своим богом? Ох, как он был еще молод, сколько в нем еще было нерастратенных сил. Вдруг, взмахнув блеснувшим на солнце ножом, камикадзе, громким голосом издав воинственный клич, сильным ударом вонзил его себе в полость живота. У кого-то из наших сдали нервы. Раздалась автоматная очередь. Не успев до конца распороть свой живот, прохрипев, японец упал на спину. Черная рукоятка ножа осталась торчать в теле, залитом алой кровью.

Не успев опомниться от этого страшного зрелища, мы увидели как с такой же стремительностью на поляну выскочил второй смертник, словно близнец, похожий на первого. Такой же молодой, крепкого телосложения, по пояс оголенный, тоже выкрикивавший непонятные слова.

— Чего это они по одиночке выскакивают? — воскликнул я.

— Видать у них всего один нож на всех, без этого хакакири не сделать! — предположил кто-то из близстоящих.

Японец остановился перед своим соотечественником, истекавшим кровью. Дикими глазами то смотрел на него, то озирался вокруг. Что-то бормотал про себя, может, молился, может, слал проклятия. В это время лежавший на земле японец, в котором еще чуть тлела жизнь, зашевелился, нечеловеческим усилием приподнял голову и что-то прошептал. И тут случилось невероятное. Второй камикадзе внезапно нагнулся, схватился за черную рукоятку ножа, резко выдернул его и сильным, точным ударом всадил в самое сердце умирающего. Думаю, не только меня, но и других наших ребят бросило в холодный пот. Тут уж у многих не хватило выдержки. Со всех сторон одновременно раздалась пальба. Молодой японец, так и не разогнувшись, замертво свалился на землю, не успев сделать себе хакакири. После этого из фанзы раздались поочередно два выстрела, и опять наступила гробовая тишина.

— Сержант Бабаев, проверить! Голову не подставлять, возможна провокация! — отдал приказ капитан, возглавлявший операцию.

Из числа лежавших в траве выделился невысокого ро-

ста боец. Ловко работая локтями, он быстро подполз к распахнутой двери фанзы. Заглянув вовнутрь, громко крикнул:

— Самураям капут!

Без всякой команды солдаты повскакали и бросились в фанзу. Я оказался среди первых, перешагнувших порог последней крепости японцев. Картина открылась еще более ужасающая. На глиняном полу валялись два трупа. У одного кровь сочилась из пулевой раны во лбу, у другого — с правого виска. По-видимому, один застрелил другого, а потом застрелился сам. Когда глаза свыклись с полумраком, царившим внутри помещения, в глубине увидели освещенный из маленького окна снопом золотистого солнечного света труп молодой женщины. Распущенные длинные каштановые волосы разметались по полу, из-под подола платья виднелись загоревшие длинные ноги. Платье было такого же цвета, с такими же рисунками, как подаренные нам китайцами за спасение детей. Багровые пятна вокруг обугленных пулевых ран напоминали багрово-красные маки с черной сердцевинкой. Нежнейший китайский шелк небесного цвета, усыпанный этими багрово-красными «маками», прикрывал тело молодой женщины, безвременной лишенной жизни. Почему? Для чего? Какую она представляла опасность? Схватившись за голову, я выскочил из помещения.

Протер глаза, ослепленный светом после полумрака фанзы, осмотрелся. Солнце безучастно сияло между кучевыми облаками, освещая жавшиеся друг к другу березы, стены глинобитной фанзы и ту полянку. С болью посмотрел я на трех убитых наших солдат, на трупы японцев; из их глубоких ран еще сочилась кровь. Острыми ножами вонзились в мой мозг душераздирающие вопросы: «Почему? Зачем? Кому все это нужно?!» Ответа, увы, найти я не мог.

Силы мои были на пределе. Я разыскал Еремея, и мы двинулись к ожидавшей нас машине. Не то что говорить, видеть никого не хотелось...

Заметив тень глубокой усталости на лице моего попутчика, я предложил ему:

— Давайте немного перекусим и передохнем.

Лицо его озарилось доброй улыбкой:

— Да, пора и честь знать, глаголю без умолку всю дорогу.

Закончив трапезу, мы легли. Украдкой наблюдая за ним, я думал: «На этом он, конечно, не остановится, впереди должен быть финал».

Отдохнув, мой сосед, как я и предполагал, продолжил свой рассказ:

— В конце ноября наш эшелон благополучно прибыл в столицу, охваченную великой радостью победы. На Ярославском вокзале, куда был подан наш состав, было много людей. Гремел духовой оркестр. Счастливые улыбки, смех, слезы радости. Многие прибывшие с нами были уроженцами Москвы или Подмоскovie. Сердечными объятиями встречала их заждавшаяся родня.

Демобилизация. Выполнены все формальности, получен билет на проезд и сухой паек на дорогу. Еще ночь — и все мы разъедемся по родным местам.

Так неожиданно просто закончилась для меня война. У входа в помещение, где выдали нам все бумаги, с вещмешками на плечах стояла в задумчивости наша дружная четверка. В душу вкралось какое-то смятение. Этот необстрелянный, чистенький лейтенант, оформивший документы по демобилизации, одним росчерком пера не только освободил нас от воинской повинности, но лишил уже привычных мытарств военных лет, столкнул на волю, нами забытую и ставшую давно чужой. Стояли в молчании. Не верилось — как же так? Неужели и вправду все уже позади?

Но миг смятения быстро прошел. «Ура! Братцы, с войной покончено!» — заорал вдруг раньше всех пришедший в себя Еремей и вывел нас из оцепенения.

Лица моих друзей озарились счастливыми улыбками. Тут Еремей стремительным движением выхватил у Игната мешок с платьями, пересчитал их и тоном, не допускавшим возражений, скомандовал:

-- Здесь десять платьев. Каждому по две штуки. Ответьте своим бабам. Остальные два поручается Михаилу и Игнату обменять на горючее. В двадцать ноль-ноль устраиваем прощальный банкет на вокзале. Там и переночуем. Вопросы есть? — закончил он в радостном возбуждении. И сам же себе ответил: — Вопросов нет! Пошли определяться с местом!

Вошли в помещение вокзала, поднялись на второй этаж — там теперь расположены билетные кассы. Облюбовали угол, потеснили лежавших там людей, постелили плащ и разложили свое убогое имущество.

Первым ушел Еремей, объявив, что собрался к своему фронтовому другу. Потом — я, захватив с собой одно платье, завернутое в газету. Игнат и Михаил остались выполнять полученное задание.

И вот я один на большой и людной площади. Легко и безмятежно на душе. Какое тяжкое бремя сброшено с плеч. Ни команд, ни приказов, ни взрывов, ни покойников. Все позади. Какое счастье ощущать себя живым, здоровым, видеть солнце, быть причастным к людскому муравейнику, двигаться свободно, по своему желанию.

Вы уже догадываетесь, что первое, о чем подумалось было намерение разыскать Лизу. Так я и сделал.

Знакомая мраморная лестница, второй этаж, дверь, выкрашенная в коричневый цвет, тот же звонок. Все тут по-прежнему. С трепетом нажал на кнопку. Долгим показалось ожидание, прежде чем послышался скрежет отодвигаемой задвижки. Дверь чуть-чуть приоткрылась, и я увидел худенькую, сгорбившуюся старушку во всем черном, с застывшими глазами. «Неужели это Нина Ивановна?» — с горечью подумал я.

— Здравствуйте, Нина Ивановна! Простите, вы, наверное, не узнали меня. Перед началом войны я был у вас в гостях. Я знакомый вашей старшей дочери Лизы, — выговорил я, едва сдерживая волнение.

— Не могу вспомнить, заходите! У вас дело какое? — произнесла она тихим голосом.

В прихожей было все по-старому.

Нина Ивановна выключила свет и прошла в столовую. Сбросив шинель, я последовал за ней со свертком под мышкой.

В столовой было довольно темно и увидеть ничего не удалось. Но в памяти сразу воскрес тот чудесный день, когда в этой солнцем и радушием наполненной комнате провел я несколько счастливых часов.

Пройдя через узкий коридор, мы оказались в просторной кухне. Я огляделся. У стенки — столик, покрытый зеленой клеенкой, а на ней бутылка с подсолнечным маслом, хлебница с тонко нарезанными кусками ржаного хлеба. В чугунной сковородке жареная картошка. Я присел на стул, указанный Ниной Ивановной. Весь ее облик явственно говорил о пережитых страданиях. Я счел неуместным задавать ей вопросы:

— Вы хотите повидать Лизочку? — спросила она и, посмотрев на ходики, висящие над столиком, сказала:

— Она будет ровно через час.

А я смотрел на ломти черного хлеба, на эту бутылку с остатками постного масла и думал: «Какой же я идиот, кому

нужно это платье, когда люди впроголодь живут. А у меня в вещмешке столько еды». Сказав, что у меня небольшое дело, я ушел.

На вокзале я вытащил из вещмешка чистую нателъную рубаху и сложил в нее тушенку, колбасу, буханку хлеба, плавленный сыр, чай, сахар. Туда же бросил оставшееся платье, решив преподнести его Танечке. Когда я закончил свое дело, доселе молча наблюдавший за мной Игнат произнес:

— Ты, брат, вижу, затеял серьезную операцию. На, возьми бутылку водки.

Потом вытащил небольшую коробку мармелада и тоже протянул мне.

— Может, дать тебе еще платье? — с добродушной улыбкой предложил он.

— Спасибо, друг, не надо, — ответил я. Бутылку засунул в карман шинели, коробку с мармеладом положил в рубаху и быстрыми шагами двинулся к выходу. И хотя был занят совершенно другим, не мог не подумать с благодарностью о своем друге Игнате — до чего же он добрый и чистый парень, его и всйна не опалила.

И вот опять я у Нины Ивановны. Вытряхнув на стол продукты, с довольным видом взглянул на нее. Но она без всякого энтузиазма произнесла:

— Ну зачем вы беспокоились? Мы уже привыкли, нам много не надо!

— Нина Ивановна, милая! Войны-то больше нет, кончилась. Разве мы не имеем права устроить небольшой пир? — воскликнул я.

Она ничего не ответила, тяжело вздохнула и занялась приготовлением ужина.

Ровно в семь раздался звонок.

— Идите! Откройте! — сказала Нина Ивановна. — Это Лиза.

Я быстро отодвинул задвижку. Дверь открылась. Сердце мое сжалось. Передо мной стояла Лиза, живая и невредимая, немного пополневшая. Она была все так же обаятельна и, несмотря на простенькую одежду, сияла своей зрелой женской красотой. От неожиданности Лиза опешила. А я взял сверток с платьем, развернул, принял торжественную позу и изрек:

— Многоуважаемая Елизавета Матвеевна! По примеру знаменитого адмирала Нельсона, трофей привез не в Лондон, то есть не в Тбилиси, а к вашим ногам. — И вручил ей свой

подарок. Она улыбнулась, прикинула к себе платье. Небесный цвет нежнейшего китайского шелка очень шел к ее голубым глазам.

— А это Танечке, — и я протянул второе платье.

— Тани больше нет, — глухим голосом произнесла Лиза.

— Как это? — пролепетал я.

Лиза повела меня в столовую, зажгла свет.

— Вот смотри, — указала на стенку, где висели четыре фотопортрета.

Я сразу узнал Матвея Васильевича; рядом был снимок незнакомого капитана с наградами на груди — мужа Лизы; потом — портрет Танечки и на самом краю — фотография маленького, смеющегося мальчика.

— Нет их больше. Будь трижды проклята эта война! — произнесла Лиза с горечью и озлоблением.

У меня пересохло в горле. Что сказать в утешение, где найти такие слова?..

— Хватит, — раздался неожиданно властный голос Нины Ивановны, — не терзай себя и человека, ужин остыл.

Мы молча пошли к столу.

— Отец наш мог и не идти на фронт, — как бы про себя печально промолвила Нина Ивановна. — Он же работал на военном заводе. У него была броня. Я ему говорила: угомонись, чего ты рвешься на передовую, ты же не молодой, разве не хватит на одну жизнь, всю гражданскую прошел, был ранен. Не послушался, ушел в ополчение и под Можайском сложил голову. Там и похоронен в братской могиле.

— Что мы пережили! — Лиза печально посмотрела на меня. — Мама свалилась с крупозным воспалением легких. Я работала по 14 часов в сутки. За месяц до гибели папы решили отправить моего сыночка Ванечку вместе с Таней в деревню, к маминой сестре. Голодно было тогда в Москве. Тетя писала, что у них в деревне легче. Ванечке было три года. Поезд, который вез их, попал под бомбежку... А потом уже в самом конце войны под Берлином погиб мой муж...

— Вот и остались мы вдвоем горе хлебать. Даже могил нет, куда сходить, душу отвести, — Нина Ивановна сомкнула губы, пытаясь подавить рыдания, и вышла из кухни.

Ходики уже показывали одиннадцатый час. Надо было уходить. Но Лиза не отпускала.

И я остался. В столовой у окна на диване была постла-
на постель.

Луна заливала своим мерцающим светом фотографии на стене. Стало как-то не по себе. Тщетно пытался я преодолеть гнетущие мысли. Урывками сон затуманивал сознание. Но и во сне не было спасения. Сначала Ванечка предстал передо мной с протянутыми кверху ручонками, словно моля о пощаде. Потом Танечка, требующая у меня китайское шелковое платье. Затем снова провал, и вдруг перед моими глазами встал древний Гелатский собор, с куполом, освещенным той же луной... Над распахнутыми воротами светилась надпись — «Фотовыставка». И какая-то неведомая сила втокнула меня внутрь собора. О, боже, что я увидел... Все стены, от пола до свода, были завешаны фотопортретами, и все с углами, обтянутыми траурной лентой. Даже на иконостасе, прикрывая лики святых, висели фотографии. Бледно-желтый лунный свет, проникавший через узкие оконные прорезы, тускло освещал развешанные снимки. Стояла могильная тишина. Я с трепетом всматривался в запечатленные на фотографиях лица, но знакомых среди них не находил. «Откуда взялись подвижники, собравшие такую массу фотоснимков? Почему местом выставки избрано святилище? — задавал я себе вопросы и сам же отвечал: — Все верно! Разве образ каждого, попавшего на эту священную выставку, не есть святая святых для всех живущих на земле?

Но почему я здесь? Ведь тут нет никого из близких мне людей. Стал вглядываться более внимательно. Ах, вот они! Нашел и даже обрадовался. Чему? Удивительно устроен человек... Первым заметил своего Витю Глебова. Вот еще сохранившиеся в памяти лица солдат, для которых я был последним близким человеком. Но тут не все. Где же остальные? И вот, наконец, портрет Матвея Васильевича, а рядом его юная дочь, внук, зять. И снова лица, лица...

Не стало больше моих и чужих. Тут не может быть исключения — все кровно наши, перед которыми в неоплатном долгу живущие ныне и те, которые будут жить в грядущем; нас, случайно уцелевших, вечно будет томить вина, что мы живы, а их нет, что они безвременно канули в неизвестность, и от каждого остался лишь фотопортрет — схваченный миг утраченного бытия...

Вдруг царившую в соборе могильную тишину нарушил приглушенный бас откуда-то взявшегося священника нашей деревенской церкви, отца Парнаоза, бормотавшего молитву

за усопших и размахивавшего кадиллом. «И смертью смерть поправ» — почему-то эти слова он произносил особенно внятно и многократно.

Все это было как наяву. Проснулся я в холодном поту. Вглянул в окно. Плывшая по черно-синему небосклону луна обдала меня холодным светом. Медленно приходил я в себя. «И смертью смерть поправ» — эти слова древней молитвы гудели в моем воспаленном мозгу.

Ах, если б это было так!

Потом я много раз мысленно возвращался к видению той мучительной ночи и меня терзала досада — ведь всего этого могло не быть... И сердце сжималось от мысли, что все это может снова повториться. Жизнь человека, как зажженная свеча. Почему же можно бездумно, без зазрения совести ее погасить, не дав догореть дотла? Почему?..

Раздался стук в дверь. В купе вошла проводница. Возвращая билет моему соседу, сообщила:

— Через тридцать минут — Ухта.

Поезд подошел к Ухте. Я помог своему попутчику вынести вещи. Встречал его сын, такой же рослый, сухопарый, с черными усиками и такими же орехового цвета глазами. Тут был и его друг Игнат. Они по-братски обнялись.

— Я тебя, Игнат Павлович, целиком выдал, вместе с твоей философией истории, — сказал ему мой сосед по купе.

— Удивил! Тебя хлебом не корми, дай поговорить, — дружелюбно улыбнулся тот.

Я возвратился в свое опустевшее купе. До Воркуты оставалось еще 13 часов пути.

г. Воркута.

ЖАВОРОНКИ ГЕЛАТИ

Поэты шли по монастырскому двору,
О чем-то там беседау степенно,
А над Гелати жаворонки пели
И жаловались липам на жару.

По озабоченным морщинам лился пот,
Поэты же его не замечали
И думали: «Вот нам бы их печали».
Нет, чтоб подумать: «Нам бы их полет».

БАЛЛАДА О КИСТЯХ

Ты хочешь влезть повыше? — Да, хочу.
И малевать умеешь? — Я рисую!
Ну что ж, пошли. Пошли, я заплачу.
Не бойся, не задаром же рискуешь.

Они пришли.

— Взгляни наверх. Ну как?

Да, купол цирка — это не мольберты.

Никто не лез. Ты первый вот, дурак.

— Я не дурак!

— Да ладно, в общем, первый.

И он полез. Все выше лез и лез.
Но нет, не страх он чувствовал, а счастье.
Леса качались, как под ветром лес.
Внизу

летали кольца и гимнасты.

На куполе, что был недавно пуст,
Скакали кони, рвались из уздечки,
Расцвел печально чайной розы куст,
Победно ярко запылали свечи.

Внизу внезапно стихли голоса,
От страха охнули бесстрашные артисты,
Увидели, как вбок ползут леса.
И тут раздался крик:

—Держись за кисти!

И кисти льнули каждым волоском,
Ворсинкой каждой к куполу прилипли,
Держали краски каждым их мазком
И каждой каплей преданной палитры.

И если слезы застили глаза,
В огне сгорает выстраданный листик,
И кажется — ни дальше, ни назад,
Пусть кто-то крикнет вам:

—Держись за кисти!

НОЧНОЙ ГОРОД

Пустынны улицы, мосты
Пустынны. Ночь. Часа четыре.
До непонятого просты
Все истины в пустынном мире.

Мелькнет далекий свет порой
Во тьме осиротелых улиц.
Какие всполохи дерзнули
Нарушить твой ночной покой?

На что я смог бы променять
Твои безмолвные укоры?
О, мой опустошенный город,
Ты ночью, знаю, ждешь меня.

Я окунаюсь в тишину,
Я прихожу в тебя, как в Мекку,
И, как звезда в реке, я меркну
В тебе. И нежусь, и тону.

Вот только день перетерпеть,
Обиды мелочные, споры.
И в ночь спешу к тебе, мой город,
И умираю я в тебе.

СОВРЕМЕННАЯ грузинская поэзия унаследовала богатые традиции поэзии 60—70-х годов, нравственную ответственность перед родиной и народом. Верная высоким идеалам, исполненная чувства гражданственности, патриотизма, она противопоставила определенного рода тенденциям общественного развития высокую сознательность и чувство долга.

Поэзия 60—70-х годов отличалась бескомпромиссностью, освещала те проблемы нашей реальности, которые тесно смыкались с жизненными интересами нации. Естественно, и в дальнейшем грузинская поэзия придерживается этой тематики. В последнее же время она обрела большую психологическую убедительность и социально - философскую масштабность благодаря значительному опыту, без учета которого трудно представить себе поэзию, отражающую духовные потребности современного общества.

Для современных грузинских поэтов всех поколений характерны общая радость и общая боль, что придает их произведениям действительную и непреходящую ценность.

Из всех сложнейших проблем и явлений, стоящих перед нашей поэзией, глав-

Гурам БЕНАШВИЛИ

О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

нейшая — человек, его внутренний мир. В произведениях грузинских поэтов раскрывается не только величие и героика нашей эпохи, но и диссонансы и противоречия, преодоление которых стало нашей основной задачей.

Сегодняшнее лицо поэзии определяют в основном поэты, творчество которых уже прочно вошло в сознание читателей. Именно в их художественных творениях мы с наибольшей полнотой ощущаем пульс эпохи.

Отрадно отметить тот факт, что еще более углубилось аналитическое постижение жизни в поэзии Ираклия Абашидзе. Он делится со своими современниками уроками реального духовного опыта, сожалея, что наш век утратил «невинность», «красоту» и «чистоту неба». Его поэтические эмоции заряжены необычайной энергией. В них нет и тени усталости, туманной грусти. Элегантные поэтические медитации заряжают читателя здоровым оптимизмом.

Литературный портрет Григола Абашидзе за последний период дополнился новыми штрихами. Поэт, для которого всегда было органично острое восприятие духовных и этических конфликтов, в более искренней и доступной форме делится с читателем своим жизненным опытом, своими открытиями, со всей полнотой раскрывает перед ним жизнь современника с ее необычайными сложностями и нравственными противоречиями. В его поэтических строках мы находим пронизанные грустью этические суждения и духовный поиск, которые зачастую характерны лишь для поры зрелости.

Значительную роль в грузинской поэзии последних лет играет поколение, к которому принадлежат такие поэты, как Мурман Лебанидзе, Мухран Мачавариани, Арчил Сулакаури, Шота Нишнианидзе, Отар Чиладзе, Морис Поцхишвили и другие. Их глубокие медитации значительны. Содержание поэтических произведений многообразно, что в корне исключает однообразие и монотонность мысли. Воплощенная в пластике слова поэтическая мысль динамично и колоритно передает то главное, что волнует поэтов. В их стихах затронута национальная и нравственная проблематика. Картины родной природы вызывают у них не просто пассивный восторг — они будят в душе поэта напряженнейшие эмоции, придающие новую глубину традиционной патриотической тематике.

В стихах Шота Нишнианидзе слово, возведенное на уровень философской метафоры, без показной сложности и вычурности стремится к высокому обобщению, к высотам, про-

ливающим свет на тайны мироздания и глубоко скрытые нравственные каноны.

Вновь с интересными поэтическими творениями предстал перед читателем Арчил Сулакаури. Его поэтические ассоциации воплотились в строки, покоряющие мастерством, искренностью, непосредственностью. На наш взгляд, поэт почти отошел от границ романтического видения мира. Он с глубоким интересом постигает явления повседневности, потаенные значения конкретных деталей, переменчивость и напряженнейшая динамика жизни не мешают ему видеть и удивительно точно отображать духовные ценности. Он очень тонко чувствует драматизм нашего времени, все более и более ослабевающие связи с природой, однообразие, губящее неповторимую жизнь человека, и среди прочего другого то, что человек перестает осознавать себя личностью. Несмотря на столь трезвый взгляд, он находит в себе силы верить в непроходящесть и чистоту любви и рыцарства, поскольку ему прекрасно известно, что судьба поэта — рукопашный бой с безнадежностью и отчаянием.

Значительно возрос уровень мастерства современных грузинских поэтов — факт, который не может отрицать даже скептически настроенный читатель. И все же, несмотря на это, все более определенной становится необходимость преодоления, даже некоего «разрушения» действующих поэтических канонов. В моих словах можно усмотреть как бы противоречивость, но это лишь на первый взгляд. Достаточно внимательнее приглядеться к современной поэзии, чтобы заметить (за редким исключением) нивелирование поэтической формы. Если подходить с этих позиций, можно и не увидеть четкой грани между поэтом и «рифмоплетом». Определяющие признаки сегодняшнего грузинского стиха в пределах того поэтического закона, в котором он развивается, стали всеобщим достоянием.

В современной грузинской поэзии (имеются в виду последние пять лет) стало заметно больше стихов общего содержания. Бытовые детали, словесные орнаменты создают видимость значительности, но мысль и чувство отсутствуют в них, не свершается чудо поэзии. Слово и мысль часто далеки друг от друга, иной раз слово даже теряет смысловую нагрузку... Возникает словарь избранных «поэтических» слов, поэтика так называемых «поэтизмов», истоки которых — в ложно истолкованной традиции.

При чтении созданных по так называемому музыкально-

му принципу строк возникает мысль, будто это «поэтическое волшебство» создают собственно слова.

Но это — иллюзия, потому что в такого рода поэзии почти игнорируются семантика слов и их лирическое соответствие, и таким образом связь между словом и предметным миром носит опосредованный характер. Мы уже не говорим о том, что в специфическую форму должно быть облечено особое содержание. В настоящий момент идет имитация внешней формы, абсолютно оторванной от содержания, и этот процесс, к сожалению, обретает даже некую «рафинированность»...

Сила подобной поэтической инерции более всего ощущима на том участке современной поэзии, который условно зовется «гражданской лирикой». Печально, но факт, что в стихах многих поэтов превалирует ложная патетика, гиперболизированная образность, то есть то, что было выработано в определенной исторической ситуации и сейчас продолжает свое существование по инерции.

Грузинские поэты всегда принимали живое участие в общественной жизни. Не было более или менее значительной проблемы или явления, на которую не откликнулись бы наши писатели. Но надо прямо сказать и то, что мало у нас стихов на гражданскую тему, которые по своим эстетико-художественным достоинствам могли бы соперничать с образцами, скажем, интимной лирики. Главной причиной этого, на наш взгляд, является то, что часть грузинских поэтов ревностно хранит верность «традициям», о чем мы говорили выше.

Разумеется, образцы гражданской лирики довольно часто появляются в нашей прессе — стихи, посвященные революционному прошлому нашего народа, Великой Отечественной войне, героям мирного труда... Тут можно назвать произведения таких поэтов, как Т. Джангулашвили, А. Гецадзе, О. Шаламберидзе, В. Горганели, Д. Ивардава, Н. Нарсия и других. Говоря по правде, большая часть их оставляет впечатление написанных наспех. Возьмем, к примеру, стихи, посвященные историко-революционным датам. Мы знаем, за каждой датой стоят великие переломы, бури, выдающиеся трагические явления, которые представляют, безусловно, очень интересный материал для размышлений, художественно-эстетических обобщений. И грустно, когда этот богатейший материал остается неиспользованным. Почему-то стихи, написанные на эту тему, не волнуют так, как должны были бы волновать. Реже встречаются, но все же встречаются стихотворения, несущие на себе печать личного участия автора в исто-

рических событиях и поэтому звучащие несколько иначе, чем те, о которых мы говорили выше.

На XXVII съезде КПСС Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачевым было сказано: «Ни партия, ни народ не нуждаются в парадном многописании и мелком бытокопательстве, в конъюнктурщине и делячестве. Общество ждет от писателя художественных открытий, правды жизни, которая всегда была сутью настоящего искусства».

Критики часто и с видимым удовлетворением хвалят и славословят поэтов. Поэты, наши современники, и в самом деле создают немало прекрасных произведений, которые находят отклик у читателя, доставляют ему эстетическое наслаждение. Но даже в самых хороших стихах, с успехом выполняющих возложенную на них сиюминутную функцию, мало таких, которые обладали бы потенциальными возможностями с точки зрения дальнейшего развития грузинской поэзии, иначе говоря — несли бы в себе элементы, преобразующие действующие поэтические законы, открывающие новые перспективы. Этот вопрос волнует каждого заинтересованного в судьбе грузинской поэзии человека. Может быть, в связи с этим уместно было бы вспомнить парадоксальное высказывание Юрия Тынянова, который говорил: когда все поэты пишут хорошо, гениален тот, кто пишет плохо. В этом случае парадоксальна только форма высказывания, суть же в том, что на традиционном фоне «хорошего» «плохой» стих воспринимается как нечто новое.

Прошедшие годы убедили нас в том, что в грузинской поэзии очень сильна тенденция к обновлению, которая, с одной стороны, связана с возобновлением творческой активности старшего поколения, с выявлением новых творческих пластов в их поэтике, с другой же стороны — с поисками среднего и младшего поколения, проявляющимися в новаторской трансформации поэтического наследия и усвоении достижений мировой поэзии.

Часть поэтов, и это весьма заметно, в поисках обновляющих истоков вернулись к опыту классической поэзии. Возрождение принципов классической поэтики приняло вид новаций в качественно отличной литературной атмосфере.

По-новому звучат в творчестве современных поэтов элементы классической поэтики. Исчезает несоответствие между словом и мыслью. В то время, как иные поэты культивируют усложненные поэтические средства, метафорически-ассоциативное мышление, эта часть художников ориентируется на яс-

ный стиль и мышление как производные совершенной простоты. Божественная простота — весьма характерная эстетическая формула для творчества целого ряда современных поэтов. Она выявляет творческий идеал одного, достаточно сильного, потока грузинской поэзии. Без освоения этой значительной концепции непредставима связь поколений, наследственность, непрерывность развития.

Невозможно не отметить ту поистине обновляющую роль, какую играет для современных поэтов поэзия Д. Гурамишвили, Ак. Церетели и других грузинских классиков. Своеобразное обращение к сегодняшней действительности таких поэтов-лириков, как Г. Гегечкори, Э. Квиташвили, которое именно в последние годы дало свои замечательные плоды, в значительной степени обусловлено обращением к художественному наследию великих предков.

Грузинская критика отметила те новшества и изменения, которые произошли за последний период в творчестве Джансуга Чарквиани. Они обусловлены глубоким пониманием назначения национальной классической поэзии, которое и определяет творческий принцип поэта. Гражданская тема и раньше звучала в лирике Джансуга Чарквиани, но сегодня она приняла широкие масштабы — взор поэта проникает в глубь тех явлений действительности, которые раньше не признавались им темой для поэзии. Еще более важно изменение отношения к действительности. Романтик словно бы уступил место суровому реалисту, который не только наслаждается радостями жизни, а ищет ее глубокий смысл, обращая колючие слова правды и к самому себе, и к читателю. Все его творчество пронизывает мысль о том, что предметом поэзии является не только прекрасное, но и правда, разноцветье слов уступает место точности слова, которая становится определяющей для «новой поэтики» Джансуга Чарквиани.

Взяла ориентир на классическую простоту и Иза Орджоникидзе. Ее стихи лишней раз подтверждают истину: если не гнаться за «красивыми» словами, а попытаться просто передать конкретные чувства, можно достичь много большего. Ее поэтический язык лишен манерности, самолюбования, рассчитанного на эффект.

Обращение к классической поэтике заметно и в творчестве М. Подхишвили, Р. Амашукели, Т. Бекишвили, Т. Мебуришвили, М. Джгубурия, Г. Алхазисвили и других.

За последние годы грузинские поэты обращались и к другим средствам обновления поэтических законов, и поиски эти

относятся к началу 70-х годов. Признаки наступившего к этому времени кризиса раньше критиков заметили сами поэты. Они по-своему попытались изнутри «взорвать» поэтические законы, в разработку которых они сами внесли немалый вклад. Это была иронично-пародийная струя в грузинской поэзии, принципиально верными которой остались Т. Чантурия и В. Джавахадзе. Их поиски постепенно отдалились от грани эксперимента. Они последовательно пытаются утвердить новое представление о поэзии, ее характере и средствах изображения.

И все же, что обусловило усиление этой тенденции в наших условиях: продиктована ли она нуждами грузинской поэзии или это еще одно подтверждение того глобального явления XX века, которое Томас Манн сформулировал примерно так: все средства искусства и его условность сегодня пригодны только для пародии.

Усиление иронично-пародийной поэзии у нас, возможно, обусловлено обоими этими моментами, которые реально взаимосвязаны.

Современный человек аналитически подходит к пониманию мира, ему недостает той непосредственности, наивности, вне которых не существует искусства, таким образом пародирование — форма, продиктованная самим временем. С другой стороны, пародийный стиль обладает внутренней потенцией для преодоления избыточных стереотипов и клише, и это, на наш взгляд, фактор, который не следует сбрасывать со счетов.

Существуют разные мнения по поводу иронично-пародийной поэзии, и если иные связывают ее с перспективами обновления грузинской поэзии, то другие видят в ней посягательство на святая святых и опасность отхода от национально-поэтических традиций. Сам по себе тот факт, что Т. Чантурия и В. Джавахадзе — признанные читателем поэты — с 70-х годов резко изменили свои творческие принципы и вот уже 15 лет последовательно утверждают их в нашей поэзии, требует особого изучения как с точки зрения генезиса, так и с точки зрения перспектив. Наверное, настало время для серьезной и вдумчивой беседы по этому вопросу, который поможет выработке единого мнения и правильной ориентации читателя, дезориентированного в настоящее время псевдоавангардистскими художественными моделями, которые, к сожалению, нередки в нашей литературной периодике.

Следует упомянуть еще об одной ярко выраженной тен-

денции, которая находит широкий отклик, особенно в последние годы. Речь идет об утверждении свободного стиха, которое, по мнению большинства, ставит своей задачей преодоление инерции в грузинской поэзии.

Все мы помним страстную полемику вокруг верлибра в нашей периодике, эхо которой, между прочим, до сих пор не смолкло. В конце концов, какую роль играет в преодолении этой инерции верлибр и к чему стремятся последователи этой формы стиха. Рассуждая объективно, верлибр по структуре — ориентированное на прозу производное поэзии, он стремится к обновлению нивелированной стихотворной формы путем сближения с противоположной конструкцией, то есть прозой. Естественно, что процесс этот обратим и зависит от направления поэзии и прозы на том или ином этапе развития национальной литературы. Если в 20-е годы грузинская проза преодолела кризис, причастившись поэзии (К. Гамсахурдиа, Н. Лордкипанидзе, Д. Шенгелая), то в 50-е годы поэзия обратилась к элементам прозы. Как выясняется, верлибр как бы углубляет этот процесс. По той же логике в недалеком будущем верлибр, возможно, создаст нужный фон для нового восприятия и чувствования конвенционного стиха. Верлибр в современной грузинской поэзии нуждается не столько в общетеоретических рассуждениях, сколько в конкретном подходе и анализе. Должны ли писать грузинские поэты свободным стихом — это затасканная проблема, давно уже создается множество таких произведений, и достоинства их общепризнаны.

В каком состоянии сегодня грузинский верлибр, чего достиг он, какие недостатки проявляются на пути овладения этой формой? Правомочность верлибра в грузинской поэзии подтверждает творчество некоторых поэтов, среди которых назовем Б. Харанаули.

О его творчестве написано немало интересных статей. Немало сказано о своеобразии его художественного мышления и поэтической формы. Б. Харанаули обращается непосредственно к действительности, смотрит в глаза правде жизни, внутренне переживая ее. Его стихи правдиво отражают и нашу действительность, и раскрывают душу человека. Назначение стиха он видит в том, чтоб «превратить уличный шум в поэзию», найти ту точку индивидуального восприятия, в которой сольются поэзия и правда. За обыкновенными предметами и явлениями он видит сущностные их признаки. Лирический герой Б. Харанаули, поэзия которого не отличает-

ся мажорностью, всегда находит в читателе сопереживание своим сомнениям, страданиям, боли. Но вместе с тем поэзия Б. Харанаули укрепляет в нас чувство человеческого достоинства и надежду. Лишенная манерничанья и лжехудожественности, она вызывает глубокий интерес. Единственным союзником поэта является точное слово, только оно может раскрыть перед читателем внутренний мир личности.

Но под пером многочисленных подражателей Б. Харанаули верлибр теряет всю свою притягательность. Создалось ошибочное мнение, что свободный стих — это непритязательный рассказ о каком-либо жизненном эпизоде или движении человеческой души, разбитый на стихотворные строки. С претензией на верлибр пишутся и печатаются беспомощные строки, ничего общего не имеющие с поэзией. Ясно, что к множеству таких псевдостихов читатель относится весьма скептически, и отношение это распространяется на свободный стих в целом.

Надо отметить, что в грузинском верлибре заметна и другая тенденция, когда акцент делается на усложненном метафорически-ассоциативном мышлении. Эта тенденция наиболее полно проявляет себя в стихах Л. Стуруа. Существует множество противоречивых суждений о ее стиле, своеобразном метафорическом мышлении. Ее поэтические ассоциации и неожиданные художественные образы передают неординарные внутренние видения, поэтическая реализация которых другими средствами, по всей вероятности, невозможна. Хотя нужно сказать и то, что иной раз сложная и туманная система образов, предлагаемая поэтом, не всегда рождена внутренней необходимостью.

Много еще в нашей сегодняшней поэзии таких свободных стихов, за туманными и искусственно усложненными формами которых сквозит убожество мысли. И здесь действует тот же механизм имитации внешней формы: за сложностью метафоры — элементарная пустота.

Широкое распространение получил верлибр, ошеломляющий читателя показной сложностью — каждая фраза в нем метафорична. Но наблюдательный глаз сразу заметит — метафора не может подменить чувства: подтекст стиха рождает какое-либо понятие, а не эмоцию (например, понятие страха, а не переживание страха и т. д.). С другой стороны, строки стихотворения, призванные отобразить отвлеченное понятие, утрачивают связь с предметным миром. Таким образом, слово теряет как поэтическую, так и первоначальную свою ком-

муникационную функцию. В результате мысль затуманивается и каждая фраза воспринимается не как художественная конструкция, а как нечто алогичное, не требующее продолжения — не обусловленное ни чувствами, ни мыслями. Каждое предложение имеет законченное лжеметафорическое значение, и между собой они не связаны ни логически, ни метафорически.

Все вышесказанное относится, в большинстве своем, к псевдоверлибру.

В недрах грузинской поэзии ныне происходят сложные процессы. Сегодняшний день требует от поэтов большей активности, и что самое главное — нелицеприятной оценки их произведений. Ныне уже невозможно представить себе поэта, лелеющего отвлеченную идею в уютном собственном мире, эпоха, время требуют, чтобы сила разума и художественного слова оправдали бы ожидания людей, с тревогой взирающих в будущее, вселяли в них веру в спасение жизни и человечества.

Эти наши претензии сравнительно меньше касаются поэтов старшего и среднего поколения, но что до молодых, их, как это ни парадоксально, гораздо меньше волнует тревожная аритмия эпохи, необходимость преодоления объективных противоречий, перипетии борьбы правды с ложью — борьбы не на жизнь, а на смерть. Молодые поэты, как ни странно, погружены в свои собственные мирки, наслаждаются своим ничем не оправданным индифферентизмом. Здесь берут истоки бесконечные надуманные печали, стенания и ностальгия по детству и оставленным селам, сетования о безжалостности города и затерявшейся в недрах природы невинности. Все это стало настолько модным, что уже трудно спастись от этой «душещипальной» инерции. Мгновенный промельк живой поэтической мысли, естественно, не оставляет желаемого впечатления.

Боюсь повториться, но все-таки еще раз замечу, что грузинская поэзия 80-х годов была отмечена сложными неоднозначными процессами, поэтому предложенная выше схема, возможно, несколько упрощает сложную панораму. Прогнозирование, суждение и анализ в поэзии — опасное дело.

Литературная жизнь последних лет оставляет желать много лучшего, мы не можем сказать, что в этом направлении уже сделаны определенные шаги, напротив, возможно, мы потеряли нечто существенное и значительное, обесценили первоначальные достоинства и критерии. Моральные устои литера-

турной жизни были размыты неким элегантным и универсальным равнодушием, и именно над этим стоит сегодня задуматься. Наша тревога вызвана, естественно, не только требованиями сегодняшнего дня, хотя нужно отметить и то, что живительным импульсом является высокий дух преобразований, который, безусловно, предоставляет современному человеку арену для свободных мыслей и деяний. А вообще-то, как правило, для достоверного изображения искренних чувств вовсе не обязательны специальные постановления, тем более в такой сфере духовной жизни, какой является литература.

В литературе, как и в других сферах общественной жизни, мнимое, отмеченное печатью фальшивого оптимизма, благополучие должна сменить картина действительной жизни, пусть воспринятая с горечью, но с твердой верой в лучшие времена.

Вот та универсальная альтернатива, которая должна приобрести права на жизнь и существование.

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ И И ГРАЖДАНИНА

В Малом зале Академического театра имени Ш. Руставели состоялся юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Геронтия Кикодзе, замечательного грузинского писателя. Представители общественности Тбилиси, писатели и поэты, деятели культуры и науки собрались здесь, чтобы отдать дань уважения и благодарности человеку, чья жизнь и творческая деятельность были ярким примером беззаветного служения грузинской литературе, грузинскому народу.

Вечер вступительным словом открыл поэт-академик И. Абашидзе, который говорил о творческом наследии писателя, о его человеческих и гра-

жданских качествах, свидетельствовавших о неординарности личности Г. Кикодзе.

О многогранном творческом наследии писателя, о его вкладе в развитие современной литературной критической мысли говорили на вечере председатель правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили, вице-президент Академии наук республики Г. Джибладзе, писатель - академик Г. Абашидзе, писатели С. Чилая, В. Челидзе, академик Академии наук Грузии В. Беридзе, профессор Ш. Хидашели, критик А. Бакрадзе и другие.

Вечер завершился выступлением мастеров искусств Грузии.

В зале присутствовали товарищи Енукидзе Г. Н., Чхеидзе З. А., Гумбаридзе Г. Г., Сирадзе В. М.

Заза ГОГИЯ**СКВОЗЬ****ПРИЗМУ****НАЦИОНАЛЬНОГО**

«КОГДА в Цицамури убили Илью, кончилась великая эпоха» — эти слова Галактиона характеризуют общественную атмосферу первого десятилетия XX века в Грузии. Да, с убийством Ильи кончилась эпоха, но на смену ей шла другая эпоха, другое время — время возникновения новых социальных и культурных интересов и новых возможностей. Это обусловило polemическое отношение передовой творческой общности к литературному мышлению и поэтике предшествующего поколения. Новые общественные условия определяли необходимость поиска новых путей развития литературы. Об этом времени очень верно писал Гурам Асатиани в статье, посвященной творчеству Галактиона Табидзе: «Если в творчестве корифеев грузинского реализма и в первую очередь шестидесятников было последовательно отклонено характерное для первой половины XIX века романтическое мировоззрение, которое нашло свое кульминационное выражение в поэзии Николоза Бараташвили, то в начале нашего века Галактион Табидзе почти полностью преодолел переродившуюся к этому времени в натурализм низкого толка и профаниро-

ванную эпигонами реалистическую поэтику и противопоставил ей новое, романтическое видение мира.

Это было качественно новое отрицание отрицания, обусловленное духовными запросами времени. Для него было неприемлемо трезвое миропонимание шестидесятников, вообще любое практическое деяние, направленное на преобразование существующей действительности; в своем зыбком протесте новое духовное устремление доходило до полного отрицания, до требования уничтожения этой действительности как несовершенной, бессмысленной реальности, и, так как практической возможности для этого не предвиделось, оно противопоставляло объективной действительности выдуманный, иллюзорный мир».

В период всеобщей переоценки ценностей на литературную арену выступает Нико Лорткипанидзе. С его именем непосредственно связан процесс обновления грузинской прозы, начавшийся с развития «малых» жанров — новелл, миниатюр, этюдов.

Творческие задачи грузинской литературы — как и любой другой национальной литературы — имели свою специфическую направленность, которая определялась прежде всего историческими и социальными условиями грузинского народа.

Нико Лорткипанидзе пришел в литературу в период национального кризиса, и обостренное восприятие этого кризиса стало одним из основных импульсов его творчества.

Художественный стиль и вкус Нико Лорткипанидзе унаследовал от литературного импрессионизма и остался верен им до конца. Известно, что процесс духовного формирования Нико Лорткипанидзе во многом определили представители «Молодой Вены» — Герман Барр, Артур Шницлер, Петер Альтенберг, Гуго фон Гофмансталь и другие, с которыми грузинский писатель познакомился в период пребывания в Австрии (1902—1907 годы).

Родство лирической прозы Н. Лорткипанидзе с германоязычным литературным импрессионизмом прослеживается, в первую очередь, в «живописной» технике и композиционной организации художественного материала. Стремясь к фиксации мгновенного движения, так называемой «убегающей реальности», Н. Лорткипанидзе уделяет большое внимание лаконичным формам художественной прозы — лирическим эскизам, этюдам, миниатюрам, новеллам. Он ищет оптимальные средства и способы передачи духовного состояния лирического героя, потому в его ранних произведениях так сильна «тенден-

ция преодоления эпичности». Речь героя носит в основном характер монолога, взор его направлен извне вовнутрь — к глубинным пластам сознания, однако в отличие от западной литературы проза Н. Лорткипанидзе лишена «интенсивной духовной тотальности».

Универсальная формула импрессионизма — «пишу то, что чувствую в данный момент» (Писсарро) — находит художественное воплощение в цикле лирических миниатюр Н. Лорткипанидзе «Настроения души».

Чувство обладает собственной морфологией, не подчиняющейся принципам силлогизма. В силу того, что логическая передача чувств — дело трудное, литература стремится создать такие художественные модели, которые могут обеспечить связь между чувственными структурами и средствами их выражения. С этой целью литература часто обращается к музыке. «Музыка и чувства — качественно разнородные явления. Здесь нельзя говорить о подобии, а значит и об изображении. Гештальтисты более точны, когда говорят не о подобии, а об изоморфизме динамических структур чувств и музыки».

Согласно принятой в гештальтпсихологии точке зрения, только музыка может стать эквивалентным выразителем чувственного мира человека.

Высказывание Н. Лорткипанидзе — «Моя главная цель состояла в том, чтобы посредством слова вызвать в читателе некое состояние души, созвучное восприятию музыки» — перекликается с известным призывом Верлена — «Музыка прежде всего», признанным универсальным девизом и импрессионизма, и символизма.

Заметим однако, что творческая перекличка между импрессионизмом и символизмом вовсе не означает их однородности. Символистская литература (особенно поэзия) старается приблизиться к волшебному языку музыки посредством акустических эффектов и других несемантических средств; за счет внешних форм слова, посредством звука стремится создать безграничную палитру красок.

Что касается импрессионизма, то здесь музыке и цвету придается иное содержание. Когда Нико Лорткипанидзе пишет, что хочет «посредством слова вызвать в читателе некое состояние души, созвучное восприятию музыки», он имеет в виду — вызвать эмоцию, аналогичную той, которую вызывает музыка. Одним из средств достижения этой цели в импрессионизме выступает цвет, окраска. Поэтому в импрессионистской

литературе «слово» часто получает эстетическую нагрузку «цвета».

Таким образом, если для символизма «цвет» — цель, а «музыка» — средство, для импрессионизма — наоборот. По-видимому, этой причиной объясняется тот факт, что в ценностной иерархии символистского искусства высок эстетический ценз звуковой стороны слова, а в импрессионистском его цвета, то есть визуальности.

Как известно, «метафизика» цвета привнесена в искусство не символизмом и не импрессионизмом. В своем труде «Учение о цвете» Гете дал анализ взаимоотношений цветов, их эстетического и физического воздействия (красный порождает перспективу возвышенного, синий — холода и дали, желтый — тепла и удовольствия и т. д.). Классификация цвета глубоко проникла почти во все сферы духовной деятельности человека — начиная от изобразительного искусства и кончая дизайном.

Существенная разница между символизмом и импрессионизмом заключается в характере их отношения к реальности. Первый узаконил семиотику действительности. Для него предмет, утративший предметность, представляет собой символический знак. Второй же, по своей сути, является миметическим искусством, вследствие чего его часто отождествляют с натурализмом. Например, Э. Золя посредством эстетических законов натурализма пытался объяснить волшебный мир Мане и Писсарро.

Импрессионизм проповедует в отношении к окружающему миру чисто лирический (субъективный) принцип — «Как я это вижу» (так озаглавил один из своих сборников Альтенберг).

Верность этому принципу подтверждает Н. Лорткипанидзе, предпославший рассказу «Без паруса» следующий эпиграф: «Разве у писателя, как и у каждого человека, мало таких знакомых, которых он, подобно солнечному затмению, видел всего лишь раз, о которых слышал лишь несколько слов, но тем не менее воспоминание о них никак не изгладится из его памяти? Разве беллетрист не имеет права передать своему другу-читателю услышанные мимоходом слова, минутные впечатления?».

Эстетическая точка зрения Нико Лорткипанидзе — плод его «родства» с западной культурой. Однако бывает и так, что подобное творческое «родство» приносит подчас отрицательный результат. Видный польский литератор Ян Парандовский отмечает, что стихи американских поэтов раннего периода

оглушают трелями соловьев и жаворонков. Этот факт он объясняет подражанием Шекспиру и другим английским поэтам, так как, по утверждению орнитологов, упоминаемые пернатые никогда не обитали в Америке, и «...потребовалось много времени, прежде чем дерзкие новаторы открыли уши и глаза и направили интерес американской поэзии на родных дроздов».

Автор этих слов предлагает оригинальное осмысление вечной проблемы литературного снобизма. След соприкосновения с этим снобизмом ощущается в некоторых ранних зарисовках Нико Лорткипанидзе («Лебедь», «Последнее желание», «Суд жизни» и др.), в которых отмечается некоторая мировоззренческая инертность, хотя трагическое восприятие национальной действительности является их ведущей интонацией.

Знаменательно, что в этот же период Н. Лорткипанидзе создал целый ряд этапных произведений, а среди них и шедевр грузинской лирической прозы «Сердце», который не только далек от западного влияния, но даже противопоставляется ему.

И если западный литературный импрессионизм игнорирует серые и черные тона (известно, что импрессионизм целиком изъясил из своей палитры черный цвет), тем самым фактически отказываясь от прсникновения в драматические глубины действительности и довольствуясь лишь демонстрированием поверхностных слоев жизни, то Н. Лорткипанидзе в изобилии пользуется ими, открывая нам бездонные глубины бытия. Даже в сгущенных красках пейзажной «живописи» писателя прослеживается глубокий социальный смысл.

В том, как осмысливает пейзаж Лорткипанидзе, заключена одна особенность — в нем заложена национальная страсть, которая для человека, не знакомого с душой грузина, возможно, окажется неинтересной и даже незаметной. Поле, седые ивы, удушливый зной, расщелины гор с не тающим даже летом снегом пробуждают в читателе эмоции иного характера, чем ощущение экзотической блистательности природы. Они говорят о царящей вокруг скорби и одиночестве, и только нежная трава, тянущаяся к солнцу, намекает на слабую надежду и перспективу.

Об источнике и причинах такой скорби повествует миниатюра Нико Лорткипанидзе «Продается Грузия»:

«Продается Грузия. Со своими полями, горами и долинами, лесом, виноградниками, посевами; со своей историей, будущей судьбой, ласковым языком; вышитой парчой и бар-

хатом; мужественным характером, гостеприимством; величественным видом, чистым воздухом; бурными реками; синим морем, чистым звездным небом; со всем народом, судьбой, прекрасными женщинами... с отцом и матерью, сыном и дочерью, братом, сестрой, женой и родственниками.

Продают все: князь, священник, купец, разбойник, стар и млад, умный и глупец, пьяница и трезвенник.

Продается везде: на улице, дома, в театре и суде, в школе, тюрьме, фаэтоне, поезде; утром и вечером, и в жару и в холод, и в хорошую погоду и в плохую.

Продается целиком: от Черного моря до Каспийского, от Осетии до Ирана. Продается по частям: Кахети и Имерети, Картли, Сванэти и Самегрело, Гурия и Лечхуми, Рача и Джавахети... кто сколько пожелает и как пожелает: в долг, бесплатно, за наличные, временно и навечно...»

Автор никому не делает скидок и обвиняет представителей всех общественных слоев, безответственность и пассивность которых превратила страну в арену необузданного произвола.

В своих лирических миниатюрах Н. Лорткипанидзе отражает ту большую национальную боль, которая в дальнейшем нашла конкретное выражение в целом ряде его произведений.

Прежде чем перейти к обсуждению характеров героев Н. Лорткипанидзе, необходимо отметить следующее — наше литературоведение несколько упрощенно подходит к вопросу социальной активности писателей дореволюционного периода, оценивая ее только с позиции классовых противоречий.

Например, отрицательные черты Луарсаба Таткаридзе из повести «Человек ли он?» было принято распространять на все дворянство, тогда как автор этого произведения был достойным представителем и верным защитником этики своего сословия.

Явление, подмеченное И. Чавчавадзе, не является локальной, характерной лишь для одного сословия чертой, и это подтверждается тем, что с течением времени оно стало символом лени, безделья, беспомощности и безволия.

Разумеется, нельзя отрицать наличие социального феномена в произведении И. Чавчавадзе. Наоборот, проблема, поднятая писателем, в свое время произвела сенсацию, так как показала, что признаки социальной ломки характеризуют и те слои общества, которые претендуют на экономическое и духовное опеку народа.

И все же недостаточно рассматривать человеческие качества Луарсаба Таткаридзе лишь с точки зрения его классового происхождения.

Вопрос «Человек ли он?», поставленный Илей Чавчавадзе, перешагнул через рубеж XIX века и нашел отражение в творчестве писателей XX века — Д. Клдиашвили, Н. Лорткипанидзе, М. Джавахишвили и др.

Рассказ Н. Лорткипанидзе «Бурдюк» написан спустя пятьдесят лет после создания повести «Человек ли он?», когда грузинская феодальная аристократия уже утратила все свои социальные привилегии. По-иному звучали и старые проблемы; проявилась еще одна черта национального характера — неумение приспособиться к новым объективным условиям. Духовная дряхлость героев рассказа является закономерным следствием подобной неспособности.

Главные герои рассказа — дворянин Филипе Томадзе и князь Арчил Минеридзе — лишены духовных интересов. Благородное происхождение проявляется в них только в виде социального рудимента, так как основа их феодальной морали окончательно поколеблена. Насущная необходимость в отказе от старого и сознание неприемлемости нового стали для одних источником драматического конфликта, а для других — формирования ложной морали. К этой второй группе принадлежат и герои рассказа «Бурдюк» — «лишние» люди, утратившие общественную функцию и оставшиеся вне животрепещущих интересов эпохи. Они не видят перед собой великой цели, у них нет истинных идеалов, ради которых стоит бороться и умирать, поэтому их физическая и духовная энергия растрачиваются попусту в бессмысленном споре по поводу шкуры совместно купленного бычка.

«Мировоззренческая контрреволюция» в грузинской литературе начала XX века, наряду с острым ощущением безнадежности и бесперспективности, характеризовалась также скептическим отношением к культурному опыту прошлого (например, известен факт сомнения некоторых писателей в заслугах шестидесятников).

В основе большинства исторических полотен грузинских классиков XIX века («Баши-Ачуки», «Торнике Эристави», «Бахтриони») лежит героико-прометеевская концепция человека. Герои этих произведений борются за свободу и счастье своего народа. Подобное эстетическое мировоззрение преследует великую цель мобилизации национальных сил, объединения соотечественников для ратных подвигов.

Однако в XX веке результат оказывается иным: апология исторического прошлого создает «твердую» основу для ложных иллюзий, для самоуспокоения и довольства.

Переоценка идейных и духовных ценностей, имевшая место в начале столетия, оказалась для большей части грузинских писателей препятствием на традиционной стезе приобщения к героическому идеалу. Многие объясняют это культурно-литературной дезориентацией и «мировоззренческим кризисом». Однако, если вдуматься в суть подобного «кризиса», то в нем можно обнаружить и зерно истины.

В рассказах Нико Лорткипанидзе «Грозный властелин», «Лихолетье», созданных на историческую тематику, изображение культурной и политической жизни позднефеодальной Грузии дается в негативном плане. Источник ослабления национального организма писатель видит не только во внешних причинах, но, в первую очередь, в духовной организации грузин, историко-психологическом строении. А это вновь и вновь обращает писателя к прошлому. Подчеркивая «неисторичность» своих сочинений, Н. Лорткипанидзе тем самым отмечает, что цель его — интерпретация построенного на историческом материале сюжета, а не его иллюстрация.

Период, известный в истории грузинской литературы как «Возрождение» (XVI—XVIII века), в сфере политической жизни страны можно считать непосредственным продолжением «периода упадка». Натиск в эту эпоху чуждого для нашего национального характера элемента во многом поколебал как политические, так и морально-этические устои страны.

Именно об этом повествует рассказ «Грозный властелин», главный персонаж которого, имеретинский князь Леван правит одной из политических группировок децентрализованной Грузии. Жестокость князя не согласуется с традиционным представлением о грузине как о человеке добром, великодушном и милосердном: крестьянского мальчишку, убившего в господском лесу оленя, он делает слепым и хромым; в жестоких пытках убивает безвинного посыльного своего зятя — Пааты Батонишвили; жену и племянницу привязывает к спине одичавших быков и устраивает такое адское зрелище, что «...легины в недоумении переглядывались, словно спрашивая друг друга: «Что это за люди? Куда мы попали?». Леван приложил руку и к убийству своего брата.

Элитарная историография феодальной эпохи дает скудные сведения о жизни низших слоев населения, однако нет сомнения, что нравственные пороки правящих кругов отрицательно сказывались на стремлениях и нравах простонародья.

В одном из эпизодов рассказа «Лихолетье» описана сцена борьбы палаванов. Победителя, юношу-крестьянина Гогиэлу

Джимшелеишвили награждают кинжалом. «Присутствующая на поединке мать светилась счастьем. Гогиеле предстояло стать вожакom юношей, отныне их нищая семья обогатится за счет ворованного и награбленного».

Грузинский народ, который выдержал труднейшие испытания, никогда не спасал себя за счет ворованного и награбленного. Грузинское искусство всегда воздавало должное грузинке-матери за все принесенные ею жертвы во имя родины. Поэтому приведенные выше слова автора «Женщины в платке» звучат несколько иронически.

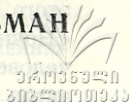
Научными изысканиями давно уже подтверждено, что грузинская культура входит в ареал распространения западного «генетического кода», хотя грузины издавна проявляли интерес к восточной культуре.

В адрес Нико Лорткипанидзе не раз высказывались упреки в увлеченности европейской культурой, почему-то считавшейся чуть ли не изменой национальным традициям.

Восстав против некоторых рутинных поэтических норм, Нико Лорткипанидзе внес свежую струю в грузинскую беллетристику. Его заслуга перед отечественной литературой выразилась, прежде всего, в творческом освоении достижений западной культуры.

Когда речь идет о литературных традициях, не надо забывать, что характер развития творческой мысли, открывший Руставели путь к ренессансным идеалам — явление европейское. Следует помнить, кому и за что поклоняться — тем, кто огнем и мечом навязывал нам чуждые «традиции», или тем, кто поднял родную культуру до уровня духовных достижений передового человечества.

«СВЕРСТНИК МЧАЩИХСЯ ВРЕМЕН...»

В предисловии к книге «Пути поэтов» П. Антокольский писал: «Пути у поэтов разные. У каждого свой. Нет пути — нет поэта».

Павел Антокольский прожил долгую жизнь в искусстве. На протяжении более чем пятидесятилетней творческой жизни он был участником и свидетелем многих исторических событий. Он стоял у истоков рождения новой многонациональной советской литературы и внес в ее становление и развитие свой значительный вклад.

Павел Антокольский, как и Н. Тихонов, Э. Багрицкий, М. Светлов, В. Луговской, принадлежал к поэтическому поколению, которое сам он впоследствии назвал «великим поколением двадцатых годов». Это были годы, когда создавалась советская поэзия, формировались ее высокие традиции. Двадцатые годы явились для П. Антокольского временем поисков, открытий, выработки собственного стиля, накопления жизненных впечатлений.

Жизнь его, начиная с 1917 года, в основном была связана с театрами Москвы, где он работал. Поэтому главной темой первой книжки стихов, вышедшей в 1922 году под названием «Стихотворения», послужил театр. Театральные ассоциации определяли образное мышление поэта и в ряде стихотворений, прямо не относящихся к теме театра.

В 1923 году Павел Антокольский вместе со студией Вахтангова побывал в Швеции и Германии. Стихи, написанные под впечатлением от первой заграничной поездки, вошли во вторую книгу стихов под названием «Запад» (1926).

Острым чувством времени проникнуты стихотворения

этого цикла: «Стокгольм», «Белая ночь», «Камень», «Ночной разговор». Показывая одиночество, неустроенность человека, рисуя контрасты, противоречия западного мира, автор пользуется сложным поэтическим письмом, создает лирически напряженные картины, неоднозначные образы.

Первая поездка писателя за пределы страны была знаменательна тем, что помогла ему столкнуться с реальной жизнью Запада, дала ему новые темы. «Странно сказать, — скажет спустя годы поэт, — но именно за рубежом я ощутил, гораздо отчетливее ощутил себя советским человеком, представителем нового, более справедливого мира и общества».

Через год после «Запада» вышла «Третья книга» П. Антокольского, куда вошло его знаменитое стихотворение «Санкюлот», принесшее автору широкую известность.

Создавая живой образ «романтического плебея и бродяги», поэт стремился выразить в этом стихотворении, по его словам, «самое заветное — чувство истории».

Время, История — эти понятия неотделимы от творчества П. Антокольского. Но прежде чем достичь вершин мастерства, Антокольскому пришлось пройти свой чем-то схожий с другими, а в общем неповторимый путь.

Исследователи творчества П. Антокольского справедливо отмечают, что двадцатые годы сформировали его как поэта, «выработали его поэтическую манеру, определили его резко своеобразный облик»¹. Однако нередко произведениям Антокольского тех лет не хватает непосредственных впечатлений современной действительности, реальной жизни.

В те годы критика не без основания упрекала поэта в том, что его творчество больше питается книжной эрудицией и театральным опытом, нежели самой жизнью. А время требовало других песен: читатель страстно ждал от поэтов стихов дерзновенных, новаторских, реалистических, соответствующих тем великим переменам, которые переживала страна.

Время властно накладывало свою печать на творческие поиски поэтов разных поколений и разных творческих индивидуальностей. Для многих из них обращение к новым жизненным проблемам и темам современности было весьма важным этапом в творческом развитии.

¹ Л. Левин, Четыре жизни. Хроника дней и трудов Павла Антокольского. М., 1969, с. 95.

Большое значение для творчества ряда поэтов имели их поездки по стране, конкретные наблюдения над меняющимся духовным миром человека.

Поэзия тридцатых годов приобрела более насыщенный географический и национальный колорит, однако общность мироощущения вовсе не делала ее однообразной и однолинейной.

В результате поездок в Туркмению и Грузию Николай Тихонов создал такие значительные книги стихов, как «Юрга» (1930) и «Стихи о Кахетии» (1935).

Поездка в Туркмению вылилась для В. Луговского в книгу «Большевикам пустыни и весны».

Принципиальные сдвиги произошли в сложных и своеобразных поисках Николая Заболоцкого, Веры Инбер и других поэтов.

Но дело не только в индивидуальных особенностях, писательской эволюции, а в некоторых общих тенденциях развития советской поэзии.

Так, аналогичный путь поисков своего героя, стиля, тем, достойных времени, прошли и многие грузинские поэты и среди них такие, как Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани.

Об общих тенденциях развития советской поэзии размышляет Павел Антокольский в очерке, посвященном его грузинскому собрату Симону Чиковани.

«Чиковани, — пишет он, — оказался достоверным историком, когда вспоминал: «К нам, поэтам, на помощь пришел герой». Это точная формулировка. Именно во встрече с героем, то есть с рядовым современником, советским человеком, был для Чиковани, как и для многих из нас, переломный момент... Творческая биография Чиковани типически схожа с биографиями многих его сверстников и друзей...»².

Обобщая свои размышления о путях развития советской литературы той поры, поэт пишет: «Словом, дорога от традиционного романтизма к социалистическому реализму обща для многих советских поэтов нашего поколения, и неудивительно, что мы встретились друг с другом».

В очерке речь идет о встрече П. Антокольского с С. Чиковани и другими грузинскими поэтами, которая состоялась в 1935 году. В эти годы завязывается личная дружба Павла

² П. Антокольский. Поэты и время. Советский писатель, М., 1957, с. 142.

Григорьевича Антокольского с Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, Симоном Чиковани, Георгием Леонидзе.

Вслед за Н. Тихоновым, Б. Пастернаком Павел Антокольский активно включается в работу по художественному переводу. Это тоже живая примета времени. В тридцатые годы закладывались основы взаимного изучения и сближения литератур.

Николая Тихонова, Бориса Пастернака, Павла Антокольского, Николая Заболоцкого по праву называют основоположниками советской школы художественного перевода. И основы эти закладывались в тридцатые годы, когда много сил, энергии, вдохновения поэты-переводчики отдавали изучению национальных литератур, отбору и переводу произведений, наиболее полно характеризующих достижения духовного развития народа. Велик и неоценим их вклад и в дело перевода грузинской поэзии на русский язык.

Переводы из грузинской поэзии помогли им постичь национальный дух народа, понять национальное своеобразие грузинской поэзии. Свообразие, которое складывается из разных компонентов: из понимания прекрасного и идеала красоты, из эстетического восприятия явлений и событий, из лирического чувства и особенностей его проявления.

Непосредственное знакомство с грузинскими поэтами показало также, что между советскими поэтами, пишущими на разных языках, существует множество точек соприкосновения, а их писательские судьбы во многом роднит Время. Об этом духовном росте, об их общих тенденциях поиска говорится, в частности, в приведенном выше отрывке из очерка П. Антокольского о Симоне Чиковани.

Павлу Антокольскому, как и многим поэтам-современникам, пришлось преодолеть большие расстояния, исколесить немало дорог, чтобы окунуться в реальную жизнь, стать свидетелем и участником событий, происходящих в большой многонациональной стране. Поездки внесли в его творчество «ощущение простора и новизны». В стихотворении «Я видел всю страну» (1934) поэт передает чувство ошеломления, потрясения от увиденного, говорит о переменах, происходящих в его сознании:

И вырван из своей безмолвной скорлупы,
И, как сырой птенец, вытягиваю шею
Туда, где мечутся прожекторов снопы,
Где вся страна лежит, от дыма хорошея.

Признаки времени, осмысленные и пережитые автором, запечатлены также в стихах грузинского цикла, вошедших в книгу «Большие расстояния» (1936).

Известно, что поэзия начинается с собственного видения мира. В стихах о Грузии поэт передает свои личные впечатления, наблюдения за живой связью явлений. В стихотворениях «Я видел всю страну», «Военно-Грузинская дорога», «Сказка Кавказа», «Дорога» и других философская мысль ведет к возвышению человека как творца, преобразователя, мыслителя. Стих его освобождается от нарочитой усложненности, укрепляется полновесностью слова, глубиной мысли. Меняется и поэтическая образность.

В книжке И. Богомолова, посвященной П. Антокольскому и его взаимосвязям с грузинской культурой, справедливо отмечается, что «революционная романтика будней, романтика созидательного труда советских людей пронизывает весь цикл грузинских стихотворений П. Антокольского, органически сливаясь в них с реалистической основой его поэтического мироощущения. Все, что он увидел, воспринимается поэтом и как непосредственно сегодняшнее, сиюминутное, и как момент общего, многолетнего движения событий».

Поэзию Павла Антокольского всегда отличало чувство «историзма». С особой силой оно звучит в стихах о Грузии. Поэт не противопоставляет факты истории современности, а напротив, исследует внутреннюю их сущность, размышляет о вечности, о непреходящем значении истин, открытых нашими великими предшественниками.

Так, в стихотворении «Носящий тигровую шкуру» поэт восклицает:

**Прочитай реченья Руставели,
Побывай у вечности в гостях.**

Слово «вечность» аккумулирует здесь многое: духовные ценности далекого прошлого и ценности новой эпохи.

Поэт призывает прошлое для того, чтобы его читатель-современник проникся духом этой бессмертной поэмы, воспевающей вечные истины, призывающей к дружескому слову, к «прочно кованной чести», к большому и верному чувству любви. «Древнее преданье», по мысли автора, доносит до нас те представления о красоте и благородстве, силе и мужестве, которые на всем протяжении сопровождали национальную судьбу, по-своему формировали национальный характер.

Наряду с историческими множество частных представлений, личных ассоциаций возникает при чтении стихотворений, вошедших в книгу «Большие расстояния». И здесь — на многие вопросы можно найти ответы опять же в словах поэта о том, что поэзия делается всей жизнью человека.

В фактах биографии П. Антокольского мы нередко находим эстетическое начало, а в его произведениях — выражение определенной жизненной темы, идеи.

На пороге тридцатых годов в стихотворении «Размышления» (1928) поэт писал:

Стиль создан. Осталось поставить клеймо

На прошлом. И баста. И росчерк.

Я вижу: с годами и время само,

И чувства становятся проще.

Книжка стихов «Большие расстояния» ознаменовала собой переломный момент в творчестве Антокольского. Эту пору сам поэт определил как начало нового этапа своей творческой биографии: «завоевывался новый плацдарм в работе», писались стихи «открыто публицистические, открыто гражданские»³.

Признаки времени, осмысленные и пережитые поэтом, нашли свое выражение, как отмечалось, и в стихах грузинского цикла.

Особого внимания заслуживает стихотворение «Тициан Табидзе». В 1935 году П. Антокольский познакомился со многими грузинскими поэтами. Особо яркое впечатление произвел на него Тициан Табидзе. Позже, вспоминая события тех лет, П. Антокольский напишет: «Из вороха воспоминаний тех лет — наиболее яркое это знакомство с Тицианом Табидзе».

Художник по натуре, П. Антокольский любил писать портреты. Его прозаические, стихотворные портреты выполнены с такой пластичностью, присущим его манере «скульптурным» мастерством, что оставляют у читателя полное и объективное представление об изображаемой натуре. Таковы портреты Вахтангова, Багрицкого, рано ушедшего из жизни поэта Семена Гудзенко, поэта Самеда Вургуня и многих других.

Очерк П. Антокольского «Тициан Табидзе» — наиболее

³ П. Антокольский, О времени и о себе. В кн.: Советские писатели. Автобиографии, т. I, М., 1959, с. 84.

яркое из его созданий. Портрет грузинского поэта воспроизведен настолько пластично, с таким мастерством, что перед читателем встает вполне осязаемый, живой образ.

Таким увидел Табидзе Павел Антокольский: «Он был очень хорош собой. Полный и грузный, в затрапезной парусиновой блузе, с ярким цветком в петлице, не то гвоздикой, не то астрой, с челкой римского патриция, с правильным мягким лицом, скорее славянского, нежели грузинского типа, с чуть охрипшим голосом и могучей грудной клеткой — такую яркую фигуру нечасто встретишь на белом свете. Его хотелось писать маслом на холсте, крупно вылепить из глины — увековечить по возможности эти выразительные черты».

П. Антокольский не только создает потрясающе точный портрет Табидзе, он стремится показать, какой сложной, неординарной, богатой и широкой была натура столь рано и трагически ушедшего из жизни грузинского поэта. «Табидзе, — утверждает Антокольский, — это прежде всего поэт упоительный. Казалось бы, такой эпитет, сам по себе продиктованный восторгом, мало что может определить в поэте, но я на нем настаиваю. Поэзия Табидзе — это разлитое море упоения жизнью, восторг перед раскрывающимися человеку картинами действительности... Все, написанное Тицианом — песня, гимн, дифирамб — иначе говоря, свободно выражающее себя сильное чувство».

О жизни и творчестве Тициана Табидзе, о его богатой натуре, дружелюбии, о его замечательной поэзии написано немало. Однако очерк Антокольского привлекателен не только тонкими наблюдениями и достоверным изображением натуры поэта, но правильным пониманием его поэзии. Этот очерк еще одно свидетельство времени — свидетельство замечательной бескорыстной дружбы поэтов, выразившейся и в дружбе литератур.

О тонкой наблюдательности, чутком душевном контакте, возникшем между двумя поэтами, говорят строки, где П. Антокольский вспоминает, как Тициан читал стихи Лермонтова, Блока, Тютчева и с какой-то задушевностью, как свой личный лейтмотив, повторял тютчевскую строфу:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

Антокольский услышал в этих тютчевских строках, произносимых Табидзе, предчувствие беды. Так оно и случилось: через два года после описываемой им встречи Тициана не стало.

Колоритный образ поэта Павел Антокольский создает и в стихотворении «Тициан Табидзе». Сам автор считал это стихотворение не только очень важным по смыслу, но и одним из самых лучших в своем творчестве. В личном письме к литературоведу Л. Левину он сообщал: «Все-таки в цикле грузинских стихов лучшие поэтические и самые важные по смыслу — это те, в которых даны портреты: Тициана Табидзе, Нико Пиросманишвили, Тамары Абакелия. Да, по чести сказать, они вообще одни из лучших за всю мою жизнь. Особенно — **Тициан**».

Грузинская тема в оригинальном творчестве Павла Антокольского неотделима от его переводов грузинской поэзии. В его переводах на русском языке зазвучали стихи Шота Руставели и Давида Гурамишвили, Александра Чавчавадзе и Николоза Бараташвили, Акакия Церетели и Валериана Гаприндашвили, Галактиона Табидзе и Георгия Леонидзе. В грузинской поэзии Павла Антокольского привлекало все то, что характеризовало поэзию Руставели, Важа Пшавела, Гурамишвили, что вообще составляет сущность настоящей поэзии. Его пленили высокий публицистический настрой, философская и социальная заостренность, лирические раздумья и мажорный тон. Правильное постижение духа грузинской поэзии помогло поэту осуществить правильный отбор произведений для перевода.

В предисловии к книге П. Антокольского «Побратимы» критик и литературовед Б. Жгенти писал: «Знакомясь с переводами П. Антокольского, прежде всего обращаешь внимание на глубокое знание и безошибочный вкус, с которыми он отбирает переводимый материал... Переводя классиков и современных поэтов самых различных творческих биографий, художественных индивидуальностей, переводчик сохраняет за каждым из них специфический, ему одному свойственный творческий облик... Стремясь воспроизвести образный строй, ритмический рисунок подлинника, характерные его изобразительные средства, переводчик не насилует и не искажает природу русского стиха, законов русского стихосложения. Потому-то его переводы исполнены превосходным русским стихом и воспринимаются как самобытное эстетическое явление».

Очерки и статьи П. Антокольского по вопросам литера-

туры собраны в книгах «Испытание временем» (1945), «Поэты и время» (1957), «Пути поэтов» (1965).

Павел Антокольский всегда был в окружении молодых начинающих литераторов. Для многих поколений советских писателей он был учителем в самом высоком смысле этого слова. Антокольский не только преподавал им уроки писательского мастерства, а учил тому, что искусство — это прежде всего духовный подвиг, одна из высших форм служения обществу. Сплав гражданского пафоса и глубокого лиризма позволил поэту рассказать о самом главном — о Времени и о себе. Писательская судьба поэта выражена в его стихотворных строчках: «Я памятью обременен, я сверстник мчащихся времен».

ХРОНИКА

Н. А. БЕНУА В СТОЛИЦЕ ГРУЗИИ

Выдающийся художник современности Николай Александрович Бенуа побывал в Тбилиси по приглашению Грузинского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Пробыл он недолго — всего два дня. Он встретился с министром культуры республики В. Асатиани, председателем Гру-

зинского отделения Советского фонда культуры Т. Буачидзе, посетил кинодраматурга Г. Бадридзе, мастерскую скульптора И. Шхвацабая, побывал в Доме-музее Л. Гудиашвили, в Государственном музее искусств Грузии, в Доме художника, во Мцхета. На прощанье Николай Александрович выразил желание в знак дружбы подарить Музею искусств Грузии несколько картин из своей коллекции.

Майя РУСИТАШВИЛИ

ИСКАТЬ ЧЕЛОВЕКА

ЦЕЛЬ данной статьи — выявить специфику гуманизма Короленко в русле традиции Достоевского. Выделяя категорию масштабного, которая восходит к романтическому типу творчества, мы учитываем, что «художественной системой, способной не только сделать предмет своего изображения, но и объективировать иной тип культуры — не тот, к которому принадлежит сама эта система, — может быть, в принципе, лишь реалистическая, ибо именно ей доступна та форма художественного мышления, которую Белинский называл «способностью объективного созерцания явлений жизни», иными словами — способностью расчленять объект и субъект изображения, отделять авторскую позицию от позиции героя»¹.

Величайшей заслугой романтической культуры является создание титанического, сложного, масштабного характера. Но при этом масштабность романтического героя оставалась сугубо индивидуальной, замкнутой. Это хорошо видно на фоне взаимодействия романтизма

¹ Тюнькин К. И., Достоевский, В кн.: Развитие реализма в русской литературе, т. 2, с. 159—160.

и реализма в «Герое нашего времени». Перед нами, с одной стороны, оппозиция — Печорин и Бэла. Печорин, как мы помним, отказывается от романтической идеализации «естественного» человека, но масштабность Печорина остается замкнутой, так как не выходит за пределы сознания героя. Бэла является «ущербной» героиней, она не в состоянии подняться до самосознания Печорина. Другая оппозиция — Печорин и Вернер. Это — два «равных» собеседника. Масштабность героев перестает быть замкнутой, самоуглубленной. Здесь реализм романа.

Достоевский преобразовал романтическую замкнутость в открытую масштабность, перенес ее в мир полифонического романа. У Достоевского масштабно не только «я», но и «ты». «Ты» меня интересуешь не как колорит или экзотика, а как человек, тайна. «Всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь объективный мир — мир других равноправных с ним сознаний»². Возникает мир чрезмерного и значительного, где выявление истины становится сложной задачей. Мир Достоевского полифоничен, но при этом один говорит, другой слушает. В монологе масштабность героя проявляется, в диалоге испытывается. Вместе с тем испытывается и собеседник, так как ему приходится проникать в чужое сознание. В свою очередь, это проникновение может быть адекватно масштабным или, наоборот, адекватно буквальным, односторонним. Но в этом случае ограниченное сознание не является «ущербным», как это было у романтиков, так как там «ущербный» герой возникал благодаря эстетизации цельного нерелефлирующего сознания. Немасштабный герой Достоевского сознает, но лишен «широкости». Он в состоянии подвергнуть испытанию идею масштабного героя.

Подобная оппозиция встречается почти во всех произведениях Достоевского, но особенно ярко она выражена в «Братьях Карамазовых», так как ни в одном из романов Достоевского нет столько монологов, «исповедей» и «поучений», как в этом. Все эти «исповеди» и «поучения» проявляются в диалогах или беседах с участием большого количества лиц: статья Ивана о церковно-общественном суде обсуждается в келье старца, «бунт» и поэму «Великий инквизитор» выслушивает Алеша, который, в свою очередь, записывает «поучения» старца. Митя обращается к Алеше с «исповедью горяче-

² Бахтин М. М., Проблемы поэтики Достоевского, М., 1979, с. 57—58.

го сердца». «Герои-авторы» находят в Алеше чуткого и внимательного слушателя. Здесь главный герой раскрыт не как «автор» идеи, а как ее покровитель. В этом заключается «реализм» Алеши, его одержимость не только своим, но и чужим сознанием.

Полным антиподом Алеши является Смердяков, который одержим «умным человеком» не масштабно, а лакейски. В данном аспекте и проявляется оппозиция «главного неглавного ума», масштабного и обыденного сознания. В «Братьях Карамазовых», пожалуй, тот же пафос предостережения, что и в «Бесах». Любая идея, прежде чем «попасть на улицу», должна быть тщательно продумана, ибо буквализм способен довести ее до абсурда. Здесь возникает один из аспектов «человека в футляре», который станет в различных вариациях особенно актуальным у Чехова. Характерен этот мотив и для творчества Достоевского и Короленко.

В этом смысле можно сопоставить рассказ Короленко «Не страшное» и «Братья Карамазовы» Достоевского. Н. Э. Бакиров обратил внимание на сходство сюжетов этих произведений, проанализировав форму повествования. «И по своей литературной форме это типично короленковское произведение является творческим сплавом разнообразных традиций и ориентировано в первую очередь на жанровую форму последних романов Достоевского. Перед нами не вторичное произведение, не так называемая «литература», а по собственному признанию писателя, одно из самых «задушевных» его созданий»³.

Короленко «объективирует» сюжет «Братьев Карамазовых» с различных точек зрения. Здесь важно не столько центральное событие, сколько отношение к событию. В рассказе карамазовщина превращается в будниковщину. На убийство Федора Карамазова откликнулась вся Россия, убийство Будникова неинтересно даже с точки зрения репортажа, но интересно с точки зрения репортера-человека. Репортер слушает рассказ Падорина о Будникове. Точка зрения Падорина-словесника противопоставлена точке зрения математика, который уверенно заявляет, что страхи исчезают с развитием культуры и образованности: «— Исчезают?.. — помните у Толстого: Анне Карениной и Вронскому снится один и тот же сон: мужик, обыкновенный мастеровой человек «работает в железе» и говорит по-французски. И оба просыпаются в ужасе... Что

³ Бакиров Н. Э., Основные принципы поэтики Короленко, Казань, 1978, с. 153.

тут страшного? Конечно, немного странно, что мужик говорит по-французски. Однако допустимо... И все-таки в данной-то комбинации житейских обстоятельств от этой ничем не утрачающей картины веет ужасом... Или вот еще у Достоевского в «Братьях Карамазовых»... Там есть наш городской черт... Помните, конечно... — Н-нет, не помню... Я ведь, Павел Семенович, преподаватель математики...» Далее словесник отмечает, что черт Достоевского тем и страшен, что вид у него обыкновенный. Очевидно, мужик из «Анны Карениной» вспоминается по аналогии со Смердяковым, который учит французские вокабулы. В данном контексте подобная параллель напрашивается, так как постепенно возникает более явная аналогия: Смердяков и математик к образу подходят однозначно, по-лакейски: «— Ну, какой же это черт? Просто проходимец, каких много, — сказал математик... — То-то вот и есть, что много... Это и страшно... И именно потому страшно, что так обыкновенно: и галстук, и манишка, и сюртучок... Только что потертые, а то бы совсем, как и мы с вами... — Ну, это что-то, Павел Семеныч... Это, извините, какая-то у вас странная философия...» Падорин для него чудак, который не умеет называть вещи своими именами.

Судьба Будникова напоминает судьбу Федора Павловича Карамазова. Н. Э. Бакиров подробно остановился на сюжетном сходстве произведений. В повести тот же любовный треугольник (Митя, Грушенька, Федор Павлович — Елена, Гаврило, Будников), убийство совершается из-за выигрышного билета («пакетик» с деньгами для Грушеньки). В рассказе встречается «мелкий бес» Рогов, который подбивает слугу на убийство («если бога нет, то все позволено» — «Если смысла жизни нет, то все позволено») и т. д.

Короленко сужает границы повествования. Роман объективируется аналогичным сюжетом, но вовсе не пародируется. Будниковщина такая же трагедия, как и карамазовщина. Но не менее важным является отношение к трагедии. Роман Достоевского упоминается для того, чтобы испытать попутчиков, раскрыть тему рассказа не в монологе, а в диалоге. «Не страшное» не только в жизни Будникова, но среди тех, кто о нем размышляет.

Символично то, что действие рассказа происходит в дороге, поезде. «Ведь дорога создает между людьми временную близость, которая не могла бы быть возможной в другом месте». В этом смысле «Братья Карамазовы» воссоздают вечную бли-

зость, которая возможна в любом месте, однако, не между всеми людьми. Роман Достоевского становится символом духовной, культурной традиции, с помощью которой можно разобраться в смысле жизни вообще и в смысле современной действительности непосредственно. Для математика «Братья Карамазовы» — это «странная философия», вздор. Вспомним Смердякова, который заявляет, что стихи — это «вздор-с». Оба воспринимают вещи буквально и однозначно. Образ как знак культуры испытывает их обыденное сознание.

Интересен в произведении Короленко образ «культурного человека» в золотых очках. Весьма символично, что «культурный» господин будто бы спал, когда Падорин рассказывал, а математик, напротив, бодро слушал. По воле писателя, тот, кто спал, уловил основную нить рассказа, кто бодрствовал, ни в чем не смог разобраться. «Павел Семенович посмотрел в лицо нового собеседника. Это был культурный человек, одетый аккуратно, с умными глазами, твердо глядевшими из-под золотых очков... — Вы, значит, тоже слышали... — Да, слышал. И меня интересует... ваша точка зрения, которая, признаюсь, мне не вполне ясна... — Я хотел сказать... что в сущности все так связано... И эта взаимная связь... — Налагает общую ответственность? — В лице Павла Семеновича блеснуло радостное оживление. — Вот! Вы, значит, поняли? Именно — общую... Не перед Иваном или Петром... Все, так сказать, переплетается... Один по неаккуратности бросит апельсиновую корку... другой споткнулся и, глядишь, — сломал ногу». Как мы видим, культурный господин выявляет идею о взаимной ответственности не только из рассказа словесника, он знаком также с прототипом этой идеи, который встречается в «Братьях Карамазовых». Культура в этом плане становится синонимом масштабности, буквализм математика равняется отсутствию культуры, схематизму и «футлярности» мышления. Математик не может понять, в чем трагедия человека, который накопил сто тысяч, а свое счастье так и не нашел. «Жизнь — это ведь поезд... Отлучишься со станции на время, глядь — поезда уже и не видно... А порой не застанешь и станции... Понимаете ли вы, милостивый государь, какая это трагедия? — Ну, сделайте одолжение, — сказал Петр Петрович. — Сто тысяч! Свободен!.. Многие согласятся на эту трагедию...» Математик не поймет и ротшильдовскую идею подростка. Если в «Братьях Карамазовых» все понимают, что произошло нечто страшное и ужасное, то в рассказе Короленко аналогичная ситуация оценивается уже как «не страшная», обыденная.

Роман Достоевского оказывается жизненно важным для Короленко. Во-первых, он помогает ему разобраться в современной «сутолоке жизни», на языке Достоевского это «тягучая действительность». Во-вторых, «Братья Карамазовы» осмысливаются как своего рода духовная культура, которая сближает людей, испытывает их «широкость». В-третьих, роман Достоевского позволяет Короленко обратиться к вечной теме взаимной ответственности каждого за всех, разобраться в вечном смысле жизни.

Ошибка Смердякова трагична. Это осознается им самим. Это усиливает ответственность Ивана, разоблачает его двусмысленную идею. В рассказе Короленко буквализм мышления раскрывается более логично, так как все иллюзии насчет осознания героем своей ограниченности разрушены. «Классический» буквализм Смердякова трансформируется в буквализм «футлярный».

«Футлярный» образ Короленко, так же как и Чехов, развивает неоднозначно. Например, в рассказе «С двух сторон» «футлярность» мышления выражена особенно ярко. Этот рассказ первоначально назывался «Настроение». Она имела в черновике не вошедшее в печатный текст вступление, которое было посвящено вопросу о «верности действительности», о «правде в искусстве», о реализме и натурализме. «...Все отвратительно, отвратителен человек, весь мир, одним словом, все... значит и сама эта правда» (т. е. «правда литературы натурализма»). Писатель разоблачает «натуралистическую» правду через описание смерти героя, что символизирует отсутствие всякой правды в натурализме, смерть духовности.

В рассказе «С двух сторон», в самом его построении наглядно выступает диалектика развития героя. Поначалу его восприятие жизни «солнечное», а затем, после жестокого кризиса, вызванного самоубийством «идеального» героя Урманова, бывшего предметом его восхищения, оно становится пессимистическим, будучи основанным на убеждении в бессмысленности жизни. Отсюда и название рассказа, ибо в нем даны последовательно сменяющие друг друга точки зрения на мир — в пределах одного сознания, — взгляд на действительность «с двух сторон», отрицающих друг друга (тезис и антитезис). Название рассказа раскрывают не только последовательно сменяющиеся точки зрения, но и оппозиция двух противоположных сознаний. Ведь увлечение героя Урмановым — это не только романтика молодого энтузиазма. Это еще и способ видения мира, эстетика восприятия, несовместимого

с видением доброго, но ограниченного Тита. Эстетика героя несовместима с вульгарным материализмом. Здесь можно вспомнить «бернардов» Мити Карамазова, которые сводят любое проявление человеческого духа к нервным «хвостикам».

Достоевский и Короленко, как известно, всегда были врагами натурализма. Позитивизм проникал в литературу и эстетику. Романтическая культура мышления поэтому становилась особенно актуальной. Масштабное проникновение в мир означало и эстетическое его осмысление. «Я чувствовал, что люблю этого человека. За что? За все. За то, что он такой умный, горячий и красивый. Что он женился фиктивным браком на американке, что он ее любит, что он страдает, что борется со своим чувством и что я до известной степени причастен к этой красивой и интересной драме». Когда герой видит мертвое тело красивого Урманова, раздавленное поездом, начинается истинное размышление «с двух сторон». Происходит как бы испытание эстетического восприятия героя: способно ли оно остаться романтичным после страшного «скрежета железа». «...Тит зубрит. Урманов творил. — И это оттого, что у Тита в мозгу недостает чего-то... чего-то, что вчера лежало разбросанное на рельсах и что мужик собирал мокрой щепочкой в грязный черепок... «Мысль — выделение мозга»... Я посмотрел на эти слова под портретом Фохта и вместо восторга от них по мне прошла дрожь... Бедный Тит... Его мозг «выделяет плохо».

Подобный материализм может привести нравственные поиски героя к полной безысходности. Это та же «футлярность» с той лишь разницей, что за нею стоит концепция. Персонаж повторяет слова Фохта: «Наше время ниспровергло разницу между вещественным и нравственным и не признает более такого деления». Самоубийство Урманова открывает герою глаза на страшную неэстетичность грубого материализма, помогает ему увидеть за якобы «не страшным» страшное, а главное, бездуховное. «Машина, называемая Титом, всхрапывает и свистит ноздрями так бессмысленно, что ее хочется разбить»... Но при этом герой еще не в состоянии увидеть за машиной человека, проникнуть во внутренний мир Тита.

В «Братьях Карамазовых» противопоставлены Митя и Ракитин. С точки зрения Ракитина, «дитё плачет» — это движение «хвостиков». Он полностью обесценивает этику и эстетику героя. В данном контексте слова Мышкина — «красота спасет мир» — принимают вполне конкретную значимость: бездуховность можно преодолеть только с помощью красоты

и масштабности. Короленко превращает «бернардов» Достоевского из единичного в массовое явление, подтверждая тем самым опасения Дмитрия Карамазова. Ракинтин пока еще один в романе. Недаром он больше всех злит «эстета» Митю. В своей повести Короленко показывает, что те, кто ниспроверг разницу между духовным и вещественным, радуются этому, так как не видят трагического исхода этой временной концепции.

Герой на рельсах «заразился смертью» Урманова, смерть — «разложение», и он стал разлагать все, т. е. жизнь в ощущении и сознании, в целом. Не приобщается ли к этому «целому» Раскольников, вырываясь из мира анализа и отточенной казуистики в «живую жизнь»? Масштабность персонажа в период анализа и «разложения» являлась эгоцентрической масштабностью. Сознание «с двух сторон» как бы омертвело, превратилось в абсолют и мертвую схему: «Я» и враждебный мне мир. Слова героя, что «мы живем в глубоком водовороте вечного чувства и мысли», означают глубокое переосмысление того, что «с двух сторон» — это не только застывшая формула. С точки зрения истинной масштабности эти стороны всегда будут наполняться для кого-то чем-то новым, для кого-то чем-то враждебным.

В рассказе «Ночью» в художественной манере Короленко утверждается и трансформируется тезис Достоевского: человек — это тайна. Короленко раскрывает его в детской среде. Дети рассуждают о тех же вечных вопросах, которые волнуют героев Достоевского. Ночью должен родиться человек. Рождение человека для детей должно остаться тайной. Но не только для детей. Человек всегда остается тайной для масштабного сознания. Точка зрения врача-позитивиста здесь опровергается, как это ни парадоксально, героем, у которого умерла жена при родах. Несмотря на столкновение с реальным и трагическим фактом, Генрих остается «поэтом». Детская гипотеза о рождении человека вызывает иронию молодого врача Михаила, на что герой отвечает так: «— Ты знаешь немного, а думаешь, что знаешь все... А они чувствуют тайну и стараются облечь ее в образы... По-моему, они ближе к истине». Алеша Карамазов, который испытал ужас «тлетворного духа», оставляет неприкосновенной для детей тайну смерти Илюши. «Реализм» героя проявляется в умении находить тайны там, где буквалист усмотрит лишь голый однозначный факт. «— А все-таки, — сказал он (Генрих), — рождение и смерть... так близко... рядом. Да, это великая тай-

на!.. — Михаил пожал плечами. — Эту тайну мы, брат, проследили чуть не до первичной клеточки...» Точки зрения Генриха и Михаила несовместимы. Эстетика «тайны» разрушается «до первичной клеточки». В этом смысле буквализм неэстетичен, следовательно, и неэтичен (Ракитин и Митя, Ракитин и Алеша).

Ночной разговор детей многозначен, прослеженная до «первичной клеточки» тайна разрушает и весь интерес к человеку как тайне. С точки зрения буквалиста невозможны ни «Записки из мертвого дома», ни «Соколинец», так как истинный гуманизм основан на попытке «найти человека в человеке». Короленко продолжает традицию реализма в высшем смысле. Персонажи Достоевского — это те же одержимые тайной бытия дети. Ночные диалоги детей так же таинственны. Философский макрокосмос «взрослых» идей трансформируется в микрокосмос детских фантазий.

Как мы видим, реализм Короленко представляет собой художественное переосмысление реализма Достоевского, который, в свою очередь, трансформировал романтическую, эгоцентрическую масштабность в масштабность полифоническую. В произведениях «Не страшное», «С двух сторон», «Ночью» Короленко ставит те же нравственно-философские проблемы, которые волновали и Достоевского: необходимо восстановить разницу между вещественным и духовным, показать нравственную ценность человека. Короленко ведет, вслед за Достоевским, борьбу против натурализма, который означает отсутствие духовного начала в искусстве, смерть нравственного эстетического идеала.

ХРОНИКА

КИНО — К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

70-летию Октября посвящаются запланированные на вторую половину 1987 года интернациональные встречи кинематографистов разных рес-

публик. В Тбилиси и районах Грузии уже побывали гости из Армении, Азербайджана и Западной Украины. Дни грузинского кино прошли в Москве, Риге, Красноярске, Киргизии.

«...КОМАНДОВАНИЕ гарибальдийской бригады и третьей дивизии ставило этого человека в пример, подчеркивая его поразительную смелость, организаторский талант и самоотверженность...»

Эти слова сказаны в адрес нашего соотечественника, уроженца Гегечкорского района Западной Грузии Владимира Габисония и принадлежат они одному из видных деятелей Компартии Италии, активному участнику и летописцу партизанского движения Мауро Галлени (Mauro Galleni. I partigiani Sovietici nella Resistenza italiana).

Владимира Габисония я знаю давно. Много слышал о нем от советских и итальянских партизан, ветеранов войны, от самого Галлени. Как журналист, я всегда чувствовал себя в долгу перед этим человеком, но случилось так, что до сегодняшнего дня и не смог представить его широкому читателю.

Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Во время последнего пребывания в Италии я решил специально посетить места, где и сегодня живут легенды о подвигах Владимира Габисония, о его бесстрашном отряде...

Вахтанг ЕСВАНДЖИЯ

„ВОЛШЕБНИКИ“ ГАБИСОНИЯ В ДАЛЕКИХ АЛЬПАХ

* * *

...Историки, освещающие вопросы, связанные с итальянским движением Сопротивления, утверждают, что в его рядах плечом к плечу с итальянцами, русскими, украинцами, югославами, чехами сражались свыше 500 грузин. Цифра не столь внушительная, однако всюду, во всех областях и провинциях Италии, охваченных в то время партизанским движением, хорошо помнят наших соотечественников, отважных бойцов — благородных «джорджиани».

Лет шестнадцать тому назад я впервые оказался на антифашистской манифестации в тихом итальянском городке Омения, что расположен в провинции Новарра у самой границы со Швейцарией. Пришел я туда с опозданием, сел в последнем ряду довольно большого кинозала и стал внимательно прислушиваться к темпераментным ораторам, то и дело с благодарностью произносившим понятные без перевода словосочетания: «партиджани советики», «партиджани джорджиани», «Форе Мосулишвили», «Володя», «Шота», «Гурцкая», «Никола», «Баграт», «Степан Бондаренко»...

Признаюсь, многие имена, за исключением Форе Мосулишвили, я слышал тогда впервые, и каждый раз сердце мое переполнялось гордостью за лучших сынов моего народа.

Позже мне удалось постепенно выяснить личность каждого из них. Удалось найти сразу и двух «Владимиров» — ближайшего соратника Форе Мосулишвили, отважного партизана Владимира Чежия из Зугдиди и доблестного воина, недавно скончавшегося Владимира Джавахишвили, тбилисского инженера; «Шота» — командир одного из грузинских партизанских отрядов тбилисский строитель Александр Парцхаладзе (к сожалению, два года назад скончался и он); «Гурцкая» — зугдидец Мегона Гурцкая, павший смертью храбрых 16 марта 1945 года в тяжелом бою при освобождении Боргоsezия, у могилы которого и сейчас склоняют головы жители этого города; «Никола» — не кто иной, как Коля Вачейшвили, славный партизан, живущий ныне в Батуми; «Баграт» — Баграт Эсартя, родом из Гали. Да разве всех перечислишь?!

И все же память нетленна: представьте себе, что Степан Бондаренко, прах которого покоится на кладбище г. Арона рядом с Форе Мосулишвили и родственников которого итальянцы до недавнего времени разыскивали на Украине, — ока-

зался тоже земляком — тбилисским водителем Степаном Иваничицем Бондаренко. Семья его лишь недавно, благодаря публикации в газете «Комунисти», узнала о трагической судьбе «без вести пропавшего» солдата, о его последней схватке с врагом и героической гибели...

В провинции Новарра, где партизанское движение носило исключительно напряженный характер и было преисполнено драматических событий, сражались с врагом около трехсот грузин. Об их воинской доблести, особенно после того, как наш прославленный земляк Форе Мосулишвили был провозглашен национальным героем Италии, грузинская общественность осведомлена сравнительно лучше.

* * *

Самый большой отряд грузинских партизан после Новарры сражался в Туринской области, преимущественно в его северо-западной части, в зоне долины Суза. Во время войны местечко Вал ди Суза приобрело большое стратегическое значение как для фашистов, так и для партизан. Здесь, в альпийских теснинах, пролегали ведущие во Францию железнодорожная и автомобильная магистрали. Возвышающиеся по обеим сторонам высокие горы и отвесные скалы служили надежным убежищем для партизан. Вероятно, поэтому и сосредоточились в этой зоне внушительные силы гарибальдийцев.

В один из лагерей Турина, служивший местом заточения антифашистов и итальянских солдат, дезертировавших с восточного фронта, в сентябре 1943 года были доставлены советские военнопленные из Польши, и среди них несколько грузин. Чуть свет фашисты выгоняли обессиленных от голода людей на работу — на восстановление и ремонт дорог, мостов, плотин. Володя Габисония вместе с другими пленными — грузинами и итальянцами работал на восстановлении моста в Сан-Антонио, разрушенного партизанами.

От итальянских партизан не ускользнуло появление в их зоне советских военнопленных. Однажды, во время скудной трапезы, Володя и его товарищи услышали на мосту звонкий смех. Заигрывая с четырьмя местными фашистами, конвоирами, девушки угощали их едой и крепкой, обжигающей гранпой. Когда конвоиры основательно приложились к напитку, девушки, как бы невзначай, поинтересовались пленниками, затем, с милостивого согласия начальника конвоя, поделились остатками еды с заключенными.

То же самое повторилось на следующий день. В третий

раз девушки появились позднее, под вечер. Граппы принесли побольше, а пленным отдельно передали маленькую корзину...

Володя достал из корзины хлеб — он показался ему подозрительно тяжелым. Бросив его обратно в корзину, Володя распределил еду между товарищами, затем, оглянувшись по сторонам, осторожно переломил буханку. В ней оказалось то, о чем он так мечтал, — пистолет!

Дальнейшее было, как говорится, делом техники. Володя со своими ребятами так неожиданно обрушились на захмелевших, увлеченных болтовней с девушками фашистов, что те не успели и ахнуть. Им связали руки и под дулами захваченных у них же автоматов погнали вперед. Девушки повели всех в горы.

В тот день вместе с Володей из фашистской неволи вырвались Григол Паташур из Мцхета, Коля Робакидзе из Зестафони, Мирон Зазадзе из Аспиндзы, Василий Деисадзе из Цхалтубо, Давид Изория из Чхороцку, Михаил Гамкредидзе из Они, русские Аркадий Жуков и Федор Зайцев да еще трое итальянцев — всего двенадцать человек.

Девушки оказались связными партизан. Действовали они по поручению командира 42-й гарибальдийской бригады коммуниста Александра (Сандро) Чамай.

Уже светало, когда под деревней Павалиони на крутой горной тропе беглецов встретил сам Сандро Чамай в сопровождении небольшого отряда. Взглянув на истощенных от голода молодых ребят, распорядился оставить их на несколько дней в деревне, подкормить, помочь набраться сил. Спустя неделю бывших пленников привели в штаб бригады, расположенный в густом лесу на возвышавшейся над Павалиони горе.

Володя и его друзья были одними из первых советских людей в Туринской области, присоединившихся к итальянским партизанам. Поначалу им давали сравнительно легкие задания: они очищали от шпионов и провокаторов склоны гор Буссолено, иногда по ночам им приходилось «навещать» местных фашистов и предателей. Потом они включились в более серьезные операции — на дороге Боргоне-Буссолено устраивали засады небольшим группам фашистов, нападали на повозки и машины с продовольствием и боеприпасами.

Советская группа 42-й бригады имени Вальтера Фонтана постепенно росла, пополнялась новыми людьми. Не проходило недели, чтобы в сопровождении итальянских связных в горах не появились 2—3 человека из бывших военнопленных. Так стали партизанами Амиран Алания и Варлам Джгереная из

Гали, Эдик Дзигуа из Сочи, боржомец Володя Табатадзе, Сандро Гоголадзе из Сачхере, потийцы Гиули Гигиберия и Карлс Какулия, кахетинцы Александр Кобахидзе и Ладос Мегрелишвили, Шио Сартания из Цхалтубо, украинцы Иван Мантур и Володя Клименко, узбеки Акбаруб и Трукункай и другие — к сожалению, память не сохранила все имена и фамилии. В основном же в отряде были грузины. Бок о бок с ними дрались с фашистами двенадцать русских, шесть узбеков, три австрийца, двое чехов и двое югославов. Когда их число перевалило за сорок, по решению командования бригады был сформирован отдельный партизанский отряд. Командиром назначили Владимира Габисония, а комиссаром — итальянца Штелио.

Фактически это был один из первых интернациональных партизанских отрядов, действовавший в то время на территории Италии. Своей отвагой и дерзкой храбростью отряд прославился по всей Туринской зоне. Население прозвало его «волшебниками Габисония».

Душой отряда был Володя. Кадровый старшина Красной Армии, хорошо владевший военным делом, человек проницательного ума и внушительного сложения, многое переживший и познавший, молодой командир во всем и всегда был образцом мужества, самоотверженности, преданности.

Не проходило дня, чтобы Володя не получал от командования боевого задания, причем особо важного, трудного и рискованного. Советские партизаны первыми принимали на себя удары фашистов, дрались смело, не отступали перед опасностью и испытаниями и, как правило, выходили с поля боя победителями.

Соединения 42-й бригады занимали наиболее выгодные позиции в горах Бальмафол, они контролировали транспортные артерии, ведущие из Турина через Буссолено во Францию. Обеспокоенные постоянными набегами, немцы решили полностью очистить склоны Бальмафола от партизан и с этой целью сосредоточили большие силы в городе Буссолено.

Бальмафолская эпопея — один из самых блистательных боевых эпизодов в итальянском движении Сопротивления. Она началась 7 июля 1944 года и завершилась триумфальной победой партизан лишь 26 августа.

Ранним утром 7 июля разведчики сообщили, что крупные силы немцев выступили из Буссолено. 42-я бригада укрепилась в зонах Павалиони и Кианокке. Первые удары фашисты нанесли по «Лескери-Россеро» и советским отрядам.

Бой продолжался два часа. Орлы Габисония, как называл Чамси советских бойцов, вынудили противника отступить. Немцы пошли на штурм других партизанских позиций. Встретив и там упорное сопротивление, вечером они отступили с большими потерями.

На следующий день, 8 июля на рассвете фашисты начали яростную атаку на укрепления партизан. Возникла угроза окружения штаба бригады, расположенного за Павалиони. Советский отряд вновь занял оборону на передовой линии. Несмотря на стойкое сопротивление, отступление стало неизбежным. Немцам удалось обойти партизан, и отряд мог оказаться в «мешке».

В одной из теснин на удобном месте Габисония оставил Шиио Сартания с его пулеметом, а сам вместе с бойцами несколько отступил, заняв на вершине горы более выгодную позицию.

Шиио Сартания проявил поистине неслыханную отвагу. Пулеметным огнем он почти на четыре часа задержал продвижение противника, понесшего огромные потери. До конца выполнив свой солдатский долг, он пал смертью героя на безымянной высоте. Тем временем отряд Габисония и другие подразделения бригады сумели настолько укрепить свои позиции, что враг и на этот раз вынужден был отступить.

С того памятного дня по решению командования бригады советский отряд стал носить имя Шиио Сартания.

В последующие дни, рассказывает в своей книге Мауро Галлени, противник еще яростнее атаковал партизан. На помощь ему в ущелье пришли крупные силы эсэсовцев, но добиться существенного успеха им не удалось.

Появляться в горах по ночам немцы не осмеливались. Габисония же со своим отрядом, пользуясь темнотой, по согласованию с командованием бригады, смело действовал в тылу врага, появляясь внезапно то на железнодорожной станции, то у складов с продовольствием и боеприпасами в городе Буссолено.

Именно тогда немцы по всей Сузе расклеили объявления: «кто живым схватит Владимира Габисония, получит 200 тысяч лир, кто принесет его голову — 100 тысяч лир». По тем временам это были большие деньги...

Но Володя был неуловим. Народ любил героя, о нем рассказывались легенды, слагались песни...

Так ничего и не сумев поделать с 42-й бригадой, фашисты перенесли удар на партизанский батальон «Стелина».

входивший в состав 4-й дивизии «Справедливость и свобода» и расположенный в зоне альпийских пастбищ Бальмафол — Стиими. Большое соединение немцев окружило этот отряд итальянцев. Он был обречен на неминуемое истребление. Командир Лаг попросил помощи у командования 42-й бригады. От командира батальона Джованни Пейроло, заместителем которого он считался, Володя получил срочное задание — помочь итальянским партизанам. Ему прислали трех проводников.

С отрядом в 45 человек Габисония немедленно направился в сторону Стиими. Преодолев неприступные скалы, советские воины за несколько часов вышли на вершину Бальмафол и оттуда лавиной скатились в долину Стиими. Они напали на врага с трех сторон. Для немцев это было полной неожиданностью. Создалось впечатление, что наступает крупное соединение. Появление советского отряда придало силы итальянцам, они усилили огонь. Засевшие в пастушьих хижинах немцы и чернорубашечники упорно оборонялись. Бой затянулся до позднего вечера, и победу в нем обеспечила хитрость, к которой прибегнул Габисония. Громовым голосом он закричал: «Русский батальон, в атаку! Вперед!». Загремело русское «ура!». Фашистов охватила паника, ряды их смешались, и вскоре они побросали оружие.

В долине Стиими героически погибли советский партизан Владимир Жуков и трое итальянцев. Был ранен Николоз Робакидзе. Противник оставил на поле боя 30 солдат.

Позднее Сандро Чамеи писал: «Володя Габисония блестяще руководил стиймисской битвой. С отрядом в 45 человек он захватил в плен 168 фашистов, два тяжелых пулемета, 16 пулеметов, 1 миномет, 45 автоматов, другое оружие и снаряжение».

Этот бой предрешил судьбу бальмафолской операции. Воодушевленные отвагой советского отряда итальянские партизаны перешли в наступление на всех направлениях и скоро очистили от фашистов склоны Бальмафола.

Успех советских партизан в боях у Бальмафола был настолько значителен, что весть о нем облетела всю Туринскую область. Люди праздновали победу. Габисония был провозглашен героем Бальмафола. «Владимир-русский — ласточка Италии, он всегда впереди и всегда побеждает, нет командира лучше него...» — пели в итальянских селах.

Однако до полной победы было еще далеко. «Бойцы советского отряда, — вспоминает Мауро Галлени, — не имели ни минуты передышки. В первых числах сентября в долине

Ланцо они захватили в плен 100 гитлеровцев и большое количество вооружения. Бойцы других отрядов 42-й гарibaldi-дской бригады, зная их смелость и отвагу, часто обращались к ним с просьбой принять участие в молниеносных диверсионных операциях на железнодорожной линии Турин-Модена, соединяющей через долину Суза Пьемонт с Францией».

Сам Володя вспоминает эпизод нападения на железнодорожную станцию Бруцелло:

— Это произошло осенью 1944 года. 35 партизан, в основном грузины, несколько русских и итальянцев устроили на станции Бруцелло засаду пассажирскому поезду, следовавшему из Турина. Все было заранее тщательно изучено и рассчитано. Мы знали количество вагонов, время и точное место остановки локомотива. Отряд я расположил таким образом, что каждый вагон был под прицелом трех автоматчиков, в начале и в конце состава поставили по пулеметчику со своим вторым номером, я же ждал у места остановки паровоза.

Поезд уже останавливался, когда немецкий офицер, сидевший с машинистом, заметил нас и приказал ему следовать дальше. Именно в этот момент я метнул гранату в паровоз. Немцам показалось, что путь заминирован. Поезд остановился.

Ребята молниеносно ворвались в вагоны. Пассажирам приказали сойти с поезда. Итальянские фашисты, не сопротивляясь, побросали оружие, немцы же открыли огонь. Партизаны ответили автоматными очередями. Восемь офицеров были убиты, двенадцать высших чинов мы взяли в плен. Паровоз и вагоны были разбиты гранатами, фашисты три дня не могли сдвинуть состав с места, и движение поездов было прервано здесь на долгое время...

В этом бою ранили пулеметчика Федора Зайцева. Отличился в сражении Григол Паташури. Партизаны захватили много оружия.

Одна деталь: Сандро Чамей в характеристике, выданной Володе Габисония 15 мая 1945 года, пишет: «Как командир отважного отряда русских и как в высшей степени честный и порядочный человек, он никогда не оставлял себе добытые у врага трофеи и, как правило, сдавал их в штаб, чем проявлял сознательное отношение к общему делу»...

Однажды отрядом всего в шесть человек партизаны напали из засады на грузовую автомашину, полную немецких солдат. Ее остановили пулеметным огнем, затем Александр

Кобахидзе метнул в нее немецкую же гранату, к которой были привязаны еще пять взрывателей. Машина с солдатами перевернулась. В это время подкатили вражеские легковые автомашины. Завязался бой. Отважного бойца Александра Кобахидзе прошла автоматная очередь. В схватке был легко ранен и Володя Габисония.

Партизаны скрылись в кукурузном поле. Труп Александра спрятали в канаве. В ту же ночь сельчане его похоронили на кладбище в Кианокко.

Описать все боевые эпизоды, в которых принимали участие Володя и его товарищи, невозможно. Вспомним хотя бы нападение на тот же мост в Сан-Антонио, откуда годом раньше бежали Габисония и его побратимы. Партизаны захватили в плен 16 чешских солдат, а мост взорвали.

В итальянских первоисточниках читаем:

«20 октября советский отряд принял участие в сражении, которое развернулось в окрестностях Маргоне. Там погибли Трукункай и Федор Тартаматов. 16 февраля 1945 года в бою с немцами пал Николай Абдулай. За этот бой и за боевые операции, проводившиеся вплоть до освобождения Турина, командир советского отряда Владимир Габисония был представлен к награде».

Но в то время Володе было не до наград. Да и тогдашние правители Италии не очень-то заботились о поощрении советских воинов. Их мужество и героизм по достоинству оценили лишь итальянские коммунисты. И не случаен тот факт, что спустя 15 лет свидетельство о награждении советского гражданина Владимира Габисония Звездой Гарибальди подписал сам Луиджи Лонго — один из главных организаторов движения Сопротивления, главнокомандующий гарибальдийскими соединениями, впоследствии генеральный секретарь и председатель Коммунистической партии Италии...

* * *

Было чудесное воскресное утро, когда я вместе с двумя итальянскими друзьями — бывшими партизанами приехал в центральный город долины Суза — Буссолено. Несмотря на то, что мы не сумели предварительно предупредить хозяев, у здания городского муниципалитета вскоре собралось несколько сотен жителей Сузы, в основном — бывшие партизаны, среди которых было много знакомых по тбилиским встречам.

В зале муниципалитета стихийно возник митинг. Его открыл мэр Буссолено, молодой хирург Альдо Милетто. С вос-

поминаниями о советских партизанах выступили префект зоны Суза Тулио Бенедикти, президент местного отделения ассоциации партизан Джованни Пеиролло, мэр села Бианокко Джанни Гаспаре, еще несколько человек.

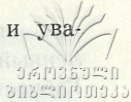
В оценке благородства и отваги грузин-партизан все были единодушны. Я слышал об этом и раньше, но этот день окончательно убедил меня в том, что имена грузинских партизан здесь живут до сих пор. Население бережно хранит память о погибших в этой зоне воинах Шио Сартания, Александре Кобахидзе, Ладо Мегрелишвили, Пирузе Багагошвили, Бочия Акобия, Шота Намичейшвили, Саше Купрашвили, Вахтанге Гагнидзе и других. Люди того поколения хорошо помнят боевые дела Ноэ Кублашвили, Васо Урушадзе, Варлама Ребия, Бориса Шургая, Шалвы Мунджишвили и других партизан-грузин.

В знак уважения и любви к грузинам-партизанам благодарное население долины Суза в 1979 году одну из больших новых улиц в селе Кандове, расположенном на магистрали Турин-Франция, назвало «Виа партиджани джорджиани» («Улица грузинских партизан»). Здесь же воздвигнут прекрасный мемориал в честь наших соотечественников, отдавших жизнь в борьбе за свободу.

Однако особой популярностью во всей зоне пользуется Владимир Габисония. О нем здесь и впрямь ходят легенды, каждый житель может со всеми подробностями рассказать — где и как дрался он с врагом, как обрушивал на головы немцев каменные глыбы и обломки скалы, как перехитрил большое соединение фашистов и с малочисленным отрядом под мощное «ура!» заставил их бросить оружие... Когда на автобусе, а когда и пешком целый день возили и водили меня по горам и долинам, показывая места бывших боев, хижины пастухов, где скрывались по ночам Володя и его бойцы. В деревне Павалионе видел я чудом сохранившиеся дома, где голодные, промерзшие под дождем и снегом советские партизаны находили прибежище и сердечный прием итальянских крестьян, по-братски деливших с ними кусок хлеба.

Смотрел я на моих благодарных хозяев, окруживших меня теплом и заботой, предназначавшимися их соратникам-грузинам, и сердце мое наполнялось то радостью, то грустью. Слушал я их и думал о наших простых сельских парнях, заброшенных в далекие Альпы за тысячи километров от родины, которые в пору тяжелейших испытаний сумели достойно проявить лучшие черты своего народа, оставить по себе са-

мую добрую память, освященную искренней любовью и уважением итальянцев.

* * *

Время посеребрило волосы, избородило морщинами лицо Владимира Арсеновича, но оно не смогло укротить его молодецкого задора и энергии. Глядя на него, веришь: он и сегодня не уступит молодым.

Владимир Габисония мирно живет и трудится в своем родном городе Гегечкори.

Тогда, вернувшись с войны, он долго не обзаводился семьей. Все думы его были обращены к Италии — ведь там у него остались жена и дочь...

Помните, в начале я упомянул девушек-партизанок, которые по заданию Сандро Чамей помогли Габисония и его товарищам бежать из плена на мосту Сан-Антонио? Одна из них, Перина Кастелино, тогда же завладела сердцем нашего героя. Молодые люди полюбили друг друга. С согласия родителей и братьев девушки — также партизан — Перина стала невесткой Грузии, а в ноябре 1944 года у них родилась дочь. Ее назвали Луиджиной.

Девочке было полгода, когда окончилась война, и ее отец отправился на родину. Володя верил, да и Перина надеялась, что он скоро позовет жену и дочь в Грузию. Но мечте не суждено было сбыться — тяжелое было тогда время!

Позднее, утратив все надежды, Володя женился. Счастье поселилось и под его крышей — у него родился сын. Но ни на минуту он не переставал думать о крошечной девчужке, с фотографией которой не расставался никогда.

Прошло почти четыре десятилетия...

Шестнадцать весен подряд итальянские партизаны, в основном соратники Форе Мосулишвили из провинции Новарра, приезжают к своим грузинским однополчанам, чтобы вместе отметить майские праздники. В 1981 году с партизанами Новарры впервые приехали в Тбилиси и туринские партизаны из Валь ди Суза. Когда среди встречавших они увидели своего легендарного героя, по-прежнему статного, здорового и жизнерадостного Володю Габисония — не поверили глазам: они не рассчитывали увидеть его живым.

Вот тогда и зародилась у Володи надежда разыскать свою дочь. И она сбылась благодаря помощи его итальянских соратников.

Молодая женщина, имеющая мужа и двоих детей-подрост-

ков, впервые узнала от итальянских партизан, что прославленный в их краю легендарный советский партизан Володя Габисония — ее отец...

И вот в один прекрасный весенний день 1982 года в дом Владимира Габисония пришел праздник — Луиджина вместе с мужем и пятью итальянскими партизанами переступила его порог. Как родных детей прижала к сердцу хозяйка семьи Гулиса Луиджину и ее мужа Бруно Куньо.

Праздновала семья, праздновали родня, улица, весь город...

Позднее Луиджина — уже вместе с детьми — приехала к вновь обретенным родителям на целый месяц.

...Безмерны счастье и радость Володи Габисония. Не проходит и месяца, чтобы отец и дочь не переговорили бы друг с другом по телефону, не обменялись письмами... Дочь как две капли воды похожа на отца. И она гордится этим.

Говорить по-грузински она еще не умеет, зато и обликом своим, и характером, и статью, и сердечным теплом она — дочь своего отца.

Автор этих строк имел удовольствие побывать в семье Куньо-Габисония в итальянской деревне Куиза Сан-Микеле и в полной мере испытать грузинско-итальянское гостеприимство.

Статья об отважном партизане еще не была закончена, когда из Италии пришло письмо, содержащее весьма приятное сообщение:

«Городской муниципалитет Буссолено на своем внеочередном заседании рассмотрел вопрос о присвоении советскому гражданину Владимиру Арсеновичу Габисония звания почетного гражданина г. Буссолено.

Президент местного отделения Национальной ассоциации партизан Италии Джованни Пеироло доложил членам городского муниципалитета о том, какой замечательный вклад внесли советские партизаны и особенно товарищ Габисония в борьбу за освобождение Валь ди Суза, напомнил важнейшие эпизоды, характеризующие его отвагу и самоотверженность. После короткого обсуждения муниципалитет единогласно избрал советского партизана В. А. Габисония почетным гражданином Буссолено.

В связи с решением муниципалитета администрация г. Буссолено извещает компетентные органы, что советскому гражданину В. А. Габисония и его супруге будут высланы визы с при-

глашением в Италию, в частности в г. Буссолено, на три недели в конце июня 1987 года.

26 июня будет отмечена годовщина наступления 42-й партизанской бригады «Гарибальди» на фашистский гарнизон г. Буссолено, 2 июля — битвы за Колле дель Лис и 8 июля — боев у Бальмафола. Владимир Габисония участвовал во всех этих боях.

В настоящий момент, когда на повестке дня стоят проблемы Мира и Свободы народов, когда мы хорошо сознаем основополагающие и международные ценности освободительной борьбы против нацизма и фашизма, мы убеждены в значении присвоения советскому гражданину почетного звания и надеемся на вашу поддержку, чтобы достойно отметить заслуги партизана В. А. Габисония.

Мы ждем. Примите наши сердечные приветствия.

Мэр г. Буссолено

доктор Альдо МИЛЕТТО»

Р. С. И вот Владимир Габисония снова в Италии.

С большим почетом его с женой принимали в Буссолено, во всех городах и деревнях Вал ди Суза. Безгранична была радость Луиджины и ее семьи. Множество людей присутствовало на церемонии вручения диплома почетного гражданина Буссолено. Гости приехали не только из соседних, но и из отдаленных городов и провинций. На торжестве присутствовали представители советского посольства и консульства.

Приветствуя Владимира Габисония, сенатор Тулио Бенедикти отметил: — «Спустя сорок два года вы возвратились на свою вторую родину — в город Буссолено, как его прославленный сын, признанный герой и почетный гражданин».

Владимир Габисония был самым желанным и почетным гостем всех мероприятий, которые проводились в те дни на местах, где в годы войны сражались партизаны. Всюду на стенах города были расклеены афиши, извещавшие о месте и времени предстоящего торжества. Броско, крупным шрифтом было выделено в афишах имя легендарного партизана «Володи» — Владимира Габисония, участвовавшего в празднестве.

Невозможно ни перечислить, ни пересказать все о том множестве встреч, приемов, наград правительственных, коммунистических и партизанских организаций, памятных подарков, откликов в местной печати...

Яркие, незабываемые впечатления... Так велика потребность их осмыслить, оценить, проанализировать и, конечно же, описать. Они того стоят.

Хироко КАКО

ЯПОНСКИЕ ДРУЗЬЯ ГРУЗИИ

(ПИСЬМО ИЗ ЯПОНИИ)

Повседневная суэта стала чуть ли не главной, определяющей чертой жизни сегодняшних токийцев. На улицах Токио теперь почти невозможно увидеть человека, спокойно шагающего по тротуару, наслаждающегося весенними лучами солнца, или счастливую от неожиданной встречи парочку, обменивающуюся на ходу новостями. И все-таки, когда изредка случается такое, я всегда вспоминаю Тбилиси.

Интересно, конечно, наблюдать за кипучей жизнью дневных улиц, но не менее привлекает меня утро большого города. Каждое утро перед завтраком бродила я по проспекту Руставели. Ходила далеко, сколько хватало времени среди дворников, метущих улицу, киоскеров, предлагающих утренние газеты, служащих, вечно спешащих на работу, и туристов, совершающих утренние прогулки вроде меня...

За несколько дней пребывания в городе у меня появились знакомые. Конечно, это шапочное знакомство: я не знала имени собеседника, мало понимала, что он говорит, мы ограничивались справкой о погоде. Спустя год я снова прие-

* Автор этого письма **Хироко Како** — специальный помощник председателя Международного дома культуры в Токио, организатор Общества японских друзей Грузии.

хала в Тбилиси, снова бродила по проспекту Руставели, встречалась с прежними знакомыми.

Прошел еще год, и я опять в Тбилиси, и на этот раз мои знакомые с проспекта Руставели приглашают меня в гости, дают мне свой адрес и номер телефона. Конечно, у меня есть друзья в Грузии, с которыми я давно поддерживаю очень теплые отношения, мы уже как родные. Но не забываю и тех, с которыми познакомилась во время утренних прогулок по проспекту Руставели. Мне кажется, что в Грузии благодатная почва для сближения людей.

Я хорошо знакома с академиком Евгением Примаковым, директором Института мировой экономики и международных отношений и его супругой. Академик Примаков не грузин, но вырос в Грузии. Он почетный гражданин города Тбилиси, а его супруга Лаура — грузинка.

Прошло несколько лет после того, как я впервые посетила Тбилиси по настоятельному совету супругов Примаковых и с их рекомендательным письмом. Теперь же, когда я приезжаю в Москву и как только завершаются все мои дела, душа моя уже летит в Грузию. Мои московские друзья не без упрека говорят мне: «Кроме Москвы и Грузии много интересных мест в Советском Союзе, а ты каждый год опять едешь в Грузию...». Ничего не поделаешь: Грузия — любовь моя.

Теперь расскажу вкратце о нашем Обществе японских друзей Грузии, о том, как оно возникло, какие люди объединились вокруг него.

Однажды мой давний знакомый — директор Института востоковедения Академии наук Грузинской ССР, профессор Тамаз Гамкрелидзе рассказал мне, что в Японии есть человек, который знает грузинский язык. Его зовут Сэити Китагава, работает он в университете Хоккайдо (а сейчас он доцент по истории Ирана в университете Хиромаэ). Неужели в Японии есть человек, владеющий таким трудным языком, как грузинский?!

Возвратившись на родину, я сразу написала ему письмо и просила о встрече. Грузинский язык стал посредником нашего доброго знакомства. Кстати, Китагава-сан во время стажировки в Тбилиси познакомился с красавицей армянкой, выросшей в Грузии, и женился на ней.

Когда в Токио состоялся Всемирный съезд лингвистов, среди его участников был и профессор Гамкрелидзе. Тогда в качестве начальника секретариата съезда работал профессор университета Гакусюин — Тадао Симомия. Во время учебы в

Германии он, занимаясь немецкой литературой, изучал одновременно грузинский язык. Профессор Симомия ни разу не был в Грузии, но рисуя в своем воображении эту прекрасную страну, он преподает нам грузинский язык.

Он познакомил меня с Такэхидэ Харата, который работает в клубе знаменитого токийского издательства «Иванами», где демонстрируются фильмы лучших мастеров мирового кино, в том числе и Японии, фильмы, не идущие в коммерческих кинотеатрах. Харата очарован Грузией еще с тех пор, как организовал показ грузинского фильма «Пиросмани» в Японии. Спустя некоторое время он даже совершил свадебное путешествие в Тбилиси. С его слов я узнала, что он, оказываясь, прочитал все мои путевые заметки о Грузии. Теперь мы как старые добрые друзья. Харата в свою очередь познакомил меня с новым поклонником Грузии, директором токийского издательства «Риронся» — Рёхэй Кояма. Это издательство выпустило на японском языке поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Так постепенно расширялся круг друзей Грузии. Да, необходимо еще сказать о почетном профессоре университета Нагоя — Такэси Симмура. После «круглого стола» советской и японской общественности, состоявшегося в Москве, он посетил Тбилиси и сразу полюбил его. Профессору Симмура уже более 30 лет. Он говорит, что полвека назад, еще в бытность студентом, Грузия уже привлекала его внимание.

Не теряя времени, Симмура, Комияма, Симомия, Китагава, супруги Харата и я, горящие желанием что-то сделать для Грузии, собрались и приняли решение о создании Общества японских друзей Грузии и о выпуске его вестника, первый номер которого вышел в октябре 1986 года. Конечно, все мы очень заняты, нелегко нам и собираться вместе, но, вдохновленные высокими помыслами, мы полны решимости выпускать вестник ежеквартально. В настоящее время мы работаем над вторым номером.

Расходы, связанные с выпуском вестника, разумеется, брем на себя. (В последнее время, к счастью, нашлись фирмы, готовые дать платные рекламы на страницах вестника, и нам стало несколько легче материально).

Работая над нашим грузинским вестником, мы как бы продолжаем писать письма признания в любви Грузии.

Первый номер мы послали наугад по многим адресам, людям, которые, по нашему мнению, может быть, знают и любят Грузию. А результат — ошеломляющий. По всей Япо-

нии среди мужчин и женщин, людей самых разных профессий и возрастов несколько сот друзей Грузии! «Ждем второй номер, скорее присылайте!» — письма такого содержания очень часто поступают к нам, раздаются также телефонные звонки с аналогичной просьбой. Мы думаем в будущем увеличить количество членов нашего Общества за счет читателей вестника.

Теперь несколько слов о личном, сокровенном — о моей потаенной любви к Грузии. Мне очень приятно, что нам удалось включить Тбилиси в число городов — наряду с Москвой и Ленинградом, — куда поедет труппа театра Кабуки, руководимая Утаэмон. «Ведь театр имени Марджанишвили в Тбилиси поставил пьесу Тикамацу Мондзаэмона «Двойное самоубийство влюбленных на острове небесных сетей». «Надо и туда поехать!» — настаивала я и не отставала от Утаэмона до тех пор, пока наконец не добилась своего.

В Японию приехала съемочная группа во главе с режиссером Сосо Чхеидзе, чтобы заснять певцов из ансамбля Ямасиро, записавших на пластинку народные песни Грузии в их исполнении. Они тоже никогда не были в Грузии, не встречались с грузинами. Сосо Чхеидзе — лауреат премии имени Шота Руставели за картину «Пастухи Тушетии». Нам всем будет интересно узнать, какое впечатление произведет на публику его новая лента «Грузинские напевы» (предварительное название), в которой поют и японцы.

Я порой пропускаю свои занятия, чтобы ознакомить японцев с народом и культурой Грузии, чему очень рада. Это не что иное как выражение моей любви к Грузии.

Токио, март 1987 г.

Перевод с японского К. РЕХО

В ТЕАТРЕ, как известно, многое зависит от режиссера. А если он еще и автор пьес, и художник, и, главное, организатор театра — его душа — то от него зависит практически все.

**Юлия БЕЗЪЯЗЫЧНАЯ,
Ирина СИМАКОВСКАЯ**

ЭНЕРГИЯ ДОБРА

Общеизвестное высказывание о том, что режиссер должен умереть в актере, в случае с Резо Габриадзе находит реальное подтверждение: режиссер и драматург действительно «умирают» в персонажах спектаклей. Невольно напрашивается «крамольная» мысль: пьесы дороже ему, нежели сценарии. «И это об авторе «Не горюй!», «Кувшина», «Мимино!» — скажете вы. Дело в том, что сценарист — человек зависимый. От замысла до воплощения на экране происходят подчас огромные изменения, и «прикладывают руку» в данном случае не только редактор киностудии, но и режиссер, который, конечно же, имеет свое видение.

В Тбилисском государственном театре марионеток, возглавляемом Резо Габриадзе, все идущие в нем три пьесы написаны и поставлены одним человеком. Видения автора и режиссера совпали полностью, дав в результате три своеобразных спектакля.

Откуда же берется их сила, способная взбудоражить душу зрительного зала? Попробуем разобраться.

Когда раздвигается занавес, первое чувство, возникающее у зрителей, — ирреальность происходящего. Там, вдалеке, окруженные, как рамой, порталом черного бархата, появляются, будто материализуясь на наших глазах, марионетки. Примерно то же ощущаешь в стереоскопическом кино, когда ты сам как бы находишься среди персонажей.

Марионетками «руководят» живые люди. Актерам-кукловодам приходится труднее, чем просто актерам. Мастерство, достигшее высочайшей степени, продуманность и отработанность каждой детали, проникновение в идею рождают высшую импровизацию. И совершается чудо: кукла оживает! Она становится «человеком», оставаясь куклой для того, чтобы показать нам, зрителям, то лучшее, что всегда живет в нас. Ведь человек-актер порой не в силах показать нам подобное...

Глядя на марионеток Габриадзе, не веришь, что они — куклы. В этом заключен особый эффект: мы не видим ни кукловода, ни нитей. Кукла обычного ручного театра связана с артистом, зрители знают, что она надета на руку. А марионетки для нас — живые существа. Они ходят, летают, сидят. Их поведение психологически обусловлено, им доступны вершины человеческих переживаний. И лишь с первых рядов видны сосредоточенные лица актеров-кукловодов, их напряженные руки: «партитура» роли каждой куклы должна выполняться с предельной точностью. Малейшее неточное движение руки — и нити могут запутаться. Движения же кукол порой сверхсложны: любовная сцена в «Альфреде и Виолетте», погоня (на лошади, на самолете!) в «Осени нашей весны» и множество других. Актеров Театра марионеток отличает чувство товарищества, полнейшее взаимопонимание, «дружество», как сказали бы раньше.

Известно, что кукловоды этого театра — непрофессиональные актеры. Загоревшись несколько лет назад идеями Габриадзе, они стали его опорой, и, как знать, состоялся бы без них этот замечательный театр. Может быть, Габриадзе переносит несколько сцен в «Осени нашей весны» поближе к зрителям еще и для того, чтобы дать возможность увидеть и оценить работу актеров-кукловодов. Безусловно, многим запомнилось лицо актрисы, управляющей куклой Варлаамом, точнее перевоплотившейся в Варлаама. Перенос места действия почти вплотную к первому ряду позволяет увидеть, как еле заметно меняется выражение ее лица. И это отнюдь не

полярная смена настроений (от радости к грусти, например), а тончайшие, чуть видимые оттенки изменения внутреннего состояния героя в предсмертный час. Такую филигранную игру и в драматическом театре приходится наблюдать нечасто — она доступна лишь немногим.

Особое обаяние персонажам спектаклей придают голоса великолепных актеров — Эроси Манджгаладзе, Верико Анджапаридзе, Рамаза Чхиквадзе. Одним только голосом они сумели одушевить своих персонажей. Сейчас нам уже трудно представить, что Текла из «Бриллианта...» говорила бы не голосом Верико Анджапаридзе, а князя Вано Фантиашвили озвучил бы не Эроси Манджгаладзе. И Боря — великолепный Боря Гадай — немыслим теперь без голоса Рамаза Чхиквадзе. Удивительно, но при нескольких просмотрах одного и того же спектакля не ощущалось однообразия в звуковом оформлении, казалось, что все персонажи озвучиваются прямо сейчас, при нас.

О спектаклях «Альфред и Виолетта» и «Бриллиант маршала де Фантье» написано немало теплых слов (например, статья Е. Калмаковского в «Театре» № 8 за 1983 г.). «Альфред и Виолетта» — проба сил коллектива, спектакль, интересный по замыслу и исполнению, рассказавший о любви Альфреда и Виолетты — не тех, оперных, а современных тбилисских. «Бриллиант...» — второй спектакль театра, более насыщенный по темпераменту и выразительным средствам. Ностальгическое соединение Тифлиса и Парижа с присущими жителям этих двух городов красотой чувств и благородством вылилось в грустную романтическую историю о любви, которая, оказавшись несчастной, все же оставляет своих героев на высоте.

Эти два спектакля решены в более традиционной для кукольного театра форме: здесь есть и незамысловатый сюжет со счастливым концом, и большие, легко узнаваемые куклы-маски в «Бриллианте...», и характерные марионетки в «Альфреде...». Зритель легко может проводить параллели как с сегодняшней жизнью («Альфред и Виолетта»), так и со многими произведениями грузинского искусства, рассказывающими о жизни в начале века («Бриллиант...»).

Последняя по времени премьера театра — «Осень нашей весны» — соединила в себе все накопленное этим коллективом за пять лет существования. После просмотра первых двух спектаклей основными чувствами, возникающими у зрителя, были умиление и восхищение. А «Осень нашей весны»... Что

может ощущать человек, в чьей душе живы отголоски послевоенного времени, когда вдруг маленькие, «детские» марионетки разыгрывают перед ним эту самую жизнь? Какие чувства возникают у поколения, чья молодость совпала с появлением «Путешествия дилетантов» Булата Окуджава и «Пожара» Валентина Распутина, поколения, которое составило представление об этих годах по рассказам старших и по хорошей литературе? И для тех, и для других этот спектакль — откровение. И пусть по-разному они воспринимают его, но то, что происходит на сцене, затрагивает глубины души. Несомненно: «Осень нашей весны» — значительное театральное явление.

Все основные «составляющие» театра Габриадзе: пьеса, режиссура, озвучивание, оформление — дают в этом спектакле «золотой» сплав. Пожалуй, можно сказать, что предыдущая работа коллектива была лишь увертюрой (безусловно, очень талантливой) к «Осени нашей весны», в которой язык, созданный театром, обогатился, стал более гибким.

Удивительная история о Боре, его бабушке Домне и возлюбленной Нинели, о жизни в первые послевоенные годы в Кутаиси неспешно разворачивается перед зрителями. Они уже настроились на озорную волну... И вдруг — сцена смерти старого шарманщика Варлаама. Предельно искренняя, узнаваемая, завораживающая.

Габриадзе может написать под каждым сюжетным поворотом этой пьесы, что все это БЫЛО. Было в той, настоящей, жизни в далеком 1946 году. Тут уже не только буйство фантазии движет его пером, но и «документальная память», «воспоминания о времени и о себе». Поэтому так сложно пересказать этот спектакль, ибо нельзя пересказать то, что поддается только восприятию душой. Можно вспомнить лишь цепь эпизодов, составляющих его, но нечто, их объединяющее, лежит уже за пределами человеческого разума. Да и надо ли докапываться до истоков, раскладывать все на составные части?

Множество эпизодов, подмеченных в жизни, Габриадзе объединяет в повествование о птичке Боре. То что Боря птица — единственная «вольность», допущенная автором в этом документальном полотне, и главная удача пьесы и спектакля. Боря — пернатый, поэтому ему не может отдать свое сердце его возлюбленная Нинель, поэтому он, спросив разрешения у ангела, украшающего фронтон здания банка, влетает в окно и берет «взаймы» двадцать пять рублей. Поэтому в кино он

протыкает клювом на экране «капиталистическую» актрису Вивьен Ли, преклоняясь перед ее талантом и красотой. С другой стороны, это благородное существо, любящее без взаимности, трогательно опекающее свою бабушку Домну; разочаровавшись в жизни, Боря попадает в компанию стилиг, отплясывающих «враждебные» буги-вуги... Он и пламенный защитник справедливости на суде, и печальный оратор, произносящий речь о месте человека в природе. Поэтому и отбывает наказание не в тюрьме для людей, а в тюрьме для птиц — в витрине зоомагазина. Ведь он — пернатый.

С неожиданно чудесным появлением Чаплина в «Осени нашей весны» осознаешь тончайшую духовную связь мира, созданного Резо Габриадзе, с творениями Чаплина. Знаменитая чаплинская мелодия, витающая в зрительном зале с самого начала спектакля, вдруг воплощается в реальные звуки. Лиризм возносится над гиперболой и даже эксцентрикой. Доброта и благородство одерживают победу.

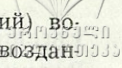
Страстный, проникновенный финал спектакля не оставляет в зале равнодушных. Оглянитесь вокруг, люди! Посмотрите на тех, кто окружает вас: на людей, птиц, на все живое! Человек — вот главная созидательная сила на Земле, но он же может стать и главным разрушителем всего земного. Тебе, Человек, дан разум, так распоряжайся им разумно!

Вот два мнения зрителей, так сказать, профессионалов, причастных к театру, видевших этот спектакль во время прошлогодних майских гастролей габриадзевских марионеток в Москве, проходивших в течение восьми дней на малой сцене театра на Таганке при переполненном зале, когда люди сидели даже на приставных стульях и просто на полу.

Поэт Юрий Ряшенцев: ...В прозаической «железнодорожной» реальности Габриадзе обнаружил бездну поэзии. Своеобразие ее в том, что она противоречива: будто бы сюжеты Гофмана играют в декорации Платонова. Если следовать логике рассудка, многие события могут показаться непонятными, нелогичными... Ребенок рисует московский двор. Во дворе стоит жираф... Нелогично!

Тем не менее впечатление может быть сильным. Так и появление Чаплина на прикутаисских железнодорожных путях не менее ошеломительно и абсолютно нелогично. Впечатление же производит колоссальное. Таков этот театр! Его обаяние настолько сильно, что забываешь о логике. Сдаешься, подчиняешься эмоциям.

Неожиданно и прекрасно то, что национальный грузин

ский характер (я бы даже сказал — западно-грузинский) воплощен в образе птицы, ведь птицы не утратили первоначального благородства. И суд над Борей по юридическим законам, придуманным человеком, несет в себе мысль о том, вправе ли человек судить птицу по своим законам. Достоин ли он этого права...

Народный артист СССР **Владимир Этуш**: Когда смотришь глубокий, серьезный спектакль, он задевает, заставляет задуматься. Но этот проникает в сердце... Об «Осени нашей весны» можно сказать много восторженных слов, и они не будут преувеличением и комплиментами, потому что в этом спектакле есть все: невероятная фантазия, удивительная доброта и гуманность, детскость, ирония, грусть, смех... Словом, сама жизнь. Вспомните эпизод: Боря просит бабушку пустить переночевать парня, который остался без крыши над головой. И на сцене вдруг появляется Чарли — Чарли Чаплин! Казалось бы, невороятно, несоединимо! А на самом деле — необычайно тонкий, ностальгический прием.

Иногда можно слышать: вот, мол, марионетки, куклы, какое уж тут искусство! Нет, и еще раз нет! Резо Габриадзе и его театр еще раз доказывают, что в искусстве нет хороших и плохих жанров, а есть только хорошее или плохое их воплощение.

После просмотра спектаклей тбилисского Театра марионеток еще долго не уходит из памяти князь Вано Фантиашвили, бабушка Домна, Альфред и, конечно же, Боря.

Эйфелева башня, вырастающая на наших глазах в «Бриллианте маршала де Фантье», Боря и Чаплин в «Осени нашей весны» — детища фантазии Габриадзе — наша добрая мечта, пути к осуществлению которой нам порой неведомы.

Как-то в одном из интервью Габриадзе сказал, что любовь мужчины и женщины — лишь частица той всеобщей любви, которая правит миром. Еще одной такой частицей стало чувство, рожденное в зрителях Театром Резо Габриадзе, — безграничная вера в могущество добра.

Евгения ГОРЧАКОВА,
Вадим ГОРЧАКОВ

041935940
2022010033

В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО И МИРОВОГО ИСКУССТВА

В АПРЕЛЕ-МАЕ 1987 года в Москве в Центральном доме художника проходила выставка «Изобразительное искусство Грузинской ССР», организованная Союзом художников, Министерством культуры СССР и Грузии в русле подготовки к 70-летию Великого Октября.

Становление социалистического искусства Грузии неотделимо от формирования национальной школы, получившего мощные стимулы в социальной активности общества. В отличие от республик, чье профессиональное искусство зародилось лишь в годы Советской власти, в Грузии оно имело свою предысторию.

Грузинское искусство никогда не было замкнутым — оно вбирало в себя элементы других искусств, родственных по своей прогрессивной направленности, сохраняя при этом национальную самобытность. Гуманность, поэтичность, подчас романтическая окраска делают искусство Грузии близким всем народам нашей страны. Это позволило организаторам выставки рассмотреть творчество грузинских мастеров в контексте советского и мирового искусства.

На выставке представлены живопись, скульптура, графика, театрально-декорационное, монументальное и, конечно, декоративно-прикладное искусство. Главное внимание сегодня мы акцентируем на анализе живописного и скульптурного разделов, где наиболее полно проявились органическая связь с современностью, высокие идеалы социалистического общества. Здесь нашли отражение национальная неповторимость мироощущения народа, его легкий, изящный юмор и оптимизм. Существенно, что искусство Грузии имеет глубокие традиции

и сформировавшуюся систему этических и эстетических оценок, в которой отразились история и характер народа.

Произведение одного из прославленных мастеров начала XX века Нико Пиросманишвили «Косуля» (1913) открывает экспозицию. Это воплощение человечности, которой художник наделяет и своих героев, и саму природу Грузии. Его творчество пронизано поэтическим восприятием самых обыденных проявлений жизни, в глубоко народных образах раскрывая возвышенное представление о мире.

Первые герои грузинского изобразительного искусства — простолюдины, люди, для которых радость общения превыше всего. Из гуцы народа, в минуты праздничного ликования и отдыха, рождались произведения Ладо Гудиашвили. Изображая народные праздники, художник говорит о близости людей, радостной, раскованной жизни. Выражением темперамента, олицетворением танца, музыкальности становятся гротескные характеристики. В этой бурлящей стихии находили счастье общения выдающиеся поэты, писатели, музыканты, художники. Уже в 20-е годы проявляются существенные особенности современного художественного сознания, выражение народных представлений обретает личностную форму.

Искусство Грузии многоаспектно и многопланово. Глубокой тишиной веет от произведения Д. Какабадзе «Портрет матери на фоне пейзажа» (1918), где масштабные события времени получают лирическую окраску. Любовь к матери — это и олицетворение любви к Родине. Образ героини демократичен, неброски, сдержанны краски родного края.

Советское искусство республики наряду с грузинскими художниками создавали художники и других национальностей — армяне, русские, осетины.

Колорит народной жизни неотделим от самого облика Тбилиси, чей образ складывался тысячелетиями. Дома здесь напоминают пеструю народную толпу, шумную, подвижную, под единой крышей голубого неба. В этой среде складывались хорошие песни, рождались самобытные танцы и музыка. «Старый Тбилиси» (1938), «Уголок старого Тбилиси» (1975) Е. Ахвледиани полны динамикой действия — герои строят, стирают белье, беседуют. Город увиден глазами участника и «летописца» его жизни. Образы грузинского искусства несут в себе радость единения, иронию, юмор. Для грузина речь без шутки кажется пресной, пассивной. Искрящийся ум, неожиданность каламбура — все это неотъемлемые качества открытой жизни города.

Сегодня мы можем по-новому прочесть полотна А. Бажбеук-Меликова, который в жизни артистов, праздничности и экзотике цирка видел не только красоту современности, но и вневременной характер, символическое воплощение народных идеалов («Бродячий цирк», 1930, «Портрет женщины», 1944).

Характерно, что каждое новое поколение мастеров грузинской живописи наследует не только тематику, но сам дух народа. Среди эпических полотен Г. Тоидзе одним из лучших оказывается несколько ироничный «Дворник» (1985). В картине — это главный герой. Он представлен своего рода хозяином города, его жизнь нестделима от петляющих улиц, громящихся друг над другом зданий. Поэзия повседневности — глубоко сокровенный мотив произведения. Встреча с «вечным персонажем» вызывает улыбку, в образ торжественной панорамности вплетаются элементы юмора, что вносит демократическую, жанровую ноту в характеристику города. Время тут как бы остановилось, пейзаж неотделим от внутренней жизни героя. Отсюда источник активной сопричастности со зрителем. Тоидзе умеет сопоставить противоположные начала — эпичность, углубленность во времени с жанровыми, сиюминутными мотивами.

Необычайно разнообразны сюжетные полотна выставки. Авторам лучших из них присуще умение частному факту придать масштабность, уплотнить время. Это характерно для «Мастера» Т. Цхондиа (1980), «Сбивания масла» Г. Агапшвили (1976). Огромную роль здесь играет декоративность живописных решений — мотив рисованного рыночного ковра в произведении «Домохозяйка» А. Чагелишвили (1980), избегая упрощенности, переводит рассказ в поэтический аспект. Лирические начала присущи полотнам З. Голава «Женщина с цветами» (1980), Э. Ониани «Мама вышивает» (1978), «Мама с носовым платком» (1985). «Песенность» органически вплетается в жанровые сюжеты, ибо вся жизнь грузинского народа проникнута музыкой. Это характерно для образов Р. Тордиа в работах «Уставшая актриса» (1986) и «Летний день» (1981).

Приподнятость мировосприятия сложилась в своеобразную тенденцию театрализации образов. В полотнах «Семья пастуха» (1976) и «Возвращение» (1978) И. Паташури создает идеальные образы людей, чья жизнь как бы совершается на сцене. Мир — огромный театр, актерами которого являемся мы сами. Каждая картина воспринимается как часть эпического сказания. Она завершена и в то же время — продол-

жение другой. Насыщен и полон красочного напряжения колорит, все происходящее словно сопровождается оркестром. Создание своего взыскательного эстетизированного мира, сопричастного театральности, характерно и для полотен З. Нижарадзе «Уличная сценка. Рим» (1968), «Обнаженная с клубками» (1980). Его искусство раскрывает важнейшую особенность культуры Грузии, где мир существует в нескольких ипостасях — реальности, сцены, песенности, легенды. Мастера грузинского искусства смогли внести значительный вклад в решение проблемы национального звучания в современном искусстве, заложенного в самом противопоставлении чисто народного понимания задач рисунка, цвета, — обыденности.

Индивидуальная яркость, своеобразие живописных решений органически вытекают из народного мироощущения. В этом смысле особенно характерно творчество Х. Гасиева. Полотно «Нико и Маргарита» (1987) показывает, как вечны, живы образы, созданные Пиросмани. Гасиев сумел не только глубоко проникнуть в его стилистику, но и в сам дух его творчества. Персонажи картины — Нико, Маргарита, кучер, наконец, характеристика пространства — все живет прекрасной вечной жизнью легенды. Здесь с особой полнотой проявилась способность грузинских художников возвысить жанровую сцену до высокой поэзии. Многие полотна заключают в себе своего рода новеллы, притчи, где жизнь человека предстает не как частный факт, а как этическая и эстетическая норма.

Капитальными произведениями представлен исторический жанр. Простотой и естественностью композиционного решения отмечено полотно Б. Швелидзе «Воспоминание о героях» (1964). Как мастер исторической картины вошел в советское искусство Г. Геловани. Его «В. И. Ленин в Разливе» (1961) привлекает масштабностью замысла: ленинизм — высшее достижение современной революционной мысли. Таков контекст образа, где уверенная и торжественная поступь вождя воспринимается как неотвратимость победы социальной справедливости.

Р. Тархан-Моурави далек от описательности, репортажества, являющихся бичом исторических полотен нашего искусства. Его образам присущи подлинно эпические начала, фресковый характер («Раскрепощенный труд», 1974, «Вестник победы», 1975). В произведениях художника звучат голоса народных торжеств и события обретают благодаря концентрации времени эпохальный характер. В его творчестве склады-

ваются современные традиции монументального искусства. Полотна живописца синтезируют опыт многих мастеров Грузии.

Современное искусство по-новому относится к истории, освобождая ее от анахронизмов. «А. Грибоедов в салоне А. Чавчавадзе» Д. Кухалашвили (1983) привлекает свободой и непосредственностью импровизации. Убеждает не только характер изображенных героев, их значительность и масштабность, но и неповторимый дух Грузии XIX века. Внимание фиксируется не на констатации частностей, регалий, реквизита; перед нами — мир, увиденный глазами поэта.

Все чаще сегодня изобразительное искусство обращается к проблеме осмысления особенностей поэтического постижения мира. Отсюда возрастающее многообразие выразительных средств, яркость индивидуальных почерков, стилистики. Таинственность атмосферы искусства в картине Л. Ласарейшвили «Мальчик и гостя» (1984) окрашена иронией. Так стояли перед холстами тысячи художников. Так же царил тишина в мастерской, так же мифически прекрасной воспринималась очередная модель. Неважно, какова гостя — на ее месте могут быть десятки других. Важна сама встреча художника с тайной искусства.

Немалую роль в становлении советского искусства республики играет портретный жанр. Печатью достоинства, благородства отмечены портретные образы И. Тоидзе («Портрет А. Тоидзе», 1922), К. Магалашвили («Портрет художницы Е. Ахвледиани», 1924), С. Кобуладзе («Портрет девушки», 1934), Т. Хуцишвили («Портрет искусствоведа Г. Хоштариа», 1983).

В станковой скульптуре¹ наибольшие достижения принадлежат также портретному жанру, где с особой силой проявилось умение мастеров уходить от частностей к созданию образов большой емкости, духовной наполненности. Таковы портреты Р. Нарошвили («Портрет Т. Цивцивадзе», 1982), Д. Рухадзе, в которых активно прослеживается графическое начало, стилизация. Острота сюжунутности и эпические начала характерны для «Портрета девушки» А. Топуридзе (1984). Поразительно, как в скульптурном образе К. Григолия («Портрет художника З. Нижарадзе») дает целый спектр

¹ Монументальная скульптура, естественно, не могла быть представлена оригиналами, а фотография, как бы она ни была удачна, не может передать всей выразительности самого произведения.

чувств. Типизация, обобщение позволяют Р. Гачечиладзе представить конкретного героя как вечный тип («Портрет М. Джапаридзе»). Способность к перевоплощению — особенность искусства. Народными поверьями, карнавальностью веет от «Маски» Т. Сулханишвили (1979), выражающей и глубокое благородство, и страдание, и постижение художником самого себя.

Портретный жанр — своего рода концептуальное ядро выставки. В нем нашли выражение самые высокие представления о человеке, образ которого в искусстве Грузии всегда приподнят над обыденностью. Портретные герои не ходульны, в них нет стереотипности — они привлекают глубоко национальной окраской, чувством раскованности, свободы и темпераментом. Пластика мощна и энергична. Что позволяет грузинским мастерам при монументализации портретных образов так глубоко индивидуально, остро видеть характерные черты? Думается, причина в осознании ценности личности. Не о человеке вообще говорят художники, но о героях неповторимых и вместе с тем составляющих некое единое представление о нашей современности.

Наивысшее достижение графического раздела — «Данте» С. Кобуладзе, отразивший монолитность народной культуры, ее величие. Суть этого произведения в умении художника возвысить зрителя до вечной поэзии. Чеканным рельефом смотрится профиль поэта. К сожалению, раздел графики, несмотря на разнообразие техники и приемов, в целом получился неинтересным. Техническое мастерство, формальные поиски помешали проникновению в духовную жизнь образа.

Самобытность форм декоративно-прикладного искусства, в произведениях которого отразились особенности жизни и быта народа, обогащает выставку, позволяет видеть связь современного искусства с традициями прошлого, их переосмысление. Таковы керамика, изделия из металла, украшения, гобелены. В «Балладе о Пиросманишвили» Г. Кандарели (1979) стилистика образов Пиросмани органически связана с декоративным решением гобелена.

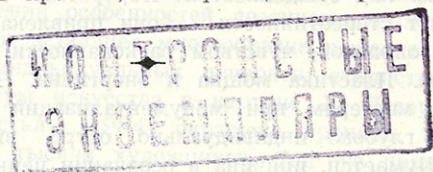
Сегодня искусство Грузии стремится к решению самых сложных задач современности. Оно особенно притягательно своей жизненной силой, артистизмом. Преодоление элементов парадности, конъюнктурной тематики делает встречу с ним тем более радостной.

Однако, рассматривая творчество художников в свете развивающейся перестройки, демократизации и гласности, следует

отметить, что, безусловно, большего внимания заслуживает тематика труда и созидания. Кроме того, искусство обязано раскрывать перед обществом не только позитивные явления, утверждать высокие идеалы, но и быть беспощадным к низости, подхалимству, лжи и другим общественным порокам. Это замечание прежде всего должно быть адресовано к графике и плакату. На будущих выставках хотелось бы видеть и политический плакат.

Искусство Грузии, вобравшее в себя ее многогранное культурное наследие, заставляет по-новому смотреть на повседневность, видеть в простом, повторяющемся, проявление непреходящего.

ХРОНИКА

ГАСТРОЛИ ТЕАТРОВ ТБИЛИСИ

Молодежная труппа Тбилисского академического театра имени Руставели провела гастроли в Боржоми, Ахалцихе и Телави. В Ахалцихе, Ахалкалаки и Богдановке выступили артисты тбилисского армянского театра имени С. Шаумяна. Академический театр имени К. Марджанишвили показал свои спектакли батумцам. Грузинский государственный театр пантомимы побывал в Кахети.

Шли гастроли грузинских театров и за пределами республики. Тбилисский оперный театр показал свое искусство в столице Армении Ереване. В Кишиневе и Одессе гастролировал Тбилисский русский

театр имени А. Грибоедова. У русского ТЮЗа был самый отдаленный маршрут — Якутия.

Осуществляются гастроли тбилисских театров за рубежом: в Аргентине смотрят лучшие постановки руставелевцев. Болгария встречает труппу марджановцев.

Театр марионеток Р. Габриадзе 9 августа выехал в Шотландию на Эдинбургский международный театральный фестиваль. В свое время участие в этом фестивале театра имени Руставели способствовало утверждению авторитета театрального искусства Грузии на мировой сцене. В сентябре на международном фестивале пантомимы в Кельне выступит Грузинский театр пантомимы.

Сдано в набор 18.06.87. Подписано к печати 19.08.87 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 10788. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5 000. Заказ 1585. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТ-
КИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь),
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

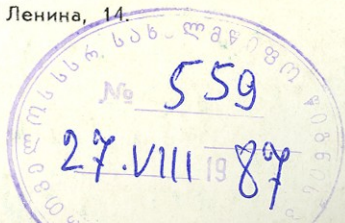
ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь —
93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и
93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

ИНДЕКС 78117

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

26-87

87-559

